

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т.3. № 1 2017

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2017

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
SCHOOL OF PUBLIC POLICY

SHAGI

/STEPS

Vol. 3. No. 1 2017

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moscow
2017

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (зам. главного редактора)

М. И. Байдуж (зав. редакцией)

Н. П. Гринцер (куратор направления «Античная культура»)

М. Л. Майофис (куратор направления «Историко-культурные исследования»)

М. С. Неклюдова (куратор направления «Культурология и социальная коммуникация»)

Д. С. Николаев (координатор редакции)

В. Ф. Спиридонов (куратор направления «Когнитивные исследования»)

Н. Ю. Чалисова (куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание»)

Е. П. Шумилова (координатор издательских программ ШАГИ)

Редакционная коллегия

Х. Баран, Университет Олбани (США)

Н. Б. Вахтин, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Л. М. Ермакова, Университет иностранных языков города Кобе (Япония)

А. Л. Зорин, Оксфордский университет (Великобритания); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

С. Э. Зуев, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

С. А. Иванов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)

К. Келли, Оксфордский университет (Великобритания)

А. А. Кибрик, Институт языкознания РАН (Россия)

М. А. Кронгауз, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)

С. Ловелл, Лондонский университет, Кингс Колледж (Великобритания)

В. А. Мау, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

Ю. Л. Слёзкин, Калифорнийский университет в Беркли (США)

Т. В. Черниговская, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

А. Шёнле, Лондонский университет королевы Марии (Великобритания)

Editor-in-Chief

S. Yu. Nekliudov (Responsible for Theoretical Folklore Studies Section)

Editorial Team

M. V. Akhmetova (Deputy Editor-in-Chief)

M. I. Baiduzh (Editorial Staff Manager)

N. Yu. Chalisova (Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistics Section)

N. P. Grintser (Responsible for Classical Studies Section)

M. L. Maiofis (Responsible for Historical and Cultural Studies Section)

M. S. Neklyudova (Responsible for Cultural and Social Communication Studies Section)

D. S. Nikolaev (Editorial Coordinator)

E. P. Shumilova (Coordinator of Publication Programs of the School for Advanced Studies in the Humanities)

V. F. Spiridonov (Responsible for Cognitive Studies Section)

Editorial Board

H. Baran, University at Albany, State University of New York (USA)

T. V. Chernigovskaya, St. Petersburg State University (Russia)

L. M. Ermakova, Kobe City University of Foreign Studies (Japan)

S. A. Ivanov, National Research University "Higher School of Economy" (Russia)

C. Kelly, University of Oxford (Great Britain)

A. A. Kibrik, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia)

M. A. Krongauz, National Research University "Higher School of Economy" (Russia)

S. Lowell, University of London, King's College (Great Britain)

V. A. Mau, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Yu. Slezkine, The University of California, Berkeley (USA)

A. Schönlé, Queen Mary University of London (Great Britain)

N. B. Vakhtin, European University at St. Petersburg (Russia)

A. L. Zorin, University of Oxford (Great Britain); The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

S. E. Zuev, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Психологические исследования

- К. В. БАЛУЕВА-ДЮКОВА, Ю. Е. КРАВЧЕНКО. Связь осознаваемых и неосознаваемых показателей возбуждения со способностью к пониманию своих эмоций 8
- Т. О. ЮДИНА. Эмпатия и мораль: место встречи (обзор зарубежных исследований)..... 28
- Ю. П. МИГУН. Особенности функционирования морального сознания при допущении возможности совершения противоправного поступка..... 40
- А. П. КАРАБАНОВ. Современные подходы к пониманию концепта неопределенности 49
- М. БАНГУРА. Личностные особенности сотрудников вневедомственной охраны в связи со спецификой их профессиональной деятельности 64
- А. С. МАКАРЕНКО. Адаптация Объективного теста эвристического мышления 74
- Т. В. ПРЯХИНА. Особенности смещения внимания при восприятии табуированных слов 81
- М. И. МОРОЗОВ. Влияние категориальных названий на зрительный поиск 87
- А. В. СМЕРНИЦКАЯ, И. Ю. ВЛАДИМИРОВ. Различия в активности управляющего контроля при решении алгоритмизированных и творческих задач: метод вызванных потенциалов 98

Личные дневники и разнообразие советского «я»

- М. Л. МАЙОФИС, И. В. КУКУЛИН. От составителей рубрики..... 109
- О. Л. ЛЕЙБОВИЧ. «Недурно бы получить сколько-нибудь премии...» Советский рабочий наедине с дневником (1941–1955) 114
- И. Л. САВКИНА. «Мои простые записки»: модели самоидентификации в дневнике Нины Лашиной 136

Археология эмоциональной культуры

- О. О. РОГИНСКАЯ. Ménage à trois как (не)возможный сюжет у Руссо и Гончарова: от «Юлии, или Новой Элоизы» к «Обломову»..... 158
- Д. В. ЛАРИОНОВ. Непрочитанная пантомима: диссертация Евгения Харитонова в контексте его художественного творчества и советских теорий танца..... 185

CONTENTS

ARTICLES

Psychological studies

- K. V. BALUEVA-DIUKOVA, YU. E. KRAVCHENKO. Interoceptive awareness and heart rate response in regard to capacity to recognize own emotions 8
- T. O. YUDINA. Empathy and morality: Point of meeting (foreign literature review) 28
- YU. P. MIGUN. Aspects of how a moral consciousness functions when there is the possibility of perpetrating an illicit act 40
- A. P. KARABANOV. Current approaches to the concept of ambiguity 49
- M. BANGURA. Personality traits of non-departmental security personnel in connection with the particular character of their professional activity 64
- A. S. MAKARENKO. Adaptation of Objective Heuristic Thinking Test 74
- T. V. PRYAKHINA. Attentional bias for taboo words 81
- M. T. MOROZOV. The influence of categorical labels on visual search performance 87
- A. V. SMIRNITSKAYA, I. YU. VLADIMIROV. Differences in the activity of the executive functions in algorithmic and insight problem solving: ERP study 98

Personal diaries and varieties of the Soviet Self

- M. L. MAIOFIS, I. V. KUKULIN. From the guest editors 109
- O. L. LEIBOVICH. “It would be nice to get some kind of bonus...” The Soviet worker alone with his diary (1941–1955) 114
- I. L. SAVKINA. “My simple notes”: Patterns of self-identity in the diary of Nina Lashina 136

Archaeology of emotional culture

- O. O. ROGINSKAYA. Ménage à trois as (im)possible plot in Rousseau’s and Goncharov’s works: From “Julie, or the New Heloise” to “Oblomov” 158
- D. V. LARIONOV. Unread pantomime: Evgenii Kharitonov’s dissertation in the context of his artistic creativity and Soviet theories of dance 185

В настоящий номер журнала «Шаги / Steps» вошли разноплановые когнитивные и психологические исследования: обзорные и эмпирические работы, посвященные самым разным аспектам человеческого сознания и поведения. Статьи, составившие раздел, связаны с изучением психологии морали (просоциального поведения) и функционирования морального сознания, с факторами понимания своих эмоций, с восприятием табуированных слов и особыми вариантами зрительного поиска, с разноплановыми возможностями концептуализации понятия *неопределенность* и сравнительным анализом решения инсайтных и алгоритмизированных задач, а также с адаптацией русскоязычной версии теста эвристического мышления.

Тематически весьма непохожие друг на друга, эти статьи опираются на широкий спектр методов психологического исследования, концентрируясь на активно изучаемых (в некоторых случаях — даже модных) проблемах. При этом представленные тексты содержат не только позитивные свидетельства, но и отрицательные результаты, не подтвердившиеся гипотезы, недоказанные теоретические идеи. И пусть это не обескураживает читателя: практика реального научного исследования большей частью состоит из неудачных попыток. В таких условиях стоит руководствоваться максимой У. Черчилля, которая висит на стене в Лаборатории когнитивных исследований факультета психологии ИОН РАНХиГС: «Успех — это умение двигаться от неудачи к неудаче, не теряя энтузиазма».

**К. В. БАЛУЕВА-ДЮКОВА,
Ю. Е. КРАВЧЕНКО**

Балуева-Дюкова Ксения Владимировна
*аспирант, кафедра Общих закономерностей развития психики,
Институт психологии им. Л. С. Выготского,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 7 (499) 251-64-16
E-mail: k.balueva@gmail.com*

Кравченко Юнна Евгеньевна
*кандидат психологических наук
доцент, Московская международная академия,
Институт культурно-исторической психологии,
Россия, 129075, Москва, ул. Новомосковская, 15а, стр. 1
Тел.: 7 (495) 616-42-51
E-mail: asunaro@mail.ru*

СВЯЗЬ ОСОЗНАВАЕМЫХ И НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВОЗБУЖДЕНИЯ СО СПОСОБНОСТЬЮ К ПОНИМАНИЮ СВОИХ ЭМОЦИЙ

Аннотация. Основным источником знаний о своих эмоциях служит interoцепция. Наиболее надежными и исследованными коррелятами успешного понимания эмоций являются ощущения сердцебиения и общей активации организма (возбуждения). В предлагаемом исследовании сопоставляется вклад объективной оценки показателей сердечного ритма и возбуждения, с одной стороны, и interoцептивного самоотчета — с другой, в успешность понимания своих эмоций. Полученные результаты воспроизводят на русскоязычной выборке результаты западных исследователей и дополняют их в том, что касается детализации связи вариабельности сердечного ритма и электрического сопротивления кожи с успешностью понимания своих эмоций.

Ключевые слова: понимание своих эмоций, алекситимия, interoцепция, вариабельность сердечного ритма, электрическое сопротивление кожи

Первые исследования способности к пониманию своих эмоций связаны с изучением того, как люди интерпретируют ощущения, возникающие при переживании эмоций, и отличают их от перцептивных ощущений, связанных с восприятием внешних воздействий и особенно с ощущением изменений, протекающих во внутренней среде организма.

© К. В. БАЛУЕВА-ДЮКОВА, Ю. Е. КРАВЧЕНКО

Охарактеризовать различия между этими двумя видами ощущений стремились еще В. Вундт; сформулированные им в этой связи идеи относительно организации эмоциональной сферы актуальны по сей день. Попытки установить конкретные источники ощущений, которые сопутствуют конкретным эмоциям, весьма расширили границы научных представлений, однако из раза в раз не приводили к выявлению закономерных связей между изменениями в источнике и проявлением той или иной эмоции. В качестве таких источников чаще всего рассматривались следующие.

Во-первых, это изменения в организме, связанные с работой внутренних органов, особенностями гуморального обмена, обеспечивающими развернутое поведение. Эта идея впервые была сформулирована в теории Джеймса–Ланге и практически сразу подверглась критике за то, что в ней недооценивался контекст переживания. Ведь если ощущения порождают переживание эмоции, то один и тот же страх должен возникать, например, при убегании от собаки и убегании от дождя, что не так. Критика послужила развитию теории в трудах У. Джеймса, который впоследствии показывал, что эмоционально переживаются ощущения не таких конкретных реакций, как убегание, плач и т. п., а некие более общие ощущения [Friedman 2010]. В современных исследованиях, рассматривающих интероцепцию как источник эмоциональных ощущений, авторы сопоставляют особенности переживания людей со специфическими особенностями ощущений, возникающих в процессе реагирования, — например, у обычных людей, у людей, парализованных в результате заболевания или травмы (у которых и набор реакций, и набор соответствующих ощущений ограничен), и у спортсменов (у которых, наоборот, спектр возможностей физического реагирования и чувствительность к их телесным изменениям шире) [Mack et al. 2005; Cobos et al. 2002].

Во-вторых, в качестве источника ощущений, на основании которых мы понимаем, что переживаем те или иные эмоции, исследуется обратная связь от мышц, участвующих в экспрессии эмоций, в первую очередь лицевых. Согласно теориям лицевой обратной связи (facial feedback hypothesis), наши эмоции настолько тесно связаны с экспрессией, что даже в случае подавления все равно вызывают некоторую активность мышц, которые участвуют в их выражении. Активация этих мышц ощущается в форме переживания соответствующей эмоции, благодаря чему мы понимаем свои эмоции. Структурированный обзор современных исследований этого направления и их критику см. в [Кравченко 2014].

Исследователи обоих названных направлений согласны в том, что эмоциональное переживание возникает на основе ощущений перцептивной природы. Наиболее активно исследуемым источником таких ощущений стали особенности сердечного ритма. Выяснилось, что чувствительность к частоте сердцебиения высоко коррелирует со способностью к пониманию своих эмоций (в составе эмоционального интеллекта) и обратно коррелирует со склонностью к алекситимии¹ [Herbert et al. 2011; Pollatos et al. 2007], с интенсивностью

¹ Алекситимия — нарушение способности к пониманию своих эмоций, основанное на нарушении способности к словесному обозначению эмоций и к различению эмоциональных и неэмоциональных ощущений. Понятие изначально вводилось для характеристики некоторых нарушений в рамках психосоматической клиники. Разработанная в 1985 г. то-

отдельных эмоций в самоотчетах (по данным [Barrett 2004]). Исследователи обнаруживают различия в паттернах сердечной активности при реагировании на приятные и неприятные изображения [Sarlo et al. 2005] и даже при сходных эмоциональных нарушениях, например у обладателей разных фобий [Sarlo et al. 2002].

В-третьих, в качестве источника эмоциональных ощущений, информирующих нас о переживаемых эмоциях, некоторые исследователи (например, последователи двухфакторной теории С. Шахтера, согласно которой все ощущения, вызываемые эмоционально значимым стимулом, сводятся к ощущению уровня возбуждения организма) рассматривают чувство возбуждения, которое человек не может объяснить естественными причинами. В том случае, когда изменение возбуждения можно объяснить «естественными» причинами — употреблением стимуляторов наподобие табака и алкоголя, воздействием сильных раздражителей, состояниями (усталости, простуды), — человек не испытывает эмоций. В других случаях изменение возбуждения связано с некими воздействиями эмоциональной природы — угрозой, неожиданностью, симпатией и т. п. На основании выявления таких причин человек понимает, что переживает ту или иную эмоцию [Sinclair et al. 1994]. Двухфакторная теория эмоций породила обширную волну работ, в которых исследователи, манипулируя атрибуцией возбуждения, с разной степенью успешности формировали или устраняли эмоции участников.

Наконец, источником переживания могут быть ощущения, возникающие в результате интерпретации людьми различных процессов в организме. С этих позиций человек при столкновении со стимулами, которые расценивает как эмоционально воздействующие, начинает прислушиваться к своим ощущениям и находит то, что ищет. Такого рода факты установлены в экспериментах с ложной обратной связью, в которых испытуемым давали ложную информацию относительно их симптомов возбуждения [Palomba, Stegagno 1995] или сердцебиения [Valins 1974]. Испытуемые реагировали эмоционально в соответствии с характеристиками стимулов (нейтрально, огорчением, симпатией), «отмеченных» такой ложной информацией. На этом основании исследователи пришли к выводу, что и в обычной жизни эмоции могут возникать таким же путем, только источником ложных ощущений выступают представления самих людей о переживании эмоций.

В обоих направлениях исследований понимание эмоции основывается на ощущениях, источником которых выступает эмоциональная оценка стимула, которая становится поводом для интерпретации текущих ощущений, приписываемых в соответствии с этой оценкой либо внешним воздействиям, либо процессам, постоянно протекающим в организме (ощущениям возбуждения, работы сердца, дыхания, температурным и др.).

Таким образом, во всех источниках, из которых мы черпаем знания о переживаемых нами эмоциях, признается важность interoцептивных ощущений хотя бы на уровне ощущения возбуждения. Различия связаны со статусом этих ощущений, являются ли они признаком зарождения некоторого процесса в

ронгская алекситимическая шкала (TAS) позволяет зафиксировать алекситимию на уровне клинического симптома, а также оценить склонность к алекситимии при отсутствии психосоматических проявлений.

организме, будь то убежание, атака, затаивание, каталепсия (потеря контроля над поведением), лицевая экспрессия и т. д., или источником активности, направленной на эмоционально релевантную оценку внешнего воздействия (как угрожающего, полезного, непонятного и т. д.). Лишь после такой оценки активность претворится в какое-то действие (убегание, экспрессию, поисковое поведение и т. п.).

Мы предположили, что если понимание своих эмоций зиждется на ощущениях, сигнализирующих о некоторых процессах в организме, то оно будет успешно предсказываться самоотчетом об ощущениях. Проблема такого исследования состоит в том, что у разных людей это могут быть разные ощущения, и попытки их выявить и зафиксировать разбиваются об это разнообразие. Однако если ввести более общий показатель — количество разных ощущений в ответ на стимул и их суммарную интенсивность, — это позволит абстрагироваться от индивидуальных различий в содержании ощущений, и проблема будет решена. Тогда при столкновении с нейтральными стимулами количество разных ощущений и их суммарная интенсивность будут ниже, чем при столкновении с эмоционально окрашенным стимулом. Иными словами, эти показатели будут значимыми предикторами возникновения эмоций и будут высоко коррелировать с объективными показателями возбуждения. В случае эмоционально нейтральных воздействий такие связи и предикции не проявятся.

Методики

Использовались опросник ЭмИн Д. В. Люсина на эмоциональный интеллект, торонтская алекситимическая шкала (TAS), балльная оценка по шкалам лайкертовского типа, где 0 — полное отсутствие ощущения или эмоции, 1 — минимальная выраженность, 10 — максимальная выраженность. Шкалы эмоциональной оценки: удовольствие, гнев, расслабленность, удивление, презрение, стыд, тревога, отвращение, интерес, недовольство, возбуждение, страдание, радость, страх, спокойствие, вина, напряжение, печаль. Интенсивность оценки эмоций по этим шкалам далее использовалась для операционализации способности к пониманию своих эмоций на основании данных предшествующих исследований [Barrett et al. 2004], согласно которым те, кто более чувствителен к своему сердечному ритму, сообщают о большей интенсивности эмоций в самоотчете и демонстрируют более высокую способность к пониманию своих эмоций и меньшую склонность к алекситимии.

Шкалы оценки ощущений: «Заставил встрепенуться», «Вызвал общее чувство расслабления», «Ощущение слабости», «Возникло щекочущее чувство в теле (руках, ногах, спине, в животе)», «Приятные ощущения в груди», «Возмущение в животе», «Учащение сердцебиения», «Замедление сердцебиения», «Ощущение насыщения, наполнения», «Желание перекусить, сделать глоток чая, кофе», «Ощущение горячего или холодного в отдельных частях тела (пальцах рук, ногах, в груди)», «Покалывание в отдельных частях тела (руках, ногах, в теле)», «Слабое головокружение», «Слабая головная боль», «Ощущение сухости во рту или в горле», «Глотательное движение», «Заставил слегка слезиться глаза», «Ощущение мурашек (гусиной кожи)», «Слабое сокращение мышц (дрожь, судорога)», «Желание откашляться», «Перехватило

дыхание», «Уменьшение глубины дыхания», «Увеличение глубины дыхания», «Запершило в горле», «Стали горячими лоб или щеки», «Отток крови от лица», «Дрожащие губы», «Другое».

Электрическое сопротивление кожи (ЭСК) измеряли по методу Фере с использованием внешнего источника постоянного напряжения в 1 вольт. В качестве электродов применяли две медные пластины, крепившиеся на безымянный палец и запястье не ведущей руки. Данный способ регистрации ЭСК использовали ранее для выявления ошибок в деятельности оператора при дремотных изменениях сознания [Колбенева 2013]. Площадь электродов 1 см². Частота опроса составляла 8 Гц, что позволяло регистрировать колебания ЭСК в диапазоне от 0 до 4 Гц. Точность разрешения по амплитуде 10 Ом.

Вариабельность сердечного ритма измеряли при помощи спироартериокардиоритмографа (производство ООО «ИНТОКС», Санкт-Петербург). Данный аппарат осуществляет спектральный анализ ритма сердца и позволяет оценивать активность отдельных уровней в системе управления сердечным ритмом. Подробнее об измеряемых с его помощью показателях будет сказано при описании результатов.

Стимульный материал

Стимульный материал составили эмоционально окрашенные слайды. Часть слайдов взята из International Affective Picture System (IAPS), к ним были добавлены слайды из открытых источников в Интернете. Слайды, вызывающие отвращение, объединяла тематика рвоты, фекалий и опарышей. Чтобы инициировать удивление, были предложены изображения несуществующих животных, полученные путем соединения образов двух или трех разных известных животных в одном. Нейтральные слайды были взяты из базы IAPS на основании наиболее низкой валентности (по данным этой базы). Позитивные слайды отобраны оттуда же по критерию наиболее высокой положительной валентности. Слайды были организованы в серии, в которых сначала шли семь нейтральных слайдов, за ними следовали три слайда, стимулирующие эмоцию определенной модальности (радость, отвращение, удивление). Каждый слайд демонстрировали 7 секунд, длительность серии 70 секунд.

Процедура

Испытуемых просили сесть удобно перед монитором ноутбука, так чтобы по возможности не менять позу в течение всей процедуры измерения. На пальцах и запястьях закрепляли электроды приборов. Для привыкания к электродам и для настройки спироартериокардиоритмографа проводили фоновую запись частоты сердечного сокращения (ЧСС) без предъявления стимуляции. Далее проводили три серии с эмоционально нагруженными слайдами и одну, состоявшую полностью из нейтральных слайдов. Стимулы предъявляли испытуемым в случайном порядке, последовательность предъявления уравнивали с помощью латинского квадрата. В течение каждой серии производили запись ЧСС и ЭСК. После каждой серии слайдов испытуемых просили оценить три последних (отвратительных, удивительных, забавных либо нейтральных) слайда по набору шкал лайкертского типа.

По окончании демонстрации испытуемые заполняли опросник на эмоциональный интеллект и торонтскую алекситимическую шкалу (TAS).

Испытуемые

Студенты 1-го курса второго высшего и вечернего отделения Института психологии РГГУ, 60 человек, из них 9 мужского пола в возрасте от 18 до 44 лет ($m = 24,6$).

Результаты

По результатам выполнения методик ЭМИн и TAS можно заключить, что способности наших испытуемых к пониманию эмоций, в особенности своих собственных, находятся в пределах нормативных значений по данным этих методик.

Средние оценки по результатам предъявления нейтральных слайдов сравнивали с таковыми для отвратительных, позитивных и удивительных слайдов. Для оценки значимости различий использовали Т-критерий Вилкоксона. Результаты показали, что эмоциональные слайды значимо отличаются от нейтральных по отдельным показателям частоты сердечного ритма (см. Табл. 1).

Таблица 1. Результаты сравнения нейтральных слайдов с эмоциогенными по отдельным измерениям частоты сердечных сокращений

Слайды, провоцирующие радость				
	HR	HF	VLF%	ИЦ2
Нейтр. ср.	78,32	4694,95	0,18	0,25
Радост. ср.	76,43	2097,77	0,24	0,36
Уровень значимости	<i>0,068</i>	0,034	<i>0,064</i>	<i>0,075</i>
Слайды, провоцирующие удивление				
	LF	HF	VLF%	ИЦ2
Нейтр. ср.	2446,70	4694,95	0,18	0,25
Удивл. ср.	1523,35	1748,45	0,26	0,41
Уровень значимости	<i>0,061</i>	0,016	0,023	0,029
Слайды, провоцирующие отвращение				
	HR	VLF	VLF%	ИЦ2
Нейтр. ср.	78,32	839,41	0,18	0,25
Отвр. ср.	76,57	1019,55	0,26	0,43
Уровень значимости	0,039	0,039	0,003	0,003

HR — частота сердечных сокращений; HF — показатель активности симпатического отдела ВНС; VLF, VLF%, ИЦ2 — показатели активности высших регуляторных центров.

В таблице приведены только значимые показатели, а также результаты в диапазоне тенденций.

Жирным шрифтом выделены значимые различия, курсивом — тенденции.

Эти результаты свидетельствуют, что по сравнению с нейтральной стимуляцией предъявление эмоционально нагруженных слайдов приводит к изменениям на физиологическом уровне, которые проявились в особенностях ЧСС.

Далее мы оценили согласованность оценки возбуждения в самоотчетах и в аппаратных измерениях с помощью рангового коэффициента корреляции Спирмена. В результате значимых корреляций между этими показателями выявлено не было. Поэтому в дальнейшем ходе исследования выяснялся вопрос о том, какие из показателей возбуждения — самоотчетные или аппаратные — теснее связаны со способностью к пониманию эмоций, другими словами, с какими признаками возбуждения будет связано понимание своих эмоций у людей, у которых, как у наших испытуемых, ощущение возбуждения не соответствует их объективному состоянию — с объективным изменением возбуждения или изменением самоощущения.

Прежде чем продолжить исследование в этом направлении, данные ЧСС, ЭСК и опросников проверяли на соответствие нормальному распределению по критерию Колмогорова–Смирнова. В результате четыре шкалы с данными спиреоартериокардиоритмографа были исключены из дальнейшей обработки в связи со значимым отклонением от нормального распределения. Это шкалы TP (общая мощность спектра периодических процессов в сердечном ритме), VLF, HF, LF (показатели уровня активности высших центров, регулирующих сердечную деятельность). Однако нормально распределенными оказались показатели VLF%, HF%, LF%, отражающие вклад высших регуляторных центров в общую регуляцию работы сердца. Данные по опросным методикам соответствуют нормальному распределению. Также существенно отличались от нормального распределения и были исключены из дальнейшего анализа результаты по многим шкалам эмоциональной оценки. Для разных эмоциональных стимулов это были разные шкалы. Общая причина исключения — большое количество нулевых оценок по эмоциональным шкалам, которые были нерелевантны эмоциональной окраске стимулов.

Данные, распределение которых соответствовало нормальному, были подвергнуты линейному регрессионному анализу с использованием обратного пошагового метода (backward), где зависимыми переменными выступали самооценки эмоций разных модальностей, такие как радость, удивление, напряжение и т. д. В качестве предикторов выступали объективные показатели телесного возбуждения — ЭСК и электрокардиограмма, а также количество и интенсивность телесных ощущений. Результаты представлены в *Табл. 2*.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа

Зависимая переменная — оценка радостных слайдов по шкале Удовольствие					Зависимая переменная — оценка радостных слайдов по шкале Радость				
Модель ¹ $p < 0,001$ $R^2 = 0,996$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ² $p < 0,001$ $R^2 = 0,962$		бета (станд.)	T	Sig.
6	(Constant)		-5,540	0,000	(Constant)			-2,823	0,017
	HR	0,504	5,270	0,000	HR	0,283	2,827	0,016	
	ВБ	5,366	6,327	0,000	ВБ	4,009	4,512	0,001	
	ИЦ1	-6,300	-6,721	0,000	ИЦ1	-5,074	-5,167	0,000	
	ИЦ2	2,664	6,377	0,000	ИЦ2	2,098	4,794	0,001	
	суммИнт	1,598	11,747	0,000	суммИнт	1,564	10,971	0,000	
Зависимая переменная — оценка радостных слайдов по шкале Удивление					Зависимая переменная — оценка радостных слайдов по шкале Спокойствие				
Модель ³ $p = 0,01$ $R^2 = 0,710$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ⁴ $p < 0,001$ $R^2 = 0,821$		бета (станд.)	T	Sig.
6	(Constant)		1,490	0,164	(Constant)			-3,240	0,005
	HR	-0,411	-2,248	0,046	HF%	0,999	2,702	0,016	
	ВБ	3,671	2,074	0,062	ВБ	8,572	4,582	0,000	
	ИЦ1	-4,125	-2,125	0,057	ИЦ1	-9,171	-4,838	0,000	
	ИЦ2	1,872	2,158	0,054	ИЦ2	4,425	4,865	0,000	
	квоОщ	0,751	2,994	0,012	суммИнт	1,950	4,109	0,001	
					квоОщ	-0,927	-2,129	0,049	
Зависимая переменная — оценка радостных слайдов по шкале Расслабление					Зависимая переменная — оценка радостных слайдов по шкале Интерес				
Модель ⁵ $p = 0,009$ $R^2 = 0,651$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ⁶ $p = 0,01$ $R^2 = 0,710$		бета (станд.)	T	Sig.
10	(Constant)		-1,398	0,187	(Constant)			2,503	0,024
	LF%	0,781	2,209	0,047	суммИнт	0,819	5,537	0,000	
	ИЦ1	-1,072	-2,792	0,016	Степени свободы				
	ИЦ2	0,885	2,495	0,028	регр.	остаток	Всего		
	суммИнт	1,121	4,544	0,001	¹² 5	11	16		
					³⁴ 6	16	22		
				⁵ 1	15	16			
				⁶ 4	12	16			
Зависимая переменная — оценка нейтральных слайдов по шкале Спокойствие					Зависимая переменная — оценка отвратительных слайдов по шкале Удивление				
Модель ¹ $p = 0,012$ $R^2 = 0,795$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ⁴ $p = 0,01$ $R^2 = 0,961$		бета (станд.)	T	Sig.
4	(Constant)		-4,241	0,002	(Constant)			7,212	0,00
	HF	-0,563	-1,555	0,151	HR	-0,175	-1,475	0,191	
	VLF%	19,683	3,976	0,003	LF	0,335	1,624	0,156	
	LF%	30,708	4,253	0,002	LF%	-3,462	-8,112	0,00	
	HF%	33,325	4,24	0,002	HF%	-1,874	-3,541	0,012	
	ВБ	0,734	1,601	0,141	ВБ	4,699	6,766	0,001	
	ИЦ2	4,233	2,203	0,052	ИЦ1	-3,598	-5,013	0,002	
	квоОщ	0,418	2,531	0,03	суммИнт	1,167	6,833	0,00	
	ЭСК	-0,303	-1,652	0,13	квоОщ	-0,319	-2,166	0,074	

Зависимая переменная — оценка нейтральных слайдов по шкале Интерес					Зависимая переменная — оценка удивительных слайдов по шкале Удивление				
Модель ² $p = 0,009$ $R^2 = 0,596$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ⁵ $p = 0,011$ $R^2 = 0,454$		бета (станд.)	T	Sig.
8	(Constant)		2,515	0,025	(Constant)			0,783	0,444
	HR	−0,359	−2,084	0,056	ИЦ1		−0,222	−0,992	0,334
	ВБ	−0,582	−1,238	0,236	ИЦ2		0,497	2,221	0,039
	ИЦ1	0,465	0,981	0,343	квоОщ		0,508	2,874	0,01
	квоОщ	0,644	3,592	0,003					
Зависимая переменная — оценка нейтральных слайдов по шкале Расслабление					Степени свободы				
Модель ³ $p = 0,043$ $R^2 = 0,611$		бета (станд.)	T	Sig.	регр.	остаток		Всего	
6	(Constant)		−2,574	0,024	¹ 8	10		18	
	VLF%	12,316	2,148	0,053	² 4	14		18	
	LF%	20,149	2,62	0,022	³ 6	12		18	
	HF%	20,81	2,6	0,023	⁴ 9	6		15	
	ИЦ2	3,04	1,531	0,152	⁵ 3	18		21	
	квоОщ	0,422	2,15	0,053					
	ЭСК	−0,505	−2,588	0,024					

HR — ЧСС, частота сердечных сокращений; ИЦ1 и ИЦ2 — индекс централизации; ВБ — индекс вегетативного баланса; HF% — показатель, характеризующий уровень активности парасимпатического отдела ВНС (ваготония); LF% — показатель уровня активности симпатического отдела ВНС (симпатотония); VLF% и ИЦ1 и ИЦ2 — показатели уровня активности высших регуляторных центров; ЭСК — показатель электрического сопротивления кожи (чем он ниже — тем выше напряжение). Количество ощущений (квоОщ) и суммарная интенсивность (суммИнт) — индексы возбуждения по самоотчету, отражают разнообразие ощущений, отмеченных испытуемым после предъявления стимула, и их интенсивность по сумме оценок по всем шкалам.

Независимые переменные — диапазон и суммарная интенсивность телесных ощущений, показатели сердечного ритма и ЭСК. Зависимые переменные — оценки эмоционального впечатления испытуемых на веселые слайды.

Жирным выделены переменные, вклад которых в модель статистически значим, курсивом — тенденции.

В данном эксперименте правильное понимание эмоций операционализировано как связь оценки по эмоциональной шкале с объективными и субъективными оценками ощущений в ответ на предъявление стимула, эмоциональное содержание которого совпадает со шкалой эмоциональной оценки, а именно: оценка веселых слайдов по шкалам «Радость» и «Удовольствие»; оценка слайдов с несуществующими животными по шкале «Удивление»; оценка слайдов с изображением туалета и опарышей по шкале «Отвращение»; оценка нейтральных слайдов по шкалам «Спокойствие», «Расслабление» (которые не являются шкалами эмоциональной оценки).

Неправильное понимание эмоций проявляется как отсутствие корреляций и обратная корреляция между показателями возбуждения и ощущений со шкалами эмоциональной оценки, соответствующими содержанию стимула, которые перечислены в предыдущем абзаце. Показателями неправильного понимания эмоций является также корреляция с теми шкалами, эмоциональная нагрузка которых не соответствует эмоционально-

му содержанию стимула, например, оценка веселых слайдов по шкалам «Отвращение», «Тревога», «Стыд» и т. д.

Согласно полученным результатам, самоотчеты о телесных ощущениях примерно с одинаковой частотой проявляются в моделях, отражающих правильное понимание эмоций, и в моделях, свидетельствующих о неправильном понимании эмоций.

Данные объективной регистрации возбуждения различаются при правильном и неправильном понимании эмоций. Анализируя результаты из Табл. 2, можно описать связь отдельных объективных показателей возбуждения с оценками интенсивности различных аспектов своего эмоционального состояния.

Показатели возбуждения ЧСС (HR, частота пульса), в одной модели — ЭСК и индекс централизации ИЦ2 входят с положительным бета-коэффициентом во все модели, отражающие правильное понимание эмоций, и с отрицательным — в отражающие неправильное понимание. В модели, отражающие правильное или неправильное понимание участниками того, что они пребывают в нейтральном состоянии, ЧСС и ИЦ2 не входят. Иными словами, выраженность этих показателей тем выше, чем выше испытуемый оценивает интенсивность переживания эмоции той модальности, которая «заложена» в стимуле. И наоборот, чем ниже человек оценивает интенсивность такой эмоции, тем ниже у него выраженность ЧСС и ИЦ2. ИЦ2 является также значимым предиктором оценок по шкалам «Спокойствие» и «Расслабление» для веселых слайдов. Но это не обязательно означает неправильное понимание своих переживаний, поскольку реакция на позитивные слайды не исключает расслабление и успокоение.

С точностью до наоборот ведет себя показатель ИЦ1.

VLF%, LF% и HF% входят с положительным бета-коэффициентом во все модели, отражающие правильное понимание отсутствия эмоций (оценки нейтральных слайдов по шкалам «Расслабление», «Спокойствие»). Только в одном случае LF% входит в модель оценки радостных слайдов по шкале «Расслабление», что, как мы только что оговорили, не обязательно является признаком неправильного понимания своих эмоций. В модели по результатам оценки слайдов по эмоционально насыщенным шкалам эти показатели либо входят с отрицательным знаком, либо не входят вовсе в качестве значимых предикторов. Иными словами, эти показатели вклада активности высших регуляторных центров в общую регуляцию сердечной деятельности выше у тех испытуемых, которые выше оценивают свое спокойствие в ответ на предъявление эмоционально нейтральных слайдов, по сравнению с теми, кто оценивает свое спокойствие и расслабленность ниже. Правда, VLF% не достигает уровня статистической значимости в качестве предиктора по шкале «Расслабление», однако его уровень значимости очень близок к значимому ($p = 0,053$).

ЭСК входит только в модели, отражающие правильное понимание отсутствия эмоций, т. е. показатель электрического сопротивления кожи отражает большую расслабленность у тех, кто дает более высокие оценки по шкалам «Спокойствие» и «Расслабление» в ответ на предъявление нейтральных слайдов, по сравнению с теми, у кого эти оценки ниже.

Остальные аппаратные показатели не стали значимыми предикторами ни в одной из моделей, либо полученных данных недостаточно для того, чтобы их интерпретировать.

Далее мы построили регрессионные модели с теми же независимыми переменными, но в качестве зависимых переменных использовали результаты заполнения испытуемыми опросников, выявляющих уровень алекситимии (TAS), понимание своих эмоций (шкала ВП) и понимание эмоций в целом, т. е. своих и эмоций других людей (шкала ПЭ) по опроснику на эмоциональный интеллект. Результаты представлены в *Табл. 3* и *4*.

В *Табл. 3* представлены только значимые регрессионные модели. Для позитивных слайдов ни одной такой модели с ВП или ПЭ в качестве зависимой переменной не получилось. Тем не менее можно отметить, что значимыми предикторами в остальных моделях выступают по преимуществу те же аппаратные показатели возбуждения, которые получили осмысленную интерпретацию в ситуации оценки своих переживаний в результате просмотра слайдов.

Понимание своих эмоций связано в первую очередь с показателями контроля сердечной деятельности со стороны высших корковых центров (VLF%, LF%, HF%, ИЦ1). Чем ниже у человека такой контроль при восприятии нейтральных стимулов и чем он выше при восприятии удивляющих стимулов, тем более развита его способность к пониманию своих эмоций. Способность понимать свои эмоции выше у тех, у кого при восприятии нейтральных стимулов ниже контроль сердечной деятельности со стороны высших корковых центров и уровень вегетативного баланса, по-видимому, за счет снижения ваготонии (т. е. парасимпатической активации, HF%). У них же при восприятии удивительных стимулов выше контроль высших корковых центров, а также симпатотония (уровень симпатической активации, LF%) и частота пульса.

Понимание эмоций в целом опирается на те же показатели и ряд дополнительных. Чем лучше человек понимает эмоции, тем ниже у него вегетативный баланс (ВБ). При предъявлении нейтральных стимулов ВБ низок за счет повышения симпатической активации, при предъявлении отвратительных — за счет снижения симпатической и парасимпатической активации и общего возбуждения. По-видимому, это снижение отражает реакцию затаивания, представляющую собой форму более общей реакции бегства, к которой чаще других располагает пугающее воздействие.

В регрессионные модели, описывающие понимание эмоций, вошли не только объективные, но также самоотчетные показатели количества и суммарной интенсивности ощущений, которые испытуемые шкалировали после просмотра нейтральных и эмоционально окрашенных слайдов. Лучшее понимание эмоций продемонстрировали те, кто указал меньшее количество разных телесных ощущений и выше оценил их интенсивность.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для аппаратных предикторов способностей к пониманию своих эмоций и пониманию эмоций в целом

Зависимая переменная — показатели ЭмИн ПЭ (нейтральные слайды)					Зависимая переменная — показатели ЭмИн ПЭ (отвратительные слайды)			
Модель ¹ $p < 0,001$ $R^2 = 0,950$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ³ $p < 0,007$ $R^2 = 0,901$		бета (станд.)	Sig.
3	(Constant)		2,702	0,24	(Constant)		4,101	0,006
	VLF%	0,116	2,327	0,45	VLF%	-20,644	-3,654	0,011
	LF%	2,903	11,359	0,000	LF%	-23,908	-3,955	0,007
	ВБ	-3,897	-6,010	0,000	HF%	-26,260	-3,943	0,008
	ИЦ1	4,94	2,380	0,003	ВБ	-10,561	-3,446	0,014
	ИЦ2	-8,607	-2,087	0,050	ИЦ1	10,695	3,735	0,010
	суммИнт	9,232	0,915	0,001	ИЦ2	-7,945	-4,675	0,003
	квоОщ	-4,593	-0,930	0,001	суммИнт	0,994	3,902	0,008
	ЭСК	-0,052	-0,052	0,627	квоОщ	-0,652	-2,762	0,033
					Возбуждение	-0,583	-2,446	0,050
					ЭСК	-0,445	-2,580	0,042
Зависимая переменная — показатели ЭмИн ВП (нейтральные слайды)					Зависимая переменная — показатели ЭмИн ВП (удивительные слайды)			
Модель ² $p < 0,003$ $R^2 = 0,737$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ⁴ $p < 0,005$ $R^2 = 0,625$		бета (станд.)	Sig.
8	(Constant)		8,313	0,000	(Constant)		-0,138	0,892
	VLF%	-1,424	-3,637	0,003	VLF%	1,195	3,409	0,005
	HF%	-2,245	-6,085	0,000	LF%	0,773	2,636	0,021
	ВБ	-3,255	-3,349	0,005	ИЦ1	-0,718	-2,493	0,027
	ИЦ1	1,654	1,842	0,087	Возбуждение	0,466	2,085	0,057
					Пульс (HR)	0,502	2,794	0,015

1 регр. 9; остаток 9; всего 18

2 регр. 10; остаток 6; всего 16

3 регр. 4; остаток 14; всего 18

4 регр. 5; остаток 13; всего 18

* ИЦ1 и ИЦ2 — индекс централизации; ВБ — индекс вегетативного баланса; HF% — показатель, характеризующий уровень активности парасимпатического отдела ВНС (ваготония); LF% — показатель уровня активности симпатического отдела ВНС (симпатотония); VLF%, ИЦ1, ИЦ2 — показатели уровня активности высших регуляторных центров; ЭСК — показатель электрического сопротивления кожи (чем он ниже — тем выше напряжение). Количество ощущений (квоОщ) и суммарная интенсивность (суммИнт) — индексы возбуждения по самоотчету, отражают разнообразие ощущений, отмеченных испытуемым после предъявления стимула, и их интенсивность по сумме оценок по всем шкалам. Возбуждение — шкала лайкертовского типа самооценки возбуждения, диапазон от 0 до 10. Все модели выбраны с учетом поправки Бонферрони на множественные сравнения.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа для аппаратных предикторов склонности к алекситимии (в границах нормы)

Нейтральные слайды					Удивительные слайды			
Модель ¹ $p < 0,002$ $R^2 = 0,78$		бета (станд.)	T	Sig.	Модель ³ $p < 0,01$ $R^2 = 0,814$	бета (станд.)	T	Sig.
3	(Constant)		-0,852	0,414	(Constant)		1,597	0,141
	HR	0,206	1,146	0,278	ЭСК	-0,64	-3,129	0,011
	VLF%	2,78	1,669	0,126	HR	0,184	1,229	0,247
	HF%	1,63	4,267	0,002	VLF%	-7,604	-1,605	0,14
	ВБ	1,211	3,554	0,005	LF%	-6,927	-1,48	0,17
	ИЦ2	-2,307	-1,383	0,197	HF%	-6,838	-1,364	0,202
	суммИнт	-0,559	-1,457	0,176	ИЦ1	0,509	2,091	0,063
	квоОщ	0,616	1,567	0,148	квоОщ	0,345	1,224	0,249
ЭСК					Возбуждение	-0,385	-1,269	0,233
Радостные слайды					Степени свободы			
Модель ² $p < 0,03$ $R^2 = 0,7$		бета (станд.)	T	Sig.	регр.	остаток	всего	
4	(Constant)		6,662	0	¹ 8	10	18	
	VLF%	-1,47	-1,684	0,123	² 8	10	18	
	LF%	-1,577	-2,556	0,029	³ 6	10	16	
	ВБ	6,347	2,212	0,051				
	ИЦ1	-6,123	-2,297	0,045				
	ИЦ2	3,146	2,292	0,045				
	ЭСК	-0,3	-1,128	0,286				

HR — ЧСС, частота сердечных сокращений; ИЦ1 и ИЦ2 — индекс централизации; ВБ — индекс вегетативного баланса; HF% — показатель, характеризующий уровень активности парасимпатического отдела ВНС (ваготония); LF% — показатель уровня активности симпатического отдела ВНС (симпатотония); VLF% и ИЦ — показатели уровня активности высших регуляторных центров; ЭСК — показатель электрического сопротивления кожи (чем он ниже — тем выше напряжение). Количество ощущений (квоОщ) и суммарная интенсивность (суммИнт) — индексы возбуждения по самоотчету, отражают разнообразие ощущений, отмеченных испытуемым после предъявления стимула, и их интенсивность по сумме оценок по всем шкалам.

В Табл. 4 представлены результаты регрессионного анализа, в котором предикторами стали показатели самооценки и объективной оценки возбуждения, а зависимой переменной — склонность к алекситимии (в рамках нормы). В таблице отсутствуют результаты по серии «Отвращение», потому что на этих данных не получилось ни одной статистически значимой регрессионной модели. На этом материале получено меньше всего данных, и они плохо согласуются как между собой, так и с результатами предыдущих регрессий, что затрудняет их обобщение и интерпретацию. Только уровень вегетативного баланса организма вошел в две модели — для нейтральных и радостных слайдов, в обе с положительным знаком. ЭСК также входит в две из трех значимых моделей для серии с нейтральными и удивительными слайдами, в обе с отрицательным знаком. Оба результата предполагают, что чем больший вегетативный баланс на фоне большего напряжения демонстрирует человек, тем выше его склонность к алекситимии (в рамках нормы).

Обсуждение результатов

В исследовании мы сопоставляли вклад в способность к пониманию своих эмоций участниками исследования со стороны двух факторов — аппаратно измеряемых показателей активации и самооценки возбуждения, ощущаемого во время просмотра нейтральных либо эмоционально окрашенных слайдов (забавных, удивительных, отвратительных).

Прежде чем переходить к анализу результатов, мы удостоверились в том, что отобранные в качестве эмоционально окрашенных стимулов слайды отличаются от нейтральных по измеряемым нами аппаратным показателям. Выявленные различия (см. *Табл. 1*) свидетельствуют о том, что отдельные аппаратные измерения возбуждения различаются при нейтральном и эмоционально окрашенном воздействиях. Можно заключить, что эмоционально окрашенные стимулы оказывали желаемый эффект.

Распределение результатов оценки эмоционального интеллекта и склонности к алекситимии в нашей выборке соответствует нормальному и средним значениям, установленным для этих методик, что свидетельствует о репрезентативности выборки.

Вклад показателей спироартериокардиоритмографа и оценок электрического сопротивления кожи, а также самооценок ощущаемого возбуждения (балльных оценок по шкалам «Возбуждение», «Напряжение», «Расслабление», шкал суммарной интенсивности и количества ощущений) в успешное понимание своих эмоций оценивали с помощью линейного регрессионного анализа. По его результатам ряд предикторов не вошел ни в одну из регрессионных моделей, другие вошли в несколько моделей с противоречивыми интерпретациями и, наконец, третьи вошли в несколько регрессионных моделей с разными зависимыми переменными. В итоге самооценки ощущений по показателям разнообразия и суммарной интенсивности ощущений оказались самыми изменчивыми и ненадежными предикторами успешности понимания своих эмоций.

Это двусмысленный результат, так как все основные модели, объясняющие понимание своих эмоций, апеллируют к внутренним ощущениям (возбуждения или более конкретным ощущениям) как к основе такого понимания. В то же время наши данные свидетельствуют о том, что на interoception нельзя положиться, так как самооценки ощущений хотя и входят в модели, предсказывающие правильное и неправильное понимание эмоционально окрашенного и нейтрального воздействия, но ведут себя противоречиво и вне связи с исходными предположениями.

Частично такая противоречивость может объясняться выбором стимулов. В исследовании [Schneider et al. 2016] выяснилось, что аффективные оценки стимулов, отобранных в базу IAPS, не вполне соответствуют заявленным в сопровождающем описании. Особенно это касается нейтральных изображений, которые вызывают не только индифферентное, но и амбивалентное отношение, в котором разные оценки нейтрализуют друг друга. К сожалению, статья И. Шнайдер и соавторов вышла уже после того, как было проведено наше исследование, и скорректировать стимуляцию с учетом ее результатов мы уже не могли. Однако если исключить данные по нейтральным стимулам, в нашем

исследовании можно продемонстрировать некоторые интересные результаты, полученные на материале эмоционально окрашенных стимулов. О них и пойдет речь далее.

Прежде чем обсуждать интерпретации аппаратных и самооценочных предикторов возбуждения, хотелось бы разобраться с вопросом о том, почему они плохо коррелируют между собой. Любое корреляционное исследование не защищено от проблемы третьей переменной, выявить которую не всегда просто. Л. Барретт показала в своих исследованиях, что люди делятся на тех, кто при описании непосредственно переживаемых эмоций фокусируется на валентности переживания (приятно оно или неприятно) или на возбуждении организма, связанном с этим переживанием. Большую интероцептивную чувствительность демонстрируют те, кто сфокусирован как раз на возбуждении, тогда как у тех, кто сконцентрирован на валентности, таких связей не было обнаружено [Barrett 2004]. Таким образом, отсутствие связей между самоотчетом о возбуждении и аппаратными измерениями возбуждения можно объяснить тем, что, вероятно, среди наших испытуемых было много тех, кто сконцентрирован на валентности. К сожалению, мы не могли включить проверку этого факта в процедуру исследования в связи с высокой нагрузкой на участников.

Вывод Барретт по результатам нескольких исследований состоит в том, что понимание своей эмоции имеет двойную природу: в том, что касается возбуждения и валентности, оно ориентируется на интероцептивные ощущения, а в остальном — в более конкретных деталях описания переживаний — больше опирается на богатство эмоционального лексикона [Ibid.: 279]. Соглашающиеся с этими выводами результаты были получены и в нашем исследовании.

Так, аппаратные показатели возбуждения, которые оказались значимыми предикторами самоотчетов, отражающих правильное или неправильное понимание своего переживания в ситуации, когда участники исследования переживали эмоциональное воздействие слайдов и сразу должны были оценить его, можно разделить на две группы. Первая — это маркеры общего возбуждения или расслабленности организма (электрическое сопротивление кожи, частота сердечных сокращений), вторая — показатели вклада высших корковых нервных центров (VLF%, LF%, HF%, индексы централизации ИЦ1 и ИЦ2) в регуляцию сердечного ритма (который имеет двойную регуляцию — со стороны высших центров и со стороны периферии). Эти показатели связаны с пониманием таких аспектов своего переживания, как эмоциональное/нейтральное состояние и правильное/неправильное понимание своего эмоционального состояния (по совпадению эмоциональной самооценки с эмоциональной окраской стимула).

Нейтральное и эмоциональное состояния люди различают тем лучше, чем выше участие высших корковых центров в регуляции их сердечного ритма при реакции на эмоционально окрашенные стимулы и ниже при реакции на нейтральные слайды. В то же время правильное понимание своего эмоционального состояния (т. е. модальности эмоции) тем лучше, чем выше возбуждение по показателю ЧСС, а также чем выше индекс централизации, не добавляющий к общему вегетативному балансу показатель вклада симпатической активации (ИЦ2).

Те же показатели контроля со стороны высших корковых центров, вегетативного баланса и возбуждения (по показателям ЧСС и ЭСК) являются предикторами успешного понимания эмоций по опроснику на эмоциональный интеллект. Независимо от особенностей стимуляции (эмоционально окрашенные или нейтральные слайды), чем выше напряжение, тем лучше развита способность к пониманию эмоций по данным опросника ЭМИн. Эти результаты хорошо согласуются с данными других исследователей [Herbert et al. 2011; Pollatos et al. 2007], согласно которым существует прямая связь между чувствительностью к своему сердцебиению и успешностью в понимании эмоций (которая измерялась теми же методиками, что и в нашем исследовании, — опросниками на эмоциональный интеллект и торонтской алекситимической шкалой). Чем меньше ошибок допускали испытуемые в этих исследованиях при подсчете количества ударов сердца за определенный промежуток времени, тем лучшее понимание эмоций они демонстрировали. Наши результаты показывают, что лучшее понимание своих эмоций связано с увеличением возбуждения и его показателя — частоты сердечных сокращений, что, по-видимому, объясняет большую чувствительность к ней и, соответственно, меньшее количество ошибок у тех, кто лучше понимает эмоции, в исследованиях Б. Херберт, О. Поллатос и др.

Различия между двумя операционализациями (через самооценку эмоций по шкалам Лайкерта и через опросники) проявились в том, как ведут себя два индекса централизации — ИЦ1 и ИЦ2. Оба индекса отражают вклад высших корковых центров в регуляцию сердечного ритма и рассчитываются по формулам: $ИЦ1 = (VLF + LF) / HF$ и $ИЦ2 = VLF / (LF + HF)$. По смыслу разница между индексами заключается в той роли, которая отводится показателю симпатотонии (LF%), которая в одном случае больше, а в другом меньше.

При шкалировании эмоции чем выше ИЦ2 и ниже ИЦ1, тем лучше испытуемый понимает эмоцию, вызванную слайдами. Наоборот, по результатам опросников понимание эмоций тем лучше, чем выше ИЦ1 и ниже ИЦ2. Объяснение, которое кажется наиболее очевидным, отсылает к разным условиям, в которых проводится измерение. Когда человек должен оценить только что оказанное на него эмоциональное воздействие, более высокий уровень симпатического возбуждения (симпатотония) влияет и искажает такую оценку, это и проявляется в положительных связях с ИЦ2, при оценке которого симпатотония играет меньшую роль, и отрицательных — с ИЦ1, при оценке которого симпатотония играет большую роль. Когда уже по окончании исследования человек в отсутствие эмоционального воздействия заполняет опросник на эмоциональный интеллект, результаты опроса прямо коррелируют с выраженностью симпатотонии, дающей больше interoцептивной информации и позволяющей лучше различать эмоции. В соответствии с этим меняет знак LF% при оценке понимания эмоций при эмоционально нейтральном воздействии и при просмотре отвратительных слайдов.

Такой результат указывает на то, что разные операционализации понимания эмоций подвержены разным искажениям: из-за недостатка interoцептивных ощущений и из-за их избытка. При шкалировании эмоций непосредственно после эмоционального воздействия, когда симпатотония высока и interoцептивной информации в избытке (ИЦ1), человек хуже понимает свои эмоции, по-

сколько «тонет» в ощущениях, не справляется с потоком информации, тогда как в ситуации заполнения опросника, напротив, вынужден восполнять дефицит такой информации. Эти два источника искажений могут служить вероятным объяснением тому, почему самоотчетный способ оценки возбуждения оказался неэффективным предиктором успешности понимания своих эмоций.

Выводы

Сопоставление самоотчета о телесных ощущениях и возбуждении (отражающих степень осознанности interoцептивных сигналов) позволило установить, что понимание эмоций (т. е. осознание перехода от спокойного состояния к реакции на эмоциональные стимулы, а также дифференциации эмоций определенной валентности и модальности) связано с определенными изменениями в сердечном ритме.

Модальность эмоций довольно четко определяется на основании связей объективных показателей возбуждения (ЭСК, ЧСС): те, у кого эти показатели выше, выше оценивают интенсивность эмоции той модальности, которая провоцировалась стимулом, что свидетельствует о лучшем осознании своей эмоции, более точной ее дифференциации из набора эмоций, сходных с ней по валентности.

Литература

- Колбенева 2013 — Колбенева М. Г. Психофизиологические закономерности иницируемой словами актуализации индивидуального опыта разной дифференцированности: Дис. ... канд. психол. наук / Ин-т психологии РАН. М., 2013.
- Кравченко 2014 — Кравченко Ю. Е. Влияние подавления эмоциональной экспрессии на интенсивность субъективного переживания веселья и жалости // Психологические исследования. Т. 7. № 35. 2014. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/991-kravchenko35.html>.
- Barrett 2004 — Barrett L. F. Feelings or words? Understanding the content in self-report ratings of experienced emotion // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 87. No. 2. 2004. P. 266–281.
- Barrett et al. 2004 — Barrett L. F., Quigley K. S., Bliss-Moreau E., Aronson K. R. Interoceptive sensitivity and self-reports of emotional experience // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 87. No. 5. P. 684–697.
- Cobos et al. 2002 — Cobos P., Sanchez M., Garcia C., Nieves-Nera M., Vila J. Revisiting the James versus Cannon debate on emotion: Startle and autonomic modulation in patients with spinal cord injuries // Biological Psychology. Vol. 61. No. 3. 2002. P. 251–269.
- Friedman 2010 — Friedman B. H. Feelings and the body: The Jamesian perspective on autonomic specificity of emotion // Biological Psychology. Vol. 84. No. 3. 2010. P. 383–393.
- Herbert et al. 2011 — Herbert B. M., Herbert C., Pollatos O. On the relationship between interoceptive awareness and alexithymia: Is interoceptive awareness related to emotional awareness? // Journal of Personality. Vol. 79. No. 5. 2011. P. 1149–1175.
- Mack et al. 2005 — Mack H., Birbaumer N., Kaps H.-P., Badke A., Kaiser J. Motion und emotion: Emotionsverarbeitung bei Tetraplegikern und Ausdauersportlern // Zeitschrift für Medizinische Psychologie. Vol. 14. No. 4. 2005. P. 159–166.
- Palomba, Stegagno 1995 — Palomba D., Stegagno L. Dissociation between actual and expected cardiac changes: Interoception and emotional experience // From the heart to the brain: The

- psychophysiology of circulation — brain interaction / Ed. by D. Vaitl, R. Schandry. New York: Peter Lang Publishing, 1995. P. 283–298.
- Pollatos et al. 2007 — *Pollatos O., Herbert B. M., Matthias E., Schandry R.* Heart rate response after emotional picture presentation is modulated by interoceptive awareness // *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 63. No. 1. 2007. P. 117–124.
- Sarlo et al. 2002 — *Sarlo M., Palomba D., Angrilli A., Stegagno L.* Blood phobia and spider phobia: Two specific phobias with different autonomic cardiac modulations // *Biological Psychology*. Vol. 60. No. 2–3. 2002. P. 91–108.
- Sarlo et al. 2005 — *Sarlo M., Palomba D., Buodo G., Minghetti R., Stegagno L.* Blood pressure changes highlight gender differences in emotional reactivity to arousing pictures // *Biological Psychology*. Vol. 70. No. 3. 2005. P. 188–196.
- Schneider et al. 2016 — *Schneider I. K., Veenstra L., van Harreveld F., Schwarz N., Koole S. L.* Let's not be indifferent about neutrality: Neutral ratings in the International Affective Picture System (IAPS) mask mixed affective responses // *Emotion*. Vol. 16. No. 4. 2016. P. 426–430.
- Sinclair et al. 1994 — *Sinclair R. C., Hoffman C., Mark M. M., Martin L. L., Pickering T. L.* Construct accessibility and the misattribution of arousal: Schachter and Singer revisited // *Psychological Science*. Vol. 5. No. 1. 1994. P. 15–19.
- Valins 1974 — *Valins S.* Persistent effect of information about internal reactions: Ineffectiveness of debriefing // *Thought and feeling. Cognitive alteration of feeling states* / Ed. by H. London, R. E. Nisbett. Chicago, IL: Aldine, 1974. P. 116–124.

INTEROCEPTIVE AWARENESS AND HEART RATE RESPONSE IN REGARD TO CAPACITY TO RECOGNIZE OWN EMOTIONS

Balueva-Diukova, Ksenija V.

*PhD Student, Department of of General Patterns of Mental Development,
L. S. Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7 (499) 251-64-16
E-mail: k.balueva@gmail.com*

Kravchenko, Yunna E.

*PhD in Psychology (Candidate of Science in Psychology)
Associate Professor, Moscow International Academy
Russia, 129075, Moscow, Novomoskovskaya str., 15a, building 1
Tel.: +7 (495) 616-42-51
E-mail: asunaro@mail.ru*

Abstract. Many studies demonstrate the importance of cardiac signals sensitivity in recognizing one's own emotional processes. The present study investigates the relationship between interoceptive awareness, emotional experience, cardiovascular reactivity, heart rate and galvanic skin responses to different emotional stimulations from the International Affective Picture System (IAPS). During 4 experimental sets 60 participants (9 male) were confronted with neutral and emotional IAPS pictures. After each set, participants appraised emotional experiences and interoceptive awareness on an 11-point Likert scale. Heart rate changes were recorded during the

baseline and during slide presentations. At the end, participants filled in the Emotional Intelligence Questionnaire and Toronto Alexithymia Scale. Results replicate in Russian participants the results of American and European investigations and add new details on the issue of the relationship between the perception of interoceptive signals and recognition processing of one's own emotions.

Keywords: understanding one's own emotions, interoceptive awareness, emotional experience, arousal, heart rate, cardiovascular reactivity, galvanic skin response

References

- Barrett, L. F. (2004). Feelings or words? Understanding the content in self-report ratings of experienced emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(2), 266–281.
- Barrett, L. F., Quigley, K. S., Bliss-Moreau, E., Aronson, K. R. (2004). Interoceptive sensitivity and self-reports of emotional experience. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(5), 684–697.
- Cobos, P., Sanchez, M., Garcia, C., Nieves-Nera, M., Vila, J. (2002). Revisiting the James versus Cannon debate on emotion: startle and autonomic modulation in patients with spinal cord injuries. *Biological Psychology*, 61(3), 251–269.
- Friedman, B. H. (2010). Feelings and the body: The Jamesian perspective on autonomic specificity of emotion. *Biological Psychology*, 84(3), 383–393.
- Herbert, B. M., Herbert, C., Pollatos, O. (2011). On the relationship between interoceptive awareness and alexithymia: Is interoceptive awareness related to emotional awareness? *Journal of Personality*, 79(5), 1149–1175.
- Kolbeneva, M. G. (2013). *Psikhofiziologicheskie zakonomernosti initsiiruemoi slovami aktualizatsii individual'nogo opyta raznoi differentsirovannosti* [Psychophysiological patterns of words-triggered driving of personal experience with different particularity]. Candidate of Psychology Dissertation (Psychology Institute, RAS). Moscow. (In Russian).
- Kravchenko, Yu. E. (2014). Vliianie podavleniia emotsional'noi ekspressii na intensivnost' sub"ektivnogo perezhivaniia vesel'ia i zhalosti [The influence of suppression of emotional expression on intensity of the subjective experience of joy and compassion]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological studies], 7(35). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/991-kravchenko35.html>. (In Russian).
- Mack, H., Birbaumer, N., Kaps, H.-P., Badke, A., Kaiser, J. (2005). Motion und emotion: Emotionsverarbeitung bei Tetraplegikern und Ausdauersportlern. *Zeitschrift für Medizinische Psychologie*, 14(4), 159–166. (In German).
- Palomba, D., Stegagno, L. (1995). Dissociation between actual and expected cardiac changes: Interoception and emotional experience. In D. Vaitl, R. Schandry (Eds.). *From the heart to the brain: The psychophysiology of circulation — brain interaction*, 283–298. New York: Peter Lang Publishing.
- Pollatos, O., Herbert, B. M., Matthias, E., Schandry, R. (2007). Heart rate response after emotional picture presentation is modulated by interoceptive awareness. *International Journal of Psychophysiology*, 63(1), 117–124.
- Sarlo, M., Palomba, D., Angrilli, A., Stegagno, L. (2002). Blood phobia and spider phobia: Two specific phobias with different autonomic cardiac modulations. *Biological Psychology*, 60(2–3), 91–108.

- Sarlo, M., Palomba, D., Buodo, G., Minghetti, R., Stegagno, L. (2005). Blood pressure changes highlight gender differences in emotional reactivity to arousing pictures. *Biological Psychology*, 70(3), 188–196.
- Schneider, I. K., Veenstra, L., van Harreveld, F., Schwarz, N., Koole, S. L. (2016). Let's not be indifferent about neutrality: Neutral ratings in the International Affective Picture System (IAPS) mask mixed affective responses. *Emotion*, 16(4), 426–430.
- Sinclair, R. C., Hoffman, C., Mark, M. M., Martin, L. L., Pickering, T. L. (1994). Construct accessibility and the misattribution of arousal: Schachter and Singer revisited. *Psychological Science*, 5(1), 15–19.
- Valins, S. (1974). Persistent effect of information about internal reactions: Ineffectiveness of debriefing. In H. London, R. E. Nisbett (Eds.). *Thought and feeling. Cognitive alteration of feeling states*, 116–124. Chicago, IL: Aldine.

BALUEVA-DIUKOVA, K. V., KRAVCHENKO, YU. E. (2017). INTEROCEPTIVE AWARENESS AND HEART RATE RESPONSE IN REGARD TO CAPACITY TO RECOGNIZE OWN EMOTIONS. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 8–27

ЭМПАТИЯ И МОРАЛЬ: МЕСТО ВСТРЕЧИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

Аннотация. Мораль и эмпатия являются фундаментальными составляющими человеческой природы во всех культурах. Изобилие имеющихся эмпирических данных, полученных исследователями в ряде областей психологии, таких как психология развития, психология эмоций и когнитивная психология, демонстрирует наличие комплексной связи между эмпатией и моральным суждением. По данным исследований, эмпатия может стать как основой для морального суждения или акта, так и помехой для них, что обусловлено многокомпонентным составом механизма эмпатического переживания. В статье приведен обзор современных исследований из ряда тематически близких областей психологии, показывающих роль мотивационного, эмоционального и когнитивного компонента эмпатии в ситуациях морального выбора.

Ключевые слова: эмпатия, моральные суждения, просоциальное поведение

Аспекты морали, нравственности и эмпатии наиболее четко проявляются в человеческой природе в особых процессах социального взаимодействия при принятии гуманных решений, осуществлении нравственного выбора, а также при просоциальном поведении. Закрепление правил и норм морального поведения в обществе несет регуляторную функцию, являясь своего рода гарантией взаимодействия людей, способствует минимизации преступности и социальных конфликтов, формированию морального самосознания у человека. Эмпатия, как и нормы морали в обществе, является фактором, сдерживающим проявление агрессии в социуме, а также способствует проявлению заботы о другом, т. е. просоциальному поведению [Castano 2012; Rhodes, Chalik 2013; Eisenberg 2000; Eisenberg, Fabes 1991; Eisenberg et al. 2009]. В то же время эмпатия, порождая пристрастность в ряде социальных

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-06-01366.

взаимодействий, может препятствовать нравственному выбору в ряде ситуаций [Davidov et al. 2013; Rhodes, Chalik 2013; Chenga et al. 2010]. Цель данной статьи — привести обзор данных, указывающих на наличие и характер связи между такими базовыми психологическими составляющими социального взаимодействия, как мораль и эмпатия.

Начиная с работ Ж. Пиаже и до настоящего времени исследования морали связаны с когнитивным подходом и сосредоточены в основном на таком аспекте морального развития, как моральное суждение, которое в свою очередь является проявлением морального сознания [Пиаже 2006; Lapsley 1996; Hare 1981]. Наиболее ярким последователем Ж. Пиаже является Л. Кольберг, чья теория стадийного развития морали на сегодняшний день является базовой в области изучения онтогенеза этого явления [Decety, Cowell 2014].

В целом стоит отметить, что психология морали с недавнего времени (в течение примерно 15 лет) сформировалась как отдельная область психологических исследований [Lapsley 1996]. Накопленные в ней теоретические и эмпирические данные свидетельствуют о том, что человеческая способность к моральной оценке имеет эволюционную обусловленность, которая выражается в необходимости кооперации между людьми, способствующей выживанию [Hamlin 2013]. В то же время моральные ценности и нормы формируются под влиянием социальных потребностей и являются отражением особенностей организации человеческой психики [Rhodes, Chalik 2013].

Важно отметить, что большое внимание современных психологов в области изучения морали привлекает роль эмоций и чувств в принятии моральных решений [Hauser 2006; Hsu et al. 2008; Haidt 2001; Prinz 2004]. Интересно, что в модели Л. Кольберга отсутствует отдельный фактор эмоций и чувств, однако, учитывая известные мотивационную и регуляторную функции эмоций, они могут оказывать влияние и в ситуациях принятия морального решения [Kohlberg 1971].

Важно, что несмотря на множество противоречий и разнообразие подходов психология морали является перспективной областью современной психологической науки. Вопрос связи морального аспекта развития с эмоциональным является наиболее любопытным, ввиду того что ответ на данный вопрос приблизит понимание взаимодействия когнитивной и аффективной сфер организации морального суждения. Одной из частных попыток изучения такого взаимодействия является изучение связи между эмпатией и моральным суждением.

Далее отметим, что ввиду широкого изучения данного понятия представителями различных областей психологии (социальная психология, психология эмоций, когнитивная психология, нейропсихология) определение и измерение способности к проявлению эмпатии осуществляется исследователями многочисленными путями, с использованием различных критериев [Batson 2009]. Как следствие, при анализе литературы можно заметить различные интерпретации понятия эмпатии и соответственно результатов ее изучения.

В самом общем виде под эмпатией подразумевают способность разделять чувства и эмоции другого [Batson 2009]. Для дальнейшего описания в данной статье к понятию *эмпатия* кроме данного общего определения автор применяет собирательную модель, предложенную Ж. Десети, согласно которой эм-

патия является конструктором нескольких независимо оперирующих нейрокогнитивных компонентов — мотивационного, эмоционального и когнитивного [Decety, Cowell 2014]. Описание характера работы каждого из компонентов приводится далее в разделе «Эмпатия».

Для достижения поставленных автором целей обзор исследований, свидетельствующих о связи эмпатии и моральных суждений, представлен соответственно трем компонентам описанной выше модели эмпатии. Важно сказать, что большая часть результатов работ, приведенных в статье, получена благодаря современным нейрокогнитивным технологиям методами функциональной нейровизуализации. Функциональная нейровизуализация представляет собой комплекс современных методов исследования работы мозга (например, магнитно-резонансная томография и т. п.), позволяющих наглядно увидеть особенности функционирования различных отделов и структур мозга, а также нейронных связей между ними во время переработки человеком той или иной информации. Благодаря своей информативности данная категория методов применяется в большинстве современных исследований в области когнитивной психологии, в том числе в области изучения эмпатии и психологии морали.

Прежде чем представить обнаруженные в литературе данные о связи таких основ социальной жизнедеятельности человека, как моральное суждение и эмпатия, приведем описание каждой из них.

Моральные суждения

Как было отмечено выше, существующие на сегодняшний день теоретические описания развития моральных суждений (их еще называют когнитивными теориями развития морали) основаны на классических работах Ж. Пиаже, в частности, на его модели стадийного последовательного развития интеллекта от сенсомоторной стадии до стадии конкретных операций, а также на его исследовании развития моральных суждений у детей [Пиаже 2006].

Вслед за Пиаже до сего дня исследователи морального развития в качестве метода изучения предлагают испытуемым истории, содержащие дилеммы, в процессе решения которых испытуемый оказывается перед нравственным выбором между получением собственной выгоды или совершением просоциального акта, т. е. поведением, направленным на благо другого (или всего человечества). При этом, по мнению исследователей, именно опора на моральное суждение при решении дилеммы является ключом к выбору в пользу просоциального поведения [Kohlberg et al. 1983].

Л. Кольберг, последователь когнитивного подхода Ж. Пиаже и наиболее известный теоретик в области изучения вопросов развития морального суждения, заявлял об универсальности стадий морального развития [Kohlberg 1971]. Согласно его модели, моральное суждение развивается последовательно в соответствии со следующими основными уровнями: а) преконвенциональным (суждение основано на непосредственно сложившихся в данный момент обстоятельствах); б) конвенциональным (суждение основано на принятых социальных нормах и правилах); в) постконвенциональным (суждение основано на общечеловеческих моральных принципах) [Kohlberg 1971; Kohlberg et al.

1983]. При этом каждый из перечисленных уровней включает две стадии развития [Kohlberg 1971]. Данная концепция значительно продвинула изучение и теоретическую разработку ключевых компонентов морального функционирования человека, однако получила много критики и осталась незавершенной [Blasi 1990]. Кроме этого, Кольберг не рассматривал вклад ситуативных по своей природе эмоций в моральное развитие индивида, что являлось, вероятно, следствием его принципиальной позиции, согласно которой единственной основой моральной зрелости является чувство справедливости [Kohlberg 1971].

Ряд современных авторов включают в модель морального развития обязательный компонент социального научения [Decety et al. 2011; Eisenberg 2000]. Ряд исследователей рассматривает моральное суждение как величину достаточную или даже необходимую для объяснения просоциального поведения, основываясь на результатах, указывающих на то, что подход к решению моральных дилемм чаще выражает акт заботы, чем справедливости [Gilligan et al. 1988; Walker 1989; Gilligan, Wiggins 1987; Decety et al. 2011]. Остается неясным, однако, является ли такое выражение заботы а) проявлением конвенционального уровня развития морали по Кольбергу, б) альтернативным режимом морального суждения со своей собственной последовательностью развития или в) сугубо эмоциональной реакцией.

Эмпатия

Как мы упоминали выше, в литературе наблюдается разнообразие подходов к трактовке понятия эмпатии. Так, эмпатия изучается психологами как способность а) понимать эмоции, чувства и мысли другого и разделять их; б) сопереживать эмоциональному состоянию другого человека; в) занимать чужую точку зрения [Darwall 1998; Dimberg et al. 2000; Eslinger 1998; Hoffman 1975; Zahn-Waxler et al. 1992; Eisenberg, Fabes 1991]. Наряду с этим многочисленные исследования посвящены работе нейрофизиологических механизмов эмпатии [Batson 1991; Preston, de Waal 2002; Ruby, Decety 2004; Oberman et al. 2007]. Очевидно, что результаты перечисленных подходов могут отсылать к различным психологическим феноменам, которые отражают работу различных отделов психики и биологических механизмов [Batson 2009].

В настоящем обзоре для исключения путаницы из-за многочисленных трактовок понятия эмпатии мы остановимся на модели, предложенной известным исследователем Ж. Десети [Decety, Cowell 2014]. Опираясь на ряд современных исследований [Batson 2009; Eisenberg et al. 2009; Castano 2012; Parsons et al. 2013], он предположил, что эмпатия является конструктом, состоящим из трех отдельных компонентов — мотивационного, эмоционального и когнитивного, — предположительно действующих независимо друг от друга [Decety, Cowell 2014]. Мотивационный компонент эмпатии побуждает к заботе о благосостоянии другого (эмпатическая забота, беспокойство о другом). Эмоциональный компонент эмпатии отвечает за способность разделять эмоции другого или эмоционально реагировать на них (как минимум в тех же валентности, тоне и интенсивности). Например, эмоциональный компонент задействован в феноменах эмоционального заражения и резонанса. Наконец,

когнитивный компонент эмпатии отвечает за понимание чужих состояний и за способность поставить себя на место другого. В ходе дальнейшего описания работ, посвященных связи эмпатии и моральных суждений, мы будем придерживаться логики данной трехкомпонентной модели.

Эмпатия и моральное поведение: место встречи

Психологами было установлено, что с особым постоянством и отчетливостью эмпатия проявляется в условиях родительской заботы и совместного проживания. Вероятно, по этой причине дети с раннего возраста демонстрируют избирательное проявление эмпатии к разным людям, которое чаще всего зависит от того, насколько знаком им человек. Этому свидетельствуют результаты ряда исследований, в которых дети в возрасте двух лет чаще проявляют акты заботы по отношению к своей матери, чем к незнакомцу [Davidov et al. 2013]. Более того, М. Родес и Л. Чалик показали, что дети в возрастном диапазоне от трех до девяти лет склонны формировать категории допустимых социальных норм в зависимости от принадлежности человека к той или иной группе. Так, дети этого возраста считают неправильным причинять вред членам своей группы, тогда как, по их мнению, вполне допустимо нанесение вреда представителям чужой группы [Rhodes, Chalik 2013].

Кроме того, результаты, полученные в одной из работ с помощью функциональной нейровизуализации [Chenga et al. 2010], выявили, что активность зон мозга, участвующих в эмпатической реакции на негативные эмоции и боль другого, может быть усилена или ослаблена влиянием таких переменных, как межличностные отношения, аттитюды и групповые предпочтения. В частности, активность мозга значимо усиливается в условиях, где испытуемые наблюдают своих близких, испытывающих боль или негативные состояния, в сравнении с условием, в котором то же самое происходит с незнакомцем.

В то же время взрослые и дети могут испытывать чувство озабоченности или переживать по поводу состояния широкого круга «других», в том числе животных, например домашних питомцев (в западной культуре), а также неодушевленных предметов, например тамагочи (в Японии). Вероятно, в этих случаях признаки незащищенности и уязвимости наиболее очевидны, что и способствует проявлению заботы. Нейроисследования также подтверждают, что при наблюдении страданий человека и домашних животных в головном мозге человека активируются одни и те же зоны [Franklin et al. 2013]. По всей видимости, мотив заботы о других имеет глубокие корни и широкие и гибкие границы.

В одной из работ, проведенных с использованием нейрокогнитивных технологий, было обнаружено, что за проявление эмпатической заботы (мотивационного компонента эмпатии) в головном мозге отвечает вентромедиальная префронтальная кора (ВМПК). Процедура исследования заключалась в нейровизуализации реакций испытуемых на младенческий плач, мимику и т. п. (Поясним, что ВМПК — это особая зона мозга, в которой производится эмоциональная оценка поступившей информации социального характера.) Этот отдел отвечает за такие эмоции, как вина, стыд и сострадание, участвует в эмоциональной регуляции, а также играет существенную роль в поведении, связанном с родительской заботой [Parsons et al. 2013].

Таким образом, проявление эмпатической заботы о других, вероятно, обусловлено эволюционными механизмами, связанными прежде всего с родительским поведением. Это объясняет, почему эмпатия может служить основой аморального поступка в угоду своему интересу или интересу близкого человека [Rhodes, Chalik 2013; Chenga et al. 2010].

Имеющиеся в литературе данные обнажают и тот факт, что дефицит способности к разделению чувств и эмоций другого и отклику на них, свойственный личностям с психопатическими чертами, способствует таким решениям моральных дилемм, для которых характерны утилитарные формы суждений, независимо от особенностей ситуации [Gleichgerrcht, Young 2013; Wiech et al. 2013]. В процессе решения моральных дилемм психопатические черты испытуемых проявлялись а) в общем дефиците эмпатии, б) в тенденции к асоциальным поступкам, в) в безразличном отношении к страданиям другого и г) в тенденции к расчету собственной выгоды [Wiech et al. 2013].

Интересное исследование в этой области провели М. Кенигс и коллеги [Koenigs et al. 2007]. Двум группам испытуемых — с пораженным участком ВМПК и здоровым — предлагали вынести свое суждение по поводу 50 дилемм, связанных с тремя типами ситуаций: 1) «внеморальными» (которые не требуют разрешения конфликта между рациональным и эмоциональным); 2) «морально безличными» (которые вызывают низкий уровень конфликта между эмоциональным и рациональным; решение затрагивает вопросы «общего» блага и требует от лица, например врача, пожертвовать жизнью одного человека ради спасения жизней нескольких); 3) «морально личными» (которые требуют разрешения острого конфликта между рациональным и эмоциональным путем личного совершения поступка, вызывающего негативные эмоции, например убийства незнакомого человека ради спасения жизней нескольких других незнакомых людей). Результаты показали, что в первом и втором типах ситуаций испытуемые с пораженной и здоровой зонами ВМПК одинаково принимали решения, основанные на рациональности и здравом смысле. В третьем типе выявились значимые различия между двумя группами. Так, в отличие от здоровых, испытуемые в группе с пораженным участком ВМПК и в высоко конфликтных дилеммах третьего типа принимали утилитарные, рациональные решения, игнорируя эмоциональную сторону вопроса и не демонстрируя в своих ответах признаков сопереживания и эмпатии по отношению к героям дилемм вне зависимости от особенностей ситуации. Кроме того, выяснилось, что все испытуемые из «пораженной» группы не были способны чувствовать смущение, стыд или чувство вины. В целом полученные результаты подтверждают, что моральные суждения формируются под влиянием не только мыслительной, но и эмоциональной сферы, а именно способности к сопереживанию и эмпатии. Иными словами, низкий уровень работы эмоционального компонента эмпатии чаще способствует безнравственному и утилитарному подходу в ситуациях морального выбора.

В ряде ситуаций сложно объективно сравнить уровень «моральности» суждений тех, кто руководствовался эмпатическим переживанием в процессе решения моральных дилемм, и тех, кто таким переживанием не руководствовался. Например, рассмотрим исследование, в котором участников попросили сделать выбор в пользу одного из двух вариантов распределения продуктов в

пакете гуманитарной помощи между детьми из двух групп африканских детей. В первом варианте продукты были распределены в равном количестве между обеими группами детей, но при этом в пересчете на каждого ребенка недостаточно и неэффективно. Во втором варианте продукты распределены эффективно и разумно, однако неравномерно между группами детей. Интересно, что данные нейровизуализации показали, что нейронные пути, проходящие через эмоциональные зоны мозга, были активны у тех испытуемых, которые делали выбор в пользу первого варианта, соответствующего принципу равенства [Hsu et al. 2008]. Однако полученные результаты не свидетельствуют напрямую о том, что именно эмпатия играла ведущую роль при принятии такого варианта решения моральной дилеммы.

Продолжим обзор работ, посвященных исследованию механизма эмпатического переживания, обратив внимание на когнитивный компонент эмпатии. В одном из недавних исследований, проведенном на группе осужденных, испытуемым показывали картинки, изображающие физические мучения человека, и предлагали им представить чувства, которые испытывал бы человек в подобной ситуации. В процессе выполнения задания испытуемые испытывали сложности в ответах, фактически демонстрируя неспособность поставить себя на место другого человека (работа когнитивного компонента эмпатии). В процессе выполнения задания активность зоны ВМПК не была зафиксирована [Decety et al. 2013]. В другом исследовании испытуемым были показаны видеоролики, иллюстрирующие сюжеты нанесения вреда в процессе межличностного взаимодействия. Ролики содержали два варианта сценария, в одном из которых человек наносит вред другому намеренно, а в другом случайно. Результаты показали, что восприятие сценария с намеренным причинением вреда активизировало ВМПК, тогда как случайного — нет. Авторы делают вывод, что ситуации, отражающие моральный аспект поведения, требуют интеграции когнитивного и аффективного компонентов мозговой деятельности [Decety et al. 2011]. В целом такие результаты свидетельствуют в пользу участия когнитивного компонента эмпатии в моральной оценке.

Таким образом, по свидетельству современных исследований, две ключевые способности человека — эмпатия и моральное суждение — имеют общую нейробиологическую основу. В то же время, судя по имеющимся данным, работа каждого из компонентов эмпатии (эмоционального, мотивационного и когнитивного) может проявляться при вынесении морального суждения параллельно. Прямых свидетельств о роли эмпатии в вынесении моральных суждений недостаточно [Decety et al. 2011; 2013].

* * *

В целом обзор накопленных данных в обсуждаемой области исследований не дает оснований делать вывод о наличии причинно-следственной связи между эмпатическим переживанием и вынесением морального суждения. Тем не менее благодаря современным технологиям когнитивным психологам удалось выявить общую нейрофизиологическую структуру, лежащую в основе вынесения моральных суждений и многокомпонентного характера эмпатического переживания [Parsons et al. 2013; Koenigs et al. 2007; Decety et al. 2013].

Данные, полученные на группах со здоровым и поврежденным мозгом, а также на испытуемых с врожденным дефицитом эмпатии, свидетельствуют о том, что для вынесения морального суждения необходима интегрированная работа эмоциональной и когнитивной сфер [Decety et al. 2011]. В то же время некоторые результаты демонстрируют довольно скудную и не определяющую роль эмоций в ситуациях морального выбора; структуры мозга, отвечающие за моральные суждения, по данным исследований не являются специфичными, а скорее принадлежат общей когнитивной системе [Young, Dungan 2011; Decety et al. 2011; Decety, Cowell 2014]. В целом для более глубокого понимания роли эмпатии в ситуациях морального выбора необходим тщательный анализ отношений между каждым компонентом в структуре эмпатии (т. е. мотивационным, эмоциональным и когнитивным) и процессом вынесения моральных суждений. Такой подход прокладывает путь к наиболее удобной теоретической рамке в этой области.

Литература

- Пиаже 2006 — Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2006.
- Batson 1991 — Batson C. The altruism question: Toward a social-psychological answer. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991.
- Batson 2009 — Batson C. These things called empathy: Eight related but distinct phenomena // The social neuroscience of empathy / Ed. by J. Decety, W. Ickes. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 3–15.
- Blasi 1990 — Blasi A. How should psychologists define morality? // The moral domain: Essays on the ongoing discussion between philosophy and the social sciences / Ed. by T. E. Wren. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. P. 38–70.
- Castano 2012 — Castano E. Antisocial behavior in individuals and groups: an empathy-focused approach // The Oxford handbook of personality and social psychology / Ed. by K. Deaux, M. Snyder. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 419–445.
- Cheng et al. 2010 — Cheng Y., Chenyi C., Lin C.-P., Chou K.-H., Decety J. Love hurts: An fMRI study // NeuroImage. Vol. 51. No. 2. 2010. P. 923–929.
- Darwall 1998 — Darwall S. Empathy, sympathy, care // Philosophical Studies. Vol. 89. No. 2. 1998. P. 261–282.
- Davidov et al. 2013 — Davidov M., Zahn-Waxler C., Roth-Hanania R., Knafo A. Concern for others in the first year of life: Theory, evidence, and avenues for research // Child Development Perspectives. Vol. 7. No. 2. 2013. P. 126–131.
- Decety, Cowell 2014 — Decety J., Cowell J. The complex relation between morality and empathy // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 18. No. 7. 2014. P. 337–339.
- Decety et al. 2011 — Decety J., Michalska K., Kinzler K. The contribution of emotion and cognition to moral sensitivity: A neurodevelopmental study // Cerebral Cortex. Vol. 22. No. 1. 2011. P. 209–220.
- Decety et al. 2013 — Decety J., Chen C., Harenski C., Kiehl K. An fMRI study of affective perspective taking in individuals with psychopathy: Imagining another in pain does not evoke empathy // Frontiers in Human Neuroscience. Vol. 7. 2013. doi: 10.3389/fnhum.2013.00489.
- Dimberg et al. 2000 — Dimberg U., Thunberg M., Elmehed K. Unconscious facial reactions to emotional facial expressions // Psychological Science. Vol. 11. No. 1. 2000. P. 86–89.
- Eisenberg 2000 — Eisenberg N. Emotion, regulation, and moral development // Annual Review of Psychology. Vol. 51. 2000. P. 665–697.

- Eisenberg, Eggum 2009 — *Eisenberg N. Eggum N. D.* Empathic responding: Sympathy and personal distress // *The social neuroscience of empathy* / Ed. by J. Decety, W. J. Ickes. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 71–83.
- Eisenberg, Fabes 1991 — *Eisenberg N, Fabes R.* Prosocial behavior and empathy: A multi-method, developmental perspective // *Prosocial behavior* / Ed. by M. S. Clark. Newbury Park, CA: Sage, 1991 (Review of Personality and Social Psychology; Vol. 12). P. 34–61.
- Eslinger 1998 — *Eslinger P.* Neurological and neuropsychological bases of empathy // *European Neurology*. Vol. 39. No. 4. 1998. P. 193–199.
- Franklin et al. 2013 — *Franklin R., Nelson A., Baker M., Beeney J., Vescio T., Lenz-Watson A., Adams R.* Neural responses to perceiving suffering in humans and animals // *Social Neuroscience*. Vol. 8. No. 3. 2013. P. 217–227.
- Gilligan et al. 1988 — *Gilligan C., Ward J., Taylor, J.* Mapping the moral domain: A contribution of women's thinking to psychological theory and education. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1988.
- Gilligan, Wiggins 1987 — *Gilligan C., Wiggins G.* The origins of morality in early childhood relationships // *The emergence of morality in young children* / Ed. by J. Kagan, S. Lamb. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1987. P. 277–305.
- Gleichgerrcht, Young 2013 — *Gleichgerrcht E, Young L.* Low levels of empathic concern predict utilitarian moral judgment // *PLoS ONE*. Vol. 8. No. 4. 2013. doi: 10.1371/journal.pone.0060418.
- Haidt 2001 — *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. Vol. 108. No. 4. 2001. P. 814–834.
- Hamlin 2013 — *Hamlin J. K.* The origins of human morality: Complex socio-moral evaluations by preverbal infants // *New Frontiers in Social Neuroscience*. Vol. 21. 2013. P. 165–188.
- Hare 1981 — *Hare R.* Moral thinking: Its levels, method, and point. Oxford: Clarendon Press, 1981.
- Hauser 2006 — *Hauser M.* Moral minds: How nature designed a universal sense of right and wrong. New York: Ecco, 2006.
- Hoffman 1975 — *Hoffman M.* Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation // *Developmental Psychology*. Vol. 11. No. 5. 1975. P. 607–622.
- Hsu et al. 2008 — *Hsu M., Anen C., Quartz S.* The right and the good: Distributive justice and neural encoding of equity and efficiency // *Science* (New York, N.Y.). Vol. 320. 2008. P. 1092–1095.
- Koenigs et al. 2007 — *Koenigs M., Young L., Adolphs R., Tranel D., Cushman F., Hauser M., Damasio A.* Damage to the prefrontal cortex increases utilitarian moral judgements // *Nature*. Vol. 446(7138). 2007. P. 908–911.
- Kohlberg 1971 — *Kohlberg L.* From is to ought: How to commit the naturalistic fallacy and get away with it in the study of moral development. New York: Academic Press, 1971.
- Kohlberg et al. 1983 — *Kohlberg L., Levine C., Hewer A.* Moral stages: A current formulation and a response to critics. Basel, Switzerland: Karger, 1983.
- Lapsley 1996 — *Lapsley D.* Moral psychology. Boulder, CO: Westview Press, 1996.
- Oberman et al. 2007 — *Oberman L., Winkielman P., Ramachandran V.* Face to face: Blocking facial mimicry can selectively impair recognition of emotional expressions // *Social Neuroscience*. Vol. 2. No. 3–4. 2007. P. 167–178.
- Parsons et al. 2013 — *Parsons C., Stark E., Young K., Stein A., Kringelbach M.* Understanding the human parental brain: A critical role of the orbitofrontal cortex // *Social Neuroscience*. Vol. 8. No. 6. 2013. P. 525–543.
- Preston, de Waal 2002 — *Preston S., de Waal F. B. M.* Empathy: Its ultimate and proximate bases // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 25. No. 1. 2002. P. 1–20.

- Prinz 2004 — *Prinz J.* Gut reactions: A perceptual theory of emotion. New York: Oxford Univ. Press, 2004.
- Rhodes, Chalik 2013 — *Rhodes M., Chalik L.* Social categories as markers of intrinsic interpersonal obligations // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 6. 2013. P. 999–1006.
- Ruby, Decety 2004 — *Ruby P., Decety J.* How would you feel versus how do you think she would feel? A neuroimaging study of perspective taking with social emotions // *Journal of Cognitive Neuroscience*. Vol. 16. No. 6. 2004. P. 988–999.
- Walker 1989 — *Walker L.* A longitudinal study of moral reasoning // *Child Development*. Vol. 60. No. 1. 1989. P. 157–166.
- Wiech et al. 2013 — *Wiech K., Kahane G., Shackel N., Farias M., Savulescu J., Tracey I.* Cold or calculating? Reduced activity in the subgenual cingulate cortex reflects decreased emotional aversion to harming in counterintuitive utilitarian judgment // *Cognition*. Vol. 126. No. 3. 2013. P. 364–372.
- Young, Dungan 2011 — *Young L., Dungan J.* Where in the brain is morality? Everywhere and maybe nowhere // *Social Neuroscience*. Vol. 7. No. 1. 2012. P. 1–10.
- Zahn-Waxler et al. 1992 — *Zahn-Waxler C., Robinson J., Emde R.* The development of empathy in twins // *Developmental Psychology*. Vol. 28. No. 6. 1992. P. 1038–1047.

EMPATHY AND MORALITY: POINT OF MEETING (FOREIGN LITERATURE REVIEW)

Yudina, Tatiana O.

*Lecturer, General Psychology Department,
School of Public Policy, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-46
E-mail: judinatatyana@gmail.com*

Abstract. Morality and empathy are foundational components of human life in every culture. The abundance of empirical results obtained by researchers in such fields as developmental psychology, psychology of emotions and neurocognitive psychology confirms that there is a complex relation between empathy and moral judgment. Thus, data reveal that empathy either facilitates a moral judgment or choice or prevents it, due to the multi-component mechanism of the empathic experience. This paper reviews current studies, drawn from proximate areas of psychology, that show the role of motivational, emotional and cognitive components of empathy in situations of moral choice.

Keywords: empathy, moral judgment, prosocial behavior

References

- Batson, C. (1991). *The altruism question: Toward a social-psychological answer*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Batson, C. (2009). These things called empathy: Eight related but distinct phenomena. In J. Decety, W. Ickes (Eds.). *The social neuroscience of empathy*, 3–15. Cambridge, MA: MIT Press. doi: 10.7551/mitpress/9780262012973.003.0002.

- Blasi, A. (1990). How should psychologists define morality? In T. E. Wren (Ed.). *The moral domain: Essays on the ongoing discussion between philosophy and the social sciences*, 38–70. Cambridge, MA: MIT Press.
- Castano, E. (2012). Antisocial behavior in individuals and groups: An empathy-focused approach. In K. Deaux, M. Snyder (Eds.). *The Oxford handbook of personality and social psychology*, 419–445. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Cheng, Y., Chenyi, C., Lin, C.-P., Chouc, K.-H., Decety, J. (2010). Love hurts: An fMRI study. *NeuroImage*, 51(2), 923–929.
- Darwall, S. (1998). Empathy, sympathy, care. *Philosophical Studies*, 89(2), 261–282.
- Davidov, M., Zahn-Waxler, C., Roth-Hanania, R., Knafo, A. (2013). Concern for others in the first year of life: Theory, evidence, and avenues for research. *Child Development Perspectives*, 7(2), 126–131.
- Decety J., Chen, C., Harenski, C., Kiehl, K. (2013). An fMRI study of affective perspective taking in individuals with psychopathy: Imagining another in pain does not evoke empathy. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7. doi: 10.3389/fnhum.2013.00489.
- Decety, J., Michalska, K., Kinzler, K. (2011). The contribution of emotion and cognition to moral sensitivity: A neurodevelopmental study. *Cerebral Cortex*, 22(1), 209–220. doi: 10.1093/cercor/bhr111.
- Decety, J., Cowell, J. (2014). The complex relation between morality and empathy. *Trends in Cognitive Sciences*, 18(7), 337–339.
- Dimberg, U., Thunberg, M., Elmehed, K. (2000). Unconscious facial reactions to emotional facial expressions. *Psychological Science*, 11(1), 86–89. doi: 10.1111/1467-9280.00221.
- Eisenberg, N. (2000). Emotion, regulation, and moral development. *Annual Review of Psychology*, 51, 665–697.
- Eisenberg, N., Fabes, R. (1991) Prosocial behavior and empathy: a multi-method, developmental perspective. In M. S. Clark (Ed.). *Prosocial behavior (Review of Personality and Social Psychology, Vol. 12)*, 34–61. Newbury Park, CA: Sage.
- Eisenberg, N., Eggum, N. (2009). Empathic responding: Sympathy and personal distress. In J. Decety, W. Ickes (Eds.) *The social neuroscience of empathy*, 71–83. Cambridge, MA: MIT Press.
- Eslinger, P. (1998) Neurological and neuropsychological bases of empathy. *European Neurology*, 39(4), 193–199.
- Franklin, R., Nelson, A., Baker, M., Beeney, J., Vescio, T., Lenz-Watson, A., Adams, R. (2013). Neural responses to perceiving suffering in humans and animals. *Social Neuroscience*, 8(3), 217–227. doi: 10.1080/17470919.2013.763852.
- Gilligan, C., Ward, J., Taylor, J. (1988). *Mapping the moral domain: A contribution of women's thinking to psychological theory and education*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Gilligan, C., Wiggins, G. (1987). The origins of morality in early childhood relationships. In J. Kagan, S. Lamb (Eds.). *The Emergence of Morality in Young Children*, 277–305. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press.
- Gleichgerrcht, E., Young, L. (2013). Low levels of empathic concern predict utilitarian moral judgment. *PLoS ONE*, 8(4). doi: 10.1371/journal.pone.0060418.
- Haidt, J. (2001). The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*, 108(4), 814–834.
- Hamlin, J. (2013). The origins of human morality: Complex socio-moral evaluations by preverbal infants. *New Frontiers in Social Neuroscience*, 21, 165–188.
- Hare, R. (1981). *Moral thinking: Its levels, method, and point*. Oxford: Clarendon Press.
- Hauser, M. (2006). *Moral minds: How nature designed a universal sense of right and wrong*. New York: Ecco.

- Hoffman, M. (1975). Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation. *Developmental Psychology*, 11(5), 607–622.
- Hsu, M., Anen, C., Quartz, S. (2008). The right and the good: Distributive justice and neural encoding of equity and efficiency. *Science* (New York, N.Y.), 320, 1092–1095. doi: 10.1126/science.1153651
- Koenigs, M., Young, L., Adolphs, R., Tranel, D., Cushman, F., Hauser, M., Damasio, A. (2007). Damage to the prefrontal cortex increases utilitarian moral judgements. *Nature*, 446(7138), 908–911.
- Kohlberg L. (1971). *From is to ought: How to commit the naturalistic fallacy and get away with it in the study of moral development*. New York: Academic Press.
- Kohlberg, L., Levine, C., Hewer, A. (1983). *Moral stages: A current formulation and a response to critics*. Basel, Switzerland: Karger.
- Lapsley D. (1996). *Moral psychology*. Boulder, CO: Westview Press.
- Oberman, L., Winkielman, P., Ramachandran, V. (2007). Face to face: Blocking facial mimicry can selectively impair recognition of emotional expressions. *Social Neuroscience*, 2(3–4), 167–178.
- Parsons, C., Stark, E., Young, K., Stein, A., Kringelbach, M. (2013). Understanding the human parental brain: A critical role of the orbitofrontal cortex. *Social Neuroscience*, 8(6), 525–543. doi: 10.1080/17470919.2013.842610.
- Piazhe, Zh. (2006). *Moral'noe suzhenie u rebenka* [Transl. from Piaget, J. (1932). *Le jugement moral chez l'enfant*. Paris: F. Alcan]. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Preston, S., de Waal, F. B. M. (2002). Empathy: Its ultimate and proximate bases. *Behavioral and Brain Sciences*, 25(1), 1–20. doi: 10.1017/S0140525X02000018.
- Prinz, J. (2004). *Gut reactions: A perceptual theory of emotion*. New York: Oxford Univ. Press.
- Rhodes, M., Chalik, L. (2013) Social categories as markers of intrinsic interpersonal obligations. *Psychological Science*, 24(6), 999–1006.
- Ruby, P., Decety, J. (2004). How would you feel versus how do you think she would feel? A neuroimaging study of perspective-taking with social emotions. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 16(6), 988–999.
- Walker, L. (1989). A longitudinal study of moral reasoning. *Child Development*, 60(1), 157–166.
- Wiech, K., Kahane, G., Shackel, N., Farias, M., Savulescu, J., Tracey, I. (2013) Cold or calculating? Reduced activity in the subgenual cingulate cortex reflects decreased emotional aversion to harming in counterintuitive utilitarian judgment. *Cognition*, 126(3), 364–372. doi: 10.1016/j.cognition.2012.11.002.
- Young, L., Dungan, J. (2012). Where in the brain is morality? Everywhere and maybe nowhere. *Social Neuroscience*, 7(1), 1–10. doi: 10.1080/17470919.2011.569146.
- Zahn-Waxler, C., Robinson, J., Emde, R. (1992). The development of empathy in twins. *Developmental Psychology*, 28(6), 1038–1047.

YUDINA, T. O. (2017). EMPATHY AND MORALITY: POINT OF MEETING (FOREIGN LITERATURE REVIEW). *SHAGI / STEPS*, 3(1), 28–39

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ДОПУЩЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОСТУПКА

Аннотация. Представлены данные, отражающие особенности функционирования морального сознания в двух условиях: допущение возможности совершения противоправного поступка и недопущение такой возможности. Моральное сознание в данной работе операционализируется через механизмы отчуждения моральной ответственности, уровни развития морального сознания по Л. Кольбергу. Рассматривается связь морального сознания с макиавеллизмом и психопатией. Результаты демонстрируют, что система морального сознания личности функционирует по-разному в ситуациях допущения возможности совершения правонарушения и недопущения такой возможности.

Ключевые слова: моральное сознание, механизмы отчуждения моральной ответственности, противоправные поступки, макиавеллизм

Данные ряда исследований [Bandura 1990; Beck 1976] поддерживают идею о том, что компенсаторные механизмы морального сознания личности связаны с социально-неодобряемым поведением. Под моральным сознанием в данной работе понимается система функций, связанных с принятием решения о следовании правилу или его нарушении, с обоснованием такого решения и с подключением компенсаторных объяснительных механизмов при рассогласовании своих действий с самооценкой и представлениями о себе. Социально-неодобряемое поведение может вызвать у человека когнитивный диссонанс. Он может быть преодолен через а) когнитивные искажения [Beck 1976], б) механизмы нейтрализации [Сайкс, Матза 1996], в) механизмы отчуждения моральной ответственности [Bandura et al. 1996; Moore et al. 2012].

Механизмы отчуждения моральной ответственности — инструменты подавления внутреннего контроля человека, регулирующего его поведение. Избирательная активация и отчуждение внутреннего контроля позволяют чело-

веку демонстрировать разные формы поведения (как гуманное, так и негуманное) в рамках одного и того же постоянного набора моральных ценностей.

А. Бандура выделял следующие механизмы отчуждения моральной ответственности: 1) моральное оправдание, 2) эвфемистический язык, 3) выгодное сравнение, 4) смещение ответственности, 5) рассеивание ответственности, 6) игнорирование или искажение последствий, 7) дегуманизация, 8) атрибуция вины [Bandura 1990].

К конструктам, отражающим качественные черты морального сознания личности, ряд исследователей относит макиавеллизм [Christie, Lehman 1970; Знаков 2000; Егорова 2009; Корнилова, Чигринова 2012], психопатию [Даттон 2014; Кил 2015].

Исходя из установленных предыдущими исследователями фактов, данная работа ставит целью выявить особенности функционирования высокоуровневых и низкоуровневых проявлений морального сознания. Различается ли функционирование морального сознания в различных ситуациях морального выбора (допущение или недопущение противоправного акта) или же это статичный личностный конструкт?

Моральное самосознание в данной работе операционализируется через 1) механизмы отчуждения моральной ответственности по А. Бандуре (далее — МОМО), 2) уровни развития морального сознания по Л. Кольбергу.

Таким образом, цель работы — выявить различные типы функционирования морального сознания личности в реагировании на ситуации допущения/недопущения возможности совершения правонарушений.

Были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Более низкие уровни развития морального сознания по Кольбергу и более широкий диапазон МОМО имеют прямую связь с макиавеллизмом, психопатией.

2. Более высокие уровни развития морального сознания по Кольбергу и более узкий диапазон МОМО имеют обратную связь с макиавеллизмом, психопатией.

Использованные методы

1. Опросные методы

а. Шкала макиавеллизма (Мак-шкала в адаптации В. В. Знакова) оценивает выраженность личностного свойства «макиавеллизм». Центральная его характеристика — высокая ориентация на использование других в качестве средства для достижения своих целей.

б. Опросник психопатии Левенсона. Включает утверждения, позволяющие получить индексы первичной и вторичной психопатии. В первом случае вопросы направлены на измерение степени, в которой человек демонстрирует эгоистичное, нечувствительное, манипулятивное отношение к другим, во втором — импульсивность и саморазрушительный жизненный стиль.

2. Кейсовый метод — методика, содержащая описание 18 ситуаций, допускающих возможность совершения противоправного поступка.

Для решения кейсов испытуемых просили идентифицировать себя с преступником в предложенных ситуациях и составить исчерпывающий список обстоятельств, располагающих к совершению указанного в ситуации действия.

Испытуемые

60 человек, средний возраст 23,6 лет (от 17 до 52 лет); среди них 40 женщин, 20 мужчин; социальное положение — студенты и трудоустроенные.

Результаты

После решения кейсов испытуемыми их ответы были разделены на группы по уровню развития морального сознания относительно используемых механизмов МОМО и проявленному уровню развития морального сознания (была использована мода соответствующих ответов). Затем ответы испытуемых делили по критерию допущения/недопущения противоправных актов. Таким образом, результаты анализировались как по межсубъектному плану — относительно групп с различным уровнем морального сознания, так и по внутрисубъектному плану — относительно каждого испытуемого в ситуации допущения или недопущения противоправного акта.

А) Уровни развития морального сознания и характеристики МОМО

Согласно критерию согласия Пирсона (хи-квадрат), существует статистически значимая связь между уровнем морального развития и распределением наиболее используемых испытуемыми МОМО ($\chi^2(2,60) = 10,543, p = 0,005$). Лица с первым уровнем развития морального сознания чаще лиц со вторым уровнем развития морального сознания используют МОМО вида «игнорирование или искажение последствий», реже используют МОМО вида «моральное оправдание» и чаще прибегают к отсутствию МОМО в своих ответах (Табл. 1).

Таблица 1. Распределение МОМО в зависимости от уровня развития морального сознания

Распределение МОМО → Уровни морального сознания ↓	Отсутствуют	«Моральное оправдание»	«Игнорирование или искажение последствий»
Первый уровень (количество МОМО)	10	2	37
Второй уровень (количество МОМО)	2	4	5

Группы с различными уровнями морального сознания демонстрируют различный диапазон использования МОМО. Максимальный диапазон ($M = 5,7$) использования МОМО у группы с первым уровнем морального развития ANOVA ($F(2, 57) = 9,099$ при $p < 0,001$).

В) Связь уровней развития морального сознания с психопатией, макиавеллизмом

В соответствии с модой уровня развития морального сознания и допущением / недопущением совершения противоправного поступка выборка была разделена на группы, указанные в Табл. 2.

Таблица 2. Описательная статистика значений макиавеллизма, первичной и вторичной психопатии

Переменные	При недопущении противоправного акта				При допущении противоправного акта			
	уровень морального сознания	N	среднее	стандартное отклонение	уровень морального сознания	N	среднее	стандартное отклонение
Макиавеллизм	1	19	85,42	18,17	1	49	76,20	17,43
	2	18	70,72	16,68	2	11	75,45	17,71
	3	23	72,52	14,44				
Первичная психопатия	1	19	34,05	6,54	1	49	32,24	6,13
	2	18	31,11	5,82	2	11	32,27	7,63
	3	23	31,65	6,57				
Вторичная психопатия	1	19	23,16	4,68	1	49	21,88	4,55
	2	18	21,94	4,37	2	11	19,91	4,32
	3	23	19,82	4,13				

Как видно из Табл. 2, в условии недопущения противоправного акта испытуемые демонстрируют все уровни морального развития по Кольбергу, в том числе и самый высокий — постконвенциональный. В условии допущения противоправного акта испытуемые демонстрируют первый и второй уровни морального развития по Кольбергу.

В последующем тексте ситуации недопущения будут приравнены к высокоуровневым проявлениям морального сознания. Ситуации допущения будут приравнены к низкоуровневым проявлениям морального сознания.

В ситуации недопущения возможности совершения противоправного акта группы с разной степенью выраженности макиавеллизма различаются по уровням морального развития ANOVA ($F(2, 57) = 4,605$ при $p = 0,014$). Большой макиавеллизм свойственен группе с первым уровнем морального развития, меньший — со вторым.

В ситуации недопущения есть тенденция, что группы с разной степенью выраженности вторичной психопатии (импульсивности) различаются по уровням морального развития ANOVA ($F(2, 57) = 3,129$ при $p = 0,05$). Максимальная импульсивность свойственна первому уровню морального развития ($m = 23,16$), минимальная — третьему ($m = 19,8$).

Обсуждение результатов

По полученным результатам функционирование морального сознания при допущении возможности совершения противоправного поступка отличается от его функционирования в случае недопущения этой возможности. Рассмотрим подробнее, в чем заключаются различия.

Первая гипотеза о том, что более низкие уровни развития морально-го сознания по Кольбергу (в случае допущения возможности совершения противоправного акта) и более широкий диапазон МОМО имеют прямую связь с макиавеллизмом, психопатией, частично подтвердилась.

Значимых связей уровней развития морального сознания с психопатией и макиавеллизмом не обнаружилось (без деления испытуемых на группы в зависимости от допущения/недопущения противоправного поступка). Испытуемые в случае допущения правонарушения проявляют первый преконвенциональный и второй конвенциональный уровни развития морального сознания по Кольбергу. Также для первого уровня развития морального сознания в большей степени характерно использование такого МОМО, как «игнорирование или искажение последствий». Лица же со вторым уровнем развития морального сознания в большей степени используют механизм «морального оправдания».

Данная дифференциация может объясняться характеристиками преконвенционального и конвенционального уровней морального развития. Так, преконвенционалисты в первую очередь действуют согласно гедонистическим мотивам, что согласуется с описанием механизма «игнорирование или искажение последствий», — этот механизм может включать избирательное внимание только к тем аспектам ситуации, которые имеют личное позитивное значение (например, возможность выгоды) и/или активные действия по дискредитации свидетельств причиненного вреда. В этом случае внимание индивида направлено лишь на себя самого, а все остальные оцениваются лишь с точки зрения принесения удовольствия ему самому.

Можно предположить, что конвенционалисты действуют в соответствии с правилами, разделяемыми их референтной группой, что также согласуется с описанием механизма «морального оправдания», — причиняющее вред поведение конструируется как лично и социально приемлемое за счет того, что оно оправдывается высокими общественными или нравственными целями. В этом случае компенсаторные механизмы морального самосознания связаны с правилами своей группы, с высокими общественными целями.

Наибольший диапазон использования МОМО также у первого преконвенционального уровня морального развития. Это можно объяснить наличием у преконвенционалистов сильного желания достижения гедонистического консонанса. Однако ситуация, в которой человек допускает возможность совершения противоправного акта, формирует у гедониста травмирующий диссонанс, что влечет за собой максимальную поисковую активность по его снижению, что и выражается в использовании ими широкого диапазона МОМО.

Более узкий диапазон МОМО у высших уровней морального развития в случае конвенционалистов можно связать со смещением ответственности на авторитет, с распределением ответственности среди членов своей группы, что

опосредствует уменьшение когнитивного диссонанса через феномены групповой динамики. В случае же постконвенционалистов более узкий диапазон МОМО можно связать с вообще их редким согласием допускать возможность совершения противоправного поступка в связи со стремлением в принципе избежать самоосуждения. Возможно, когнитивный диссонанс в меньшей степени может возникнуть у лиц, сперва интериоризовавших нравственные принципы, затем пропустивших их через собственную обработку и в результате сформировавших самостоятельные критичные индивидуальные принципы. Подобный подход предполагает больший интеракционизм, благодаря чему принципы личности становятся уравновешеннее и в меньшей степени подверженными когнитивному диссонансу, в отличие от первого и второго уровней морального развития с сильным давлением компенсаторных механизмов морального сознания, связанных с личностью и средой соответственно.

Вторая гипотеза о том, что у испытуемых с более высоким уровнем развития морального сознания по Кольбергу (в случае недопущения возможности совершения противоправного акта) и более узким диапазоном МОМО эти черты демонстрируют обратную связь с макиавеллизмом и психопатией, также частично подтвердилась.

В случае если возможность совершения противоправного акта не допускается, у испытуемых со вторым и третьим уровнем морального развития обнаруживаются более низкие значения по макиавеллизму и вторичной психопатии, т. е. сниженные баллы по этим шкалам сопутствуют недопущению возможности совершения противоправного акта. В случае же допущения зависимость отсутствует. Это объясняется тем, что невыраженным макиавеллистам и психопатам свойственны честность и скромность. Подобные характеристики вкуче оказываются связанными с такими свойствами второго и третьего уровней морального развития, как ориентация на авторитет и референтную группу (второй уровень) и ориентацию на индивидуально выработанные нравственные принципы (третий уровень). Всё перечисленное способствует отсутствию рассогласования между самосанкциями и желаемым объектом путем разделения ответственности, например, в групповом опосредовании механизма морального сознания (второй уровень), что также может тормозить выбор возможности совершения противоправного поступка. А характеристики невыраженных шкал макиавеллизма и психопатии могут содействовать общей конформности, что также характерно для второго уровня морального развития. В случае же третьего уровня морального развития подобные характеристики могут описывать не рядового конформного участника группы, а, например, ее лидера, как формального, так и неформального.

Хотя в случае недопущения противоправных актов максимальные значения по психопатии и макиавеллизму демонстрирует первый уровень морального развития, а в случае допущения значимых значений нет, следует помнить, что низкие уровни морального развития сопряжены с более частым допущением возможности совершения противоправного акта.

В работе выявился разный уровень развития морального сознания по Кольбергу для ситуаций допущения и недопущения возможности совершения противоправного акта. При интерпретации стоит учесть факт возможной ошибки со стороны экспертной оценки, в противном же случае можно подумать над

природой конструкта морального сознания: является ли он стабильным или же подверженным влиянию со стороны ситуаций; возможно также, что его проявления служат компенсаторными механизмами морального самосознания.

Если при допущении возможности совершения противоправного акта испытуемые демонстрируют первый и второй уровни морального развития по Кольбергу, то при недопущении появляется и третий уровень. МОМО в случае недопущения противоправного акта отсутствуют. Постконвенциональный уровень позволяет индивиду поступать согласно самостоятельно выработанным принципам, что отражается в недопущении ими возможности совершения противоправных поступков.

Выводы

Было установлено, что функционирование морального сознания при допущении возможности совершения противоправного поступка отличается от его функционирования в случае недопущения такой возможности.

В ситуации допущения 1) моральное сознание проявляет низшие уровни морального развития (преконвенциональный и конвенциональный), 2) используются МОМО (преобладает механизм «игнорирование или искажение последствий» у преконвенционалистов и механизм «моральное оправдание» у конвенционалистов).

В ситуации недопущения 1) моральное сознание тех же испытуемых проявляет высшие уровни морального развития, включая третий постконвенциональный, 2) МОМО не используются, 3) наблюдается связь с макиавеллизмом и вторичной психопатией: чем выше уровни морального сознания, тем ниже макиавеллизм и вторичная психопатия.

Ограничением к распространению полученных результатов на генеральную совокупность может служить специфика выборки — в исследовании принимали участие представители относительно благополучных социальных слоев — студенты из ведущих вузов Москвы и лица со средним уровнем достатка и высшим образованием. Данные, полученные на выборке с другими социально-экономическими показателями, могут различаться.

Полученные данные подкрепляют мысль ряда исследователей о существовании компенсаторных механизмов в моральном самосознании. На примере конструктов, операционализирующих моральное сознание в этой работе (МОМО, уровни развития морального сознания по Кольбергу, субъективная оценка тяжести правонарушений; корреляты этих конструктов — макиавеллизм, психопатия), были продемонстрированы особенности функционирования данных конструктов при допущении и недопущении возможности совершения противоправного акта.

В последующих работах было бы интересно проверить природу уровневого строения морального развития: является ли оно статичной диспозиционной переменной, посредником в осуществлении, например, компенсаторной функции морального самосознания или этот конструкт следует рассматривать в интеракционистском ключе. Также хотелось бы привлечь внимание к функционированию МОМО в качестве компенсаторного механизма морального сознания и к установлению связи конкретных приемов отчуждения моральной ответственности с личностными диспозициями.

Литература

- Даттон 2014 — *Даттон К.* Мудрость психопатов / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2014.
- Егорова 2009 — *Егорова М. С.* Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер. 10: Дифференциальная психология. 2009. № 1/2. С. 65–80.
- Знаков 2000 — *Знаков В. В.* Макиавеллизм: Психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. Т. 21. № 5. 2000. С. 16–22.
- Кил 2015 — *Кил К. А.* Психопаты: Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2015.
- Корнилова, Чигринова 2012 — *Корнилова Т. В., Чигринова И. А.* Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. Т. 33. № 2. 2012. С. 69–87.
- Сайкс, Матза 1966 — *Сайкс Г., Матза Д.* Метод нейтрализации. Теория делинквентности / Пер. с англ. // Социология преступности (Современные буржуазные теории): Сб. ст. / Под ред. Б. С. Никифорова. М.: Прогресс, 1966. С. 322–333.
- Bandura 1990 — *Bandura A.* Mechanisms of moral disengagement // *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, and states of mind* / Ed. by W. Reich. [Washington, D.C.]: Woodrow Wilson International Center for Scholars., 1990. P. 161–191.
- Bandura et al. 1996 — *Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C.* Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 71. No. 2. 1996. P. 364–374.
- Beck 1976 — *Beck A. T.* Cognitive therapy and emotional disorders. New York: International Universities Press, 1976.
- Christie, Lehman 1970 — *Christie R., Lehman S.* The structure of Machiavellian orientations // *Studies in Machiavellianism* / Ed. by R. Christie, F. Geis. New York: Academic Press, 1970. P. 359–387.
- Moore et al. 2012 — *Moore C., Detert J. R., Treviño L. K., Baker V. L., Mayer D. M.* Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior // *Personnel Psychology*. Vol. 65. No. 1. 2012. P. 1–48.

ASPECTS OF HOW A MORAL CONSCIOUSNESS FUNCTIONS WHEN THERE IS THE POSSIBILITY OF PERPETRATING AN ILLICIT ACT

Migun, Yulia P.

PhD Student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: uliamig@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study that show aspects of how a moral consciousness functions under two conditions: admitting the possibility of perpetrating an illicit act and excluding such a possibility. Here, the moral consciousness is operationalized by the mechanisms of moral disengagement, stages of moral development (according to Lawrence Kohlberg). The connection between moral consciousness and Machiavellianism and psychopathy was also analyzed. The results show the difference in how a system of moral consciousness functions when there is a possibility of perpetrating an illicit act and when such a possibility does not exist.

Keywords: moral consciousness, mechanisms of moral disengagement, illicit acts, Machiavellianism

References

- Bandura, A. (1990). Mechanisms of moral disengagement. In W. Reich (Ed.). *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, and states of mind*, 161–191. [Washington, D.C.]: Woodrow Wilson International Center for Scholars.
- Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G. V., Pastorelli, C. (1996). Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 364–374.
- Beck, A.T. (1976). *Cognitive therapy and emotional disorders*. New York: International Universities Press.
- Christie, R., Lehman, S. (1970). The structure of Machiavellian orientations. In R. Christie, F. Geis (Eds.). *Studies in Machiavellianism*, 359–387. New York: Academic Press.
- Dutton, K. (2014). *Mudrost' psikhopatov* [Transl. from Dutton, K. (2012). *The wisdom of psychopaths: What saints, spies, and serial killers can teach us about success*. New York: Scientific American; Farrar, Straus and Giroux], St. Petersburg: Piter. (In Russian).
- Egorova, M. S. (2009). Machiavellizm v strukture lichnostnykh svoistv [*Machiavellianism in the structure of personal qualities*]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Perm State Pedagogical University]. Ser. 10: *Differentsial'naya psikhologiya* [Differential psychology], 2009(1/2), 65–80. (In Russian).
- Kil, K. A. (2015). *Psikhopat. Dostovernyi rasskaz o lyudiakh bez zhalosti, bez sovesti, bez raskaniia* [Transl. from Kiehl K. A. (2014). *The psychopath whisperer: Inside the minds of those without a conscience*. Danvers: Crown], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Kornilova, T. V., Chigrinova, I. A. (2012). Stadii individual'noi morali i priniatie neopredelennosti v regulatsii lichnostnykh vyborov [Stages of individual morality and acceptance of ambiguity in regulation of personal choices]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 33(2), 69–87.
- Moore, C., Detert, J. R., Treviño, L. K., Baker, V. L., Mayer, D. M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48.
- Saiks [Sykes], G., Matza, D. (1966). Metod neutralizatsii. Teoriia delinkventnosti [Transl. from Sykes, G., Matza, D. (1957). Techniques of neutralization: A theory of delinquency. *American Sociological Review*, 22(6), 664–670]. In B. S. Nikiforov (Ed.). *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii): Sbornik statei* [Sociology of Crime (Modern bourgeois theories): Collection of articles], 322–333. Moscow: Progress. (In Russian).
- Znakov, V. V. (2000). Machiavellizm: Psikhologicheskoe svoistvo lichnosti i metodika ego issledovaniia [*Machiavellianism: A psychological aspect of personality and the apparatus for studying it*]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 21(5), 16–22. (In Russian).
- MIGUN, YU. P. (2017). ASPECTS OF HOW A MORAL CONSCIOUSNESS FUNCTIONS WHEN THERE IS THE POSSIBILITY OF PERPETRATING AN ILLICIT ACT. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 40–48

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОНЦЕПТА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье описывается история развития представлений о неопределенности, приводится классификация ее типов и основных подходов к пониманию неопределенности в контексте проблемы принятия решений. В частности, описываются подходы, в которых неопределенность выступает либо параметром ситуации, либо переживанием, детерминированным личностными характеристиками. Обсуждаются вопрос построения ментальной репрезентации неопределенности и возможная роль языковых средств в этом процессе.

Ключевые слова: неопределенность, типы неопределенности, концептуальная метафора неопределенности, ментальная репрезентация неопределенности

Всякий выбор или проблемная ситуация обладают неопределенностью как неотъемлемой характеристикой, которая подразумевает множество возможных вариантов исхода или путей достижения результата. Без ее объяснения невозможно построить экологичные модели процесса принятия решений, но моделирование или попытки концептуализации неопределенности сами по себе являются непростой задачей. На данный момент мы можем говорить о сформировавшемся тренде в понимании проблемы, заключающемся в постепенном смещении внимания от неопределенности как характеристики проблемной ситуации к неопределенности как субъективному переживанию ситуации принятия решения.

Количество точек зрения и подходов к пониманию неопределенности в различных областях знания с большим трудом поддается даже простому перечислению. Но так или иначе все они пытаются отразить процесс субъект-объектного взаимодействия, в котором неопределенность может пониматься как свойство объекта, как условие взаимодействия объекта и субъекта, как особенность субъективного восприятия либо как особенность взаимодействия новых знаний с наличным знанием [Дорожкин, Соколова 2015].

В данной статье мы делаем попытку проследить историю развития представлений о неопределенности, классифицировать их, а также описать основные современные подходы к пониманию данного концепта.

Вероятностные подходы к пониманию неопределенности

Появление первой классификации неопределенности связано с именем В. Гейзенберга, предложившего понятие онтологической неопределенности как объективного свойства макромира, которое противопоставлялось неопределенности гносеологической (когнитивной, познавательной) — субъективной, укорененной в ограниченности человеческого познания и отражающей форму развивающегося неполного знания, неоднозначность поисковых путей [Дорожкин, Доронин 2012].

Представления об объективном характере неопределенности нашли дальнейшее развитие в статистической теории вероятности, в которой неопределенность противопоставлялась информации как всеобщему свойству материи, мере снижения или снятия неопределенности и описывалась в терминах вероятности наступления события — некой величины, вокруг которой может колебаться частота возможных исходов. Данный подход, а именно его классический вариант, предполагает зависимость меры неопределенности от увеличения количества возможных исходов и возможность абсолютных значений на шкале неопределенности / определенности, где минимальное соответствует множеству из одного возможного исхода, а максимальное — множеству из бесконечного количества исходов [Урсул 2010].

Помимо связи объективной неопределенности и информации следует также отметить применение категории объективной неопределенности в моделировании рисков в области экономики, где она также выступает как параметр, который возможно изменять и варьировать. Здесь проблема неопределенности изучается уже непосредственно в контексте принятия решений — когда стремятся, с одной стороны, предсказать результат принятия решения в условиях стохастического характера будущего, а с другой — оценить риск каждой из возможных альтернатив, найти наиболее благоразумную из них [Диев 2015]. Следует отметить, что риск в данном случае может пониматься как механизм, задающий неопределенность посредством оценки не только вероятности реализации события, но и его значимости по отношению к принимаемому решению лицу. В начальном варианте постановки проблемы значимость исходов измерялась в материальном эквиваленте (зачастую — денежном), но после того как в 1738 г. Д. Бернулли опубликовал статью, в которой излагался обнаруженный им парадокс принципа назначения цены игры в соответствии со средним выигрышем, речь стала идти об относительной ценности, т. е. полезности [Там же].

Однако представление об объективном характере неопределенности не исключает и активную роль субъекта, которую, в частности, подчеркивает П. Бернстайн, вводя термин *управление риском*: «сущность управления риском состоит в максимизации набора обстоятельств, которые мы можем контролировать, и минимизации набора обстоятельств, контролировать которые нам не удастся и в рамках которых связь причины и следствия от нас скрыта»

[Бернштейн 2008: 215]. Следует обратить внимание, что и в данном контексте неопределенность опять-таки выступает как параметр ситуации, который поддается количественной оценке и может быть спрогнозирован.

Понимание неопределенности как количественной величины неизбежно сталкивается с проблемой ее измеримости и далее — с необходимостью обладания полным знанием о всех возможных исходах и возможности их соотнесения друг с другом. В случае, когда эти условия не соблюдаются, предсказание исходов оказывается невозможным, а термин *риск* неприменим [Найт 1994]. В подобных случаях, когда вероятности не могут быть оценены или субъект не знает об условиях ситуации, значимых для принятия решения, уместно говорить о неопределенности в уверенности наступления события, которая уже носит качественный характер и предполагает невозможность категоризации риска [Солнцева, Смолян 2009].

Количественный и качественный подходы к пониманию неопределенности нашли отражение в предложенных Г. Саймоном нормативном и дескриптивном подходах к принятию решения. В рамках нормативного подхода автор обобщил представления о человеке как рационально мыслящем существе, руководствующемся в решениях логикой, представлениями о целесообразности и получением максимальной выгоды. Задача этого подхода состояла в понимании данного процесса в целях предсказания поведения человека в заданных ситуациях. В то же время Саймон признавал принципиальную ограниченность мощностей человеческого познания (основной тезис предложенной им концепции *ограниченной рациональности*) и говорил о том, что человек рационален лишь отчасти и эмоционален либо иррационален в остальных ситуациях, что приводит к предпочтению наиболее приемлемого варианта из первых попавшихся [Саймон 1993]. Последний тезис о предпочтении наиболее приемлемого результата отражает вынужденность человека ориентироваться в условиях заведомо неполной информации либо в плохо структурированных ситуациях, т. е. в ситуациях невозможности оценить риски, найти и оценить вероятность наступления «наилучшего исхода». В такого рода ситуациях, когда неопределенность является качественной и человек оказывается вынужденным принимать решения на основе собственного опыта или интуиции, более уместным оказывается дескриптивный подход, направленный на описание и объяснение реального поведения людей.

Как наиболее известную теорию в рамках нормативного подхода можно отметить теорию перспектив Д. Канемана и А. Тверски. Неопределенность в ней также понимается как объективная характеристика ситуации, поддающаяся оценке с помощью теории вероятности, статистических методов. В результате своих исследований авторы приходят к необходимости введения понятия *субъективная вероятность*, которое, с одной стороны, отражает искаженные представления людей о законах случайности, не являющихся для них интуитивно очевидными или удобными, и с другой — приводит к использованию упрощенных правил (эвристик), зачастую приводящих к серьезным систематическим ошибкам [Канеман и др. 2005].

Как пример в рамках дескриптивного подхода стоит рассмотреть теорию «черного лебедя» Н. Талеба, автор которой обращает внимание на редкие, значительные и предсказуемые только ретроспективно события. Талеб указывает

на характерную для современного человека переоценку рационального толкования статистики, вследствие чего человек рассматривает мир как регулярное по структуре явление и оказывается беззащитен перед нерегулярными явлениями, в силу своей непредсказуемости зачастую принимающими катастрофический характер [Тaleb 2013].

На данный момент тезис о том, что человек осуществляет выбор иначе, чем ожидают от него нормативные или рациональные теории, не подвергается сомнению. Также не ограничивается рамками рационального и его мышление, что, в частности, отмечал М. Полани, говоря о «личностном знании» — своеобразном комплексе ощущений и интуиций ученого, который может быть формализован только отчасти [Полани 1998]. К схожим выводам приходил Д. Канеман, отмечая возможность существования интуитивного и контролируемого познания, различающихся по скорости и автоматизированности/обдуманности принятия решений [Kahneman 2002].

Личностно-детерминированные подходы к пониманию проблемы неопределенности

Подобного рода «безличные» модели, рассматривающие феноменологию преодоления неопределенности в рамках исследования структуры процесса и оставляющие вне поля зрения динамический характер психики и роль личности, имеют свои недостатки. Концепции принятия решений, сводящие их к рациональным решениям, не могут учесть существенную роль личности, личностных особенностей [Козелецкий 1979], что обуславливает актуальность анализа динамически складывающихся иерархий регулятивных процессов [Корнилова 2014]. Поиск исчерпывающего алгоритма, позволяющего предсказать решение, уступает место пониманию процесса саморегуляции личности, выражающегося, в том числе, в построении ментальной репрезентации ситуации, применении личностно-детерминированных критериев выбора для преодоления неопределенности. Важно отметить, что речь в данном случае ведется о неопределенности субъективной, т. е. неуверенности [Grenier et al. 2005; Корнилова 2014].

Взятую в контексте субъект-объектного взаимодействия, неопределенность нельзя назвать ни онтологической, ни гносеологической [Дорожкин, Соколова 2015]. Как отмечает Т. В. Корнилова, «человек как субъект и автор своего решения обязательно добавляет в ситуацию неопределенности нечто, что не существует в ней самой <...> личность не только осмысливает, но и переживает ситуацию выбора» [Корнилова 2014]. Однако сложившийся стереотип примата интеллекта над эмоциональной составляющей личности вопреки уже ставшему аксиоматическим единству интеллекта и аффекта (Л. С. Выготский) способен существенно исказить смысл этих слов. Читая «осмысливать» и «переживать» в отношении ситуации выбора, мы можем представить себе действие, внешнее по отношению к личности, вынужденное по отношению к объекту, однако в этом случае нарушается принцип единства субъекта и объекта. В действительности же речь идет о с о с т о я н и и субъекта, с о д е р ж а щ е м в себе репрезентацию объекта познания как неотъемлемую составляющую.

Таким образом, говоря о принятии решения или осуществлении выбора, мы всегда имеем в виду не решение конкретной задачи и переживание сопутствующих этому эмоций, а процесс примирения с самим собой, разрешения внутриличностного противоречия и избегание сомнений (т. е. снижение неопределенности), связанных с текущей репрезентацией ситуации. Как отмечает Е. П. Белинская, в ситуации информационной неопределенности человек начинает больше опираться на личностные диспозиции, относящиеся по большей части к кругу мотивационно-потребностных состояний и особенностей когнитивной сферы субъекта [Белинская 2015]. Но качество таких личностно-детерминированных решений может существенно различаться и зависеть от ситуативного контекста. В случае, когда ситуация воспринимается как вызов, будет создаваться целевой контекст преодоления; если же актуализируется чувство угрозы, может создаваться целевой контекст избегания [Чумакова 2013а]. Так или иначе, субъективное отношение к ситуации, ее репрезентация и переживание играют существенную роль в организации процесса принятия решения или осуществления выбора.

Субъективное знание или переживание основываются на индивидуальных особенностях познания, что не исключает заблуждения относительно объекта познания, его неадекватного отражения [Дорожкин, Соколова 2015]. Именно в ошибках отражения объекта субъектом, отсутствия у субъекта целостной картины ситуации или ее контекста заключается ситуация неопределенности, которая, таким образом, может включать внешнюю и внутреннюю стороны [Лихачева 2010]. Субъективная неопределенность может быть следствием интерпретации информации о ситуации, хранящейся в неэксплицированном, неструктурированном и неконцептуализированном виде [Мишина 1991], она может заключаться в особенностях интерпретации событий, в разнице между отраженным миром и действительностью, в неполноте информации [Ахапкин 2008]. В то же время неопределенность может рассматриваться в связи с риском и невозможностью выбора стратегий поведения. В такой интерпретации уместно говорить о ней в контексте проблемы саморегуляции — невозможности осуществить действие в силу неизвестности, непрогнозируемости, отсутствия адекватного знания о мире и ориентиров в поведении [Самыгин 2008].

На взаимосвязь неопределенности и процессов саморегуляции указывает Е. Т. Соколова, отмечая, что неопределенность и двусмысленность принципов организации социальных взаимодействий в современном обществе «существенно затрудняют возможности персонального выбора», а завышенные социальные требования оказываются «невыносимо стрессогенными» [Соколова 2009]. Указывая на важность переживаний субъективной неопределенности, она предлагает три пути к их изучению посредством 1) оценки специфики проецируемого содержания тревоги; 2) оценки психологических защит; 3) изучения самоидентичности. На основе выделенных критериев, как предполагает Соколова, возможно определить, в какой степени личность способна справиться с хаосом культурной и социальной неопределенности [Соколова 2012].

Кроме того, Соколова описывает пять типов переживания субъективной неопределенности, которая может служить надежным маркером продуктивности самоконтроля и саморегуляции, устойчивости «я» в норме и маркером

их нарушения при психических заболеваниях: 1) персекуторная тревога, ассоциируемая с безграничностью, бесформенностью и угрожающая целостности «я»; 2) страх новизны и предпочтение предсказуемости как следствие переживания амбивалентности, двусмысленности, многозначности, грозящие потерей самоконтроля и постоянством «я»; 3) непереносимость неопределенности как ответственности, сопряженной с любой ситуацией принятия решения или осуществления выбора, приводящая к нивелированию собственного «я», крайнему конформизму; 4) маниакальное «опьянение неопределенностью» как следствие нарциссических переживаний всемогущества и вседозволенности, отсутствия всяких норм и границ; 5) творческое и осмысленное преобразование ситуации, связанное с переживанием любопытства и азарта, сопровождаемое самоактуализацией и саморазвитием личности [Соколова 2012].

В соотношении с конструктом саморегуляции феномен неопределенности изучала Т. В. Корнилова. В ее представлении неопределенность может быть показана как незаданность иерархий процессов, фокусируемых динамическими регулятивными системами [Корнилова 2005; 2013]. Автор отмечает, что субъективная неопределенность может генерироваться посредством внутренних факторов, к которым следует относить неполноту ориентировки, вызванную искаженной когнитивной репрезентацией, диспозиционные факторы работы с собственной системой переживаний, влияющие как на образ ситуации, так и на актуалгенез решений [Корнилова 2015].

В контексте выдвигаемого Т. В. Корниловой «принципа неопределенности» рассматриваются механизмы преобразования объективно заданной в ситуации неопределенности в субъективную. К объективным компонентам ситуации неопределенности можно отнести ее «онтологический» источник, представленный мало зависимыми от субъекта внешними обстоятельствами, действиями других людей по отношению к субъекту, а также изначальную незаданность внутренних критериев и регуляционных образований, необходимых для разрешения неопределенной ситуации [Корнилова 2005]. Неопределенность субъективная, в свою очередь, может рассматриваться как результат решения когнитивной задачи по конструированию образа ситуации на основе восприятия и оценки «объективных» источников неопределенности, результатом чего является формирование отношения к неопределенной ситуации как угрожающей, нейтральной или благоприятствующей достижению цели [Чумакова 2010; Grenier et al. 2005; Greco, Roger 2001].

Кроме того, разница оценки неопределенности может быть связана с личностными особенностями, установками, убеждениями, релевантным опытом, а сочетание субъективного образа источника неопределенности с его оценкой приводит к созданию целевого контекста взаимодействия и реализации стратегий снижения, избегания, принятия, стремления или преодоления неопределенности [Корнилова и др. 2010; Чумакова 2010].

Стоит отметить, что в рамках концепции толерантности/интолерантности существенную важность приобретает выделение профилей отношения к неопределенности, а также предпосылки к их формированию [Chumakova, Kornilov 2013] в тесной связи с представлениями о мотивационной иерархии как основе регуляции человеком своего поведения посредством активного целеполагания [Чумакова 2013b].

Неопределенность как концептуальная метафора

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение лингвистических исследований проблемы неопределенности в контексте картины или образа мира. Объектом этих исследований являются семантические доминанты, закодированные в семантической структуре языка и объясняемые как фундаментальные идеи или концепты, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации, пониженной степенью коммуникативной осознаваемости [Вежицкая 1996]. По сути, эти семантические доминанты представляют собой своего рода «коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 350].

К таким фундаментальным идеям русской языковой картины мира (ЯКМ) можно отнести «эмоциональность» и «неконтролируемость» [Вежицкая 1996], «неопределенность» [Арутюнова 1995; Падучева 1996], «непричастность к ходу событий» или неагентность [Wierzbicka 1992; Зализняк, Левонтина 1996], детализированное видение процесса [Волохина, Попова 1993] и т. п.

Как отмечает Е. В. Падучева [Падучева 1996], в русской ЯКМ неопределенность связана с субъектом, что обуславливает необходимость выявления и экспликации его семантической роли. Она же выделяет подробную разработанность соответствующей сферы и частичное семантическое обесценивание как два аспекта семантики неопределенности, характеризующие ее как семантическую доминанту русской ЯКМ.

В рамках обсуждения первого аспекта речь идет об употреблении неопределенных местоимений трех типов: 1) нереферентных (*кто-нибудь, какой-нибудь*), 2) собственно неопределенных (*какой-то, кто-то*) и 3) слабоопределенных (*кое-какой, один, некоторые*) [Падучева 1985]; пропозициональных установок, выражающих неуверенность, неясность, сомнение (*должно быть, или, что ли, чуть ли не* и т. п.). В рамках обсуждения второго аспекта упоминаются особенности перевода на другие языки, в ходе чего специфические семантические доминанты языка-оригинала зачастую попросту опускаются [Падучева 1996].

В славянских языках особой значимостью обладает концепт «временной границы или временного предела ситуации», реализуемый в семантической оппозиции предельности/непредельности [Петрухина 2003]; завершение одного действия или состояния означает начало другого (ср. *замолчать* ‘перестать говорить’ и ‘начать молчать’), таким образом, идея границы между двумя смежными во времени ситуациями получила грамматическую категоризацию в глагольном виде [Арутюнова 2002].

Представления о ЯКМ, в свою очередь, перекликаются с понятием концептуальной метафоры. Метафора представляет собой концепт, фиксирующий информационно значимую связь между объектами на основе общего организующего принципа [Решетникова 2011], основную ментальную операцию как способ категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира, с помощью которых человек не только выражает свои мысли, но и познает мир, мыслит [Будаев, Чудинов 2013]. Посредством метафор язык навязывает способ интерпретации информации об окружающем мире, существенным свойством которого является антропометричность, т. е. использование понятных для восприятия образов и символов [Телия 1988].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 1990], в формировании метафоры важную роль играет опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, в частности, физический опыт, категоризирующий действительность в виде простых когнитивных «схем-образов». Примерами таких метафорических моделей (универсальных) могут служить пространственные отношения [Решетникова 2011; Костюшкина 2006], связанные с теорией телесного разума [Zinken 2003], представления о времени, сущности, субстанции, каналах связи, сражении [Хахалова 1998].

* * *

На современном этапе неопределенность понимается либо как неотъемлемое свойство проблемной ситуации, связанной с принятием решения, либо как переживание субъекта, оказавшегося в данной ситуации. В обоих случаях речь идет об особенностях построения репрезентации проблемной ситуации, т. е. об акте субъект-объектного взаимодействия, однако в каждом из них акценты ставятся по-разному.

Как атрибут ситуации неопределенность представляется результатом воздействия многих объективных параметров ситуации на субъекта, снижающим его способность к принятию решения. В данном контексте неопределенность является величиной, измеримой настолько, насколько возможно проконтролировать объективные параметры ситуации, а роль субъекта либо игнорируется, либо задается посредством формирующихся у него правил принятия решений (эвристик), упрощающих ситуацию в соответствии с наивным опытом.

Как переживание ситуации принятия решения неопределенность выражается через сомнения субъекта относительно реализации одного из многих вариантов действий. В данном случае источником сомнений могут выступать не только характеристики проблемы, но и индивидуально-психологические особенности личности, определяющие отличия качественной оценки ситуации (как потенциальной угрозы, шанса и т. п.), особенности ее саморегуляции, направленной на реализацию конкретного выбора.

Однако роль некоторых факторов, связанных с построением репрезентации неопределенности, еще только предстоит изучить. К их числу следует отнести метафоризацию неопределенности как феномена посредством доступных языковых средств, происходящую, с одной стороны, на культурно-специфическом уровне, с другой — на индивидуальном. Формирующаяся таким образом когнитивная модель, будучи интегрированной в концептуальную (языковую) модель мира, навязывает субъекту способ репрезентации неопределенности, тем самым обуславливая доступные ему способы мышления и варианты действий.

Литература

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1995.
- Арутюнова 1995 — *Арутюнова Н. Д.* Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995.
- Арутюнова 2002 — *Арутюнова Н. Д.* Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002.

- Ахапкин 2008 — Ахапкин Ю. К. Интерпретация социально-гуманистической информации в условиях неопределенности: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
- Белинская 2014 — Белинская Е. П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. Т. 7. № 36. 2014. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html>.
- Бернштейн 2008 — Бернштейн П. Л. Против богов: Укрощение риска / Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008.
- Будаев, Чудинов 2013 — Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1. С. 6–13.
- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. и отв. ред. М. А. Кронгауз; Вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Рус. словари, 1996.
- Волохина, Попова 1993 — Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.
- Диев 2015 — Диев В. С. «Принятие решений» как междисциплинарная сфера исследований: генезис и тенденции развития // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. Т. 9. Вып. 2. 2015. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprov_t_e-ast9-2.2015.21.pdf.
- Дорожкин, Доронин 2012 — Дорожкин А. М., Доронин Д. Ю. Гносеологическая неопределенность в научной и мифологической рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1(3). С. 35–46.
- Дорожкин, Соколова 2015 — Дорожкин А. М., Соколова О. И. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5–11.
- Зализняк, Левонтина 1996 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение русского национального характера в лексике русского языка (Размышления по поводу книги А. Wierzbicka. Semantics, Culture and Cognition. Universal human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. Vol. 20. No. 2–3. 1996. P. 237–264.
- Канеман и др. 2005 — Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Харьков: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.
- Козелецкий 1979 — Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Корнилова 2005 — Корнилова Т. В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. Т. 26. № 1. 2005. С. 7–17.
- Корнилова 2013 — Корнилова Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. Т. 34. № 3. 2013. С. 89–100.
- Корнилова 2014 — Корнилова Т. В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора // Психологические исследования. Т. 7. № 36. 2014. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1013-kornilova36.html>.
- Корнилова 2015 — Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. Т. 8. № 40. 2015. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>.
- Корнилова и др. 2010 — Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
- Костюшкина 2006 — Костюшкина Г. М. Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006.

- Лакофф, Джонсон 1990 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Лихачева 2010 — *Лихачева Е. Ю.* Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2010. № 3. С. 3–32.
- Мишина 1991 — *Мишина Н. В.* Генетические основания и логические формы выражения неопределенности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991.
- Найт 1994 — *Найт Ф.* Понятия риска и неопределенности // THESIS. Вып. 5: Риск, неопределенность, случайность. 1994. С. 12–28.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: Problemi di morfosintassi delle lingue slave.* Padova: Unipress, 1996. 163–186.
- Петрухина 2003 — *Петрухина Е. В.* Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: Сб. докладов. Т. 1. СПб.: Политехника, 2003. С. 426–433.
- Полани 1998 — *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. Благовещенск: Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1998.
- Решетникова 2011 — *Решетникова Е. В.* Гносеологическая ценность метафоры // Ценности и смыслы. 2011. № 5(14). С. 89–100.
- Саймон 1993 — *Саймон Г. А.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. Вып. 3: Мир человека. 1993. С. 16–38.
- Самыгин 2008 — *Самыгин П. С.* Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: Дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
- Соколова 2009 — *Соколова Е. Т.* Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
- Соколова 2012 — *Соколова Е. Т.* Культурно-историческая и клиничко-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2012. № 2. С. 37–48.
- Солнцева, Смолян 2009 — *Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л.* Принятие решений в ситуации неопределенности и риска (психологический аспект) // Труды Института системного анализа РАН. Т. 41. 2009. С. 266–280.
- Талёб 2013 — *Талёб Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2013.
- Телия 1988 — *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
- Урсул 2010 — *Урсул А. Д.* Природа информации: философский очерк. Челябинск: ЧГАКИ, 2010.
- Хахалова 1998 — *Хахалова С. А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 1998.
- Чумакова 2010 — *Чумакова М. А.* Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 83–93.

- Чумакова 2013a — Чумакова М. А. Индивидуальные различия в формировании отношения к ситуации неопределенности // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): Материалы Всерос. науч. конф. (с иностр. участием). Москва, 30 мая — 1 июня 2013 г. / Отв. ред. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 212–214.
- Чумакова 2013b — Чумакова М. А. Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. Т. 34. № 3. 2013. С. 119–125.
- Chumakova, Kornilov 2013 — Chumakova M. A., Kornilov S. A. Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles // Psychology in Russia: State of the art. Vol. 6. No. 4. 2013. P. 94–108.
- Greco, Roger 2001 — Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure // Personality and Individual Differences. Vol. 31. No. 4. 2001. P. 519–534.
- Grenier et al. 2005 — Grenier S., Barrette A.-M., Ladouceur R. Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: Similarities and differences // Personality and Individual Differences. Vol. 39. No. 3. 2005. P. 593–600.
- Kahneman 2002 — Kahneman D. Maps of bounded rationality: A perspective on intuitive judgment and choice: [Nobel] Prize Lecture, December 8, 2002 // Nobelprize.org. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahnemann-lecture.pdf.
- Wierzbicka 1992 — Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1992.
- Zinken 2003 — Zinken J. Ideological imagination: Intertextual and correlational metaphors in political discourse // Discourse and Society. Vol. 14. No. 4. 2003. P. 507–523.

CURRENT APPROACHES TO THE CONCEPT OF AMBIGUITY

Karabanov, Artem P.

PhD Student, Lecturer,

L. S. Vygotsky Institute for Psychology,

Russian State University for the Humanities

Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6

Tel. +7 (499) 250-66-44

E-mail: pacaraban01@gmail.com

Abstract. The paper reports on the evolution of the concept of ambiguity, and presents a classification of its various types and of the main approaches to the problem of ambiguity within the context of the decision-making problem. In particular, two main approaches are described: the first emphasizes ambiguity as an attribute of a situation, while the second claims that ambiguity is a personality-determined emotional experience. The problem of constructing a mental representation of ambiguity and the possible role of language in this process are also considered.

Keywords: ambiguity, ambiguity types, conceptual metaphor for ambiguity, mental representation of ambiguity

References

- Akhapkin, Iu. K. (2008). *Interpretatsiia sotsial'no-gumanisticheskoi informatsii v usloviakh neopredelennosti* [Interpretation of social-humanistic information in conditions of uncertainty]. Dissertation for the degree of Candidate of Sociology. Moscow. (In Russian).
- Apresian, Iu. D. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2: *Integral'noe opisaniie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Integral description of language and systemic lexicography]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Arutiunova, N. D. (1995). *Logicheskii analiz iazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i iazyke* [Logical analysis of language. The truth and truthfulness in culture and language]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Arutiunova, N. D. (2002). *Logicheskii analiz iazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. The semantics of the beginning and the end]. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Belinskaia, E. P. (2014). Neopredelennost' kak kategoriia sovremennoi sotsial'noi psikhologii lichnosti [Uncertainty as a category of modern social psychology of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological research], 7(36). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html>. (In Russian).
- Bernstein, P. L. (2008). *Protiv bogov: Ukroshchenie riska* [Transl. from Bernstein, P. L. (1996). *Against the gods: The remarkable story of risk*. New York: John Wiley & Sons.]. Moscow: ZAO "Olimp-Biznes". (In Russian).
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2013). Kognitivnaia teoriia metafory: novye gorizonty [Cognitive theory of metaphor: New horizons]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Ural Federal University]. Ser. 1: *Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury* [Problems of education, science and culture]. 2013(1), 6–13. (In Russian).
- Chumakova, M. A. (2010). Intellektual'no-lichnostnaia reguliatsiia v reshenii zadach na konstruirovaniie [Intellectual and personality regulation in solving constructing problems tasks]. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology], 2010 (4), 83–93. (In Russian).
- Chumakova, M. A. (2013a). Individual'nye razlichii v formirovanii otnosheniia k situatsii neopredelennosti [Individual differences in shaping attitudes toward a situation of uncertainty]. In P. Zinchenko, A. E. Voiskunskii, T. V. Kornilova (Eds.). *Idei O.K. Tikhomirova i A.V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psikhologii (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s inostrannym uchastiem)*. Moskva, 30 maia — 1 iunია 2013 g. [O. K. Tikhomirov's and A.V. Brushlinskii's ideas and fundamental psychological issues (towards the 80th anniversary). Proceedings of the All-Russian Conference (with foreign participation). Moscow, 2013, May 30 — June 1], 212–214. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova (In Russian).
- Chumakova, M. A. (2013b). Lichnostnaia reguliatsiia ratsional'nogo vybora: razvitie idei edinstva intellekta i affekta [Personality regulation of rational choice: developing the idea of the unity of intellect and affect]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 34(3), 119–125. (In Russian).
- Chumakova, M. A., Kornilov, S. A. (2013). Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(4), 94–108.
- Diev, V. S. (2015). "Priniatie resheni" kak mezhdistsiplinarnaia sfera issledovaniia: genezis i tendentsii razvitiia ["Decision making" as a interdisciplinary field of research: genesis and development trends]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia* [Electronic scientific publication Almanac "Space and Time"], 9(2). Retrieved from http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.21.pdf. (In Russian).

- Dorozhkin, A. M., Doronin, D. Iu. (2012). Gnoseologicheskaja neopredelennost' v nauchnoi i mitologicheskoi ratsional'nosti [Gnoseological uncertainty in scientific and mythological rationality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012(1(3)), 35–46. (In Russian).
- Dorozhkin, A. M., Sokolova, O. I. (2012). Poniatie “neopredelennost'” v sovremennoi nauke i filosofii [The concept of “uncertainty” in contemporary science and philosophy]. *Vestnik Viat'skogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University of Humanities], 2012(12), 5–11. (In Russian).
- Greco, V., Roger, D. (2001). Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences*, 31(4), 519–534.
- Grenier, S., Barrette, A.-M., Ladouceur, R. (2005). Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39(3), 593–600.
- Kahneman, D. (2002). Maps of bounded rationality: A perspective on intuitive judgment and choice: [Nobel] Prize Lecture, December 8, 2002. Retrieved from http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahnemann-lecture.pdf.
- Kaneman, D., Slovic, P., Tverskii, A. (2005). *Priniatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i predubezhdения* [Transl. from Kahneman, D., Slovic, P., Tversky, A. (2001). *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge Univ. Press]. Kharkov: Institut prikladnoi psikhologii “Gumanitarnyi Tsentr”. (In Russian).
- Khakhalova, S. A. (1998). *Metafora v aspektakh iazyka, myshleniia i kul'tury* [Linguistic, thinking and cultural aspects of metaphor]. Irkutsk: IGLU. (In Russian).
- Kornilova, T. V. (2005). Metodologicheskie problemy psikhologii priniatiia reshenii [Methodological problems of the psychology of decision-making]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 26(1), 7–17. (In Russian).
- Kornilova, T. V. (2013). Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi reguliatsii reshenii i vyborov [Psychology of uncertainty: The unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 34(3), 89–100. (In Russian).
- Kornilova, T. V. (2014). Perspektivy dinamicheskoi paradigmy v psikhologii vybora [Prospects of dynamic paradigm in decision making psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 7(36). Retrieved from <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1013-kornilova36.html>. (In Russian).
- Kornilova, T. V. (2015). Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska [Uncertainty principle in decision-making and risk psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological research], 8(40). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>. (In Russian).
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: The unity of intellectual and personal human potential]. Moscow: Smysl. (In Russian).
- Kostiushkina, G. M. (2006). *Kontseptualizatsiia i kategorizatsiia v iazyke* [Conceptualization and categorization in language]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGLU. (In Russian).
- Kozeletskii, Iu. (1979). *Psikhologicheskaja teoriia reshenii* [Psychological decision theory]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (1990). Metafori, kotorymi my zhivem [Transl. from Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*, Chapters 1–6. Chicago: Univ. of Chicago Press]. In N. D. Arutiunova, M. A. Zhurinskaia (Eds.). *Teoriia metafory* [Theory of metaphor], 387–415. Moscow: Progress. (In Russian).

- Likhacheva, E. Iu. (2010). Smysloobrazovanie kak mekhanizm preodoleniia neopredelennosti (na materiale imitatsionnykh igr) [Sense creation as a mechanism for overcoming uncertainty (based on material from imitation games)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. Ser. Psikhologicheskie nauki [Psychological science], 2010(3), 22–32. (In Russian).
- Mishina, N. V. (1991). *Geneticheskie osnovaniia i logicheskie formy vyrazheniia neopredelennosti* [Genetic basis and logical forms of expression of the uncertainty]. Dissertation for the degree of Candidate in Philosophy. Moscow. (In Russian).
- Nait, F. (1994). Poniatii riska i neopredelennosti [Transl. from Knight, F. H. (1921). The meaning of risk and uncertainty. In F. Knight. *Risk, uncertainty, and profit*, 210–235. Boston: Houghton Mifflin Co.]. *THESIS, 5: Risk, neopredelennost', sluchainost'* [Risk, uncertainty, randomness], 12–28. (In Russian).
- Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu* [Utterance and its relation to reality]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Paducheva, E. V. (1996). Neopredelennost' kak semanticheskaiia dominanta russkoi iazykovoi kartiny mira [Indeterminacy as a semantic dominant feature in the Russian linguistic worldview]. *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: Problemi di morfosintassi delle lingue slave*, 163–186. Padova: Unipress. (In Russian).
- Petrukhina, E. V. (2003). Dominantnye cherty russkoi iazykovoi kartiny mira (v sravnenii s cheshskoi) [Dominant features of the Russian linguistic worldview (in comparison with the Czech one)]. In *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture: Materialy X Kongressa MAPRIAL. Sankt-Peterburg, 30 iunია — 5 iulia 2003 g. Plenarnye zasedaniia: Sbornik dokladov*. [Russian word in world culture: Proceedings of the X MAPRYAL Congress. St. Petersburg, 2003, June 30 — July 5. Plenary sessions: Collection of papers], (Vol. 1), 426–433. St. Petersburg: Politekhnik. (In Russian).
- Polani, M. (1998). *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoi filosofii* [Transl. from Polanyi, M. (1958). *Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy*. Chicago: Univ. of Chicago Press]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene. (In Russian).
- Reshetnikova, E. V. (2011). Gnoseologicheskaiia tsennost' metafory [Gnoseological value of a metaphor]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 2011(5(14)), 89–100. (In Russian).
- Saimon, G. A. (1993). Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniia [Transl. from Simon, H. (1978). Rationality as the process and the product of thought. *American Economic Review*, 68(2), 1–16]. *THESIS, 3: Mir cheloveka* [World of the human being], 16–38. (In Russian).
- Samygin, P. S. (2008). *Pravovaia sotsializatsiia uchashcheisiiia molodezhi v usloviakh sotsial'noi neopredelennosti rossiiskogo obshchestva* [Legal socialization of studying youth in conditions of social uncertainty of Russian society]. Dissertation of the Doctor of Sociology. Rostov-na-Donu. (In Russian).
- Sokolova, E. T. (2009). Nartsissizm kak klinicheskii i sotsiokul'turnyi fenomen [Narcissism as a clinical and cultural phenomenon]. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology], 2009(1), 67–80. (In Russian).
- Sokolova, E. T. (2012). Kul'turno-istoricheskaiia i kliniko-psikhologicheskaiia perspektiva issledovaniia fenomenov sub'ektivnoi neopredelennosti [Cultural, historical and clinical-psychological prospect of the subjective uncertainty phenomena research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2012(2), 37–48. (In Russian).
- Solntseva, G. N., Smolian, G. L. (2009). Priniatie reshenii v situatsii neopredelennosti i riska (psikhologicheskii aspekt) [Decision-making in risky and ambiguous situations (psychological aspect)]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN* [Proceedings of the Institute of System Analysis, RAS], 41, 266–280. (In Russian).

- Taleb, N. N. (2013). *Chernyi lebed' . Pod znakom nepredskazuemosti* [Transl. from Taleb, N. N. (2007). *Black swan: The impact of the highly improbable*. New York: Random House]. Moscow: KoLibri. (In Russian).
- Teliia, V. N. (1988). Metaforizatsiia i ee rol' v sozdanii iazykovoï kartiny mira [Metaphorisation and its role in creating the linguistic worldview]. In B. A. Serebrennikov (Ed.). *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* [The human factor in language: Language and worldview], 173–204. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Ursul, A. D. (2010). *Priroda informatsii: filosofskii ocherk* [The nature of information: A philosophical essay]. Cheliabinsk: ChGAKI. (In Russian).
- Vezhbickaia, A. (1996). *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition (Transl. from selected articles by A. Wierzbicka)]. M. A. Krongauz (Transl.). E. V. Paducheva (Preface). Moscow: Russkie slovari. (In Russian).
- Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (1993). *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroistvo, sistemnye otnosheniia* [Verb prefixes in russian language: systematic device and system relations]. Voronezh: Izdatel'stvo VGU. (In Russian).
- Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.
- Zalizniak, Anna A., Levontina, I. B. (1996). Otrazhenie russkogo natsional'nogo kharaktera v leksike russkogo iazyka (Razmyshleniia po povodu knigi A. Wierzbicka. *Semantics, Culture and Cognition. Universal human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.: Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) [Image of Russian national character in Russian language lexis (Thoughts about the book: Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press]. *Russian Linguistics*, 20(2–3), 237–264. (In Russian).
- Zinken, J. (2003). Ideological imagination: Intertextual and correlational metaphors in political discourse. *Discourse and Society*, 14(4), 507–523.

KARABANOV, A. P. (2017). CURRENT APPROACHES TO THE CONCEPT OF AMBIGUITY. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 49–63

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В СВЯЗИ СО СПЕЦИФИКОЙ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Одним из центральных понятий исследования является психологическая наблюдательность — способность понимать индивидуальные психологические особенности другого человека по его внешним и невербальным проявлениям. На основе понятия психологической наблюдательности базируется более узкое понятие профессиональной бдительности — способности подмечать существенные для профессии свойства предметов и явлений. Специфика работы сотрудников вневедомственной охраны предполагает внимательное наблюдение за людьми, способность отмечать признаки, предопределяющие риск совершения противоправных действий. Нашей задачей было выявить взаимосвязи профессиональной бдительности с индивидуальными психологическими особенностями. Мы обнаружили, что профессиональная бдительность людей обозначенной профессии тесно связана с личностными чертами: в смоделированной ситуации профессиональной деятельности служащие с более высокой агрессивностью и низким уровнем наблюдательности склонны приписывать действия наблюдаемого черты неадекватности.

Ключевые слова: наблюдательность, профессия, бдительность, агрессивность, охрана

Одним из центральных понятий исследования является психологическая наблюдательность — способность понимать индивидуальные психологические особенности другого человека по его внешним и невербальным проявлениям [Родионова 2003: 10]. Психологическая наблюдательность и ее особенности связаны со следующими личностными характеристиками человека.

1. Собственная агрессивность может порождать приписывание враждебности другим при интерпретации их поведения («атрибуция враждебности») [Грищенкова 2015: 77].

2. Люди с высокой самооценкой наблюдательности отличаются более развитыми коммуникативными навыками, им свойственны личностные особенности, одобряемые в обществе (доброта, уравновешенность), и доминантность [Родионова 2003: 108].

3. Высоконаблюдательные люди при столкновении с фрустрацией стремятся разрешить проблему [Там же: 98].

На основе понятия психологической наблюдательности базируется более узкое понятие профессиональной бдительности — способности подмечать существенные для профессии свойства предметов и явлений [Кузнецова 2009: 64]. Профессиональная бдительность является частным случаем психологической наблюдательности в профессиональной сфере.

Специфика работы сотрудников вневедомственной охраны предполагает внимательное наблюдение за людьми, способность отмечать признаки, предопределяющие риск совершения противоправных и агрессивных действий. Несмотря на то что сотрудники вневедомственной охраны выполняют свою деятельность в основном в штатных ситуациях, где проявления агрессии не требуются (например, досматривают посетителей в общественных местах), данная полицейская структура все же является частью субкультуры, продвигающей культ силы. Сотрудники вневедомственной охраны в обязательном порядке проходят боевую подготовку и имеют право на ношение табельного оружия. Период службы в органах внутренних дел является временным промежуток, в который у человека должно быть сформировано соответствующее профессии копинг-поведение, позволяющее ежедневно бороться со стрессом независимо от силы стрессогенного фактора, всегда адекватно реагировать на стресс [Простяков, Зеленцова 2009: 20]. Таким образом, специфика профессиональной деятельности сотрудников вневедомственной охраны, а также взаимосвязи психологической наблюдательности с личностными характеристиками делают актуальным изучение взаимосвязи профессиональной бдительности с индивидуальными особенностями психики специалистов указанного профиля.

Материалом для моделирования ситуации, в ходе которой актуализируется профессиональная бдительность, стала проективная методика «Тест руки» Э. Вагнера, представляющая собой девять карточек с изображенными на них руками (*Рис. 1*), которые предъявляются испытуемому в определенном порядке. При выполнении методики испытуемый отвечает на вопрос, что делает изображенная на карточке рука. Помимо стандартной инструкции, мы также ввели «служебную». Согласно ей испытуемый отвечает на вопрос, что делает изображенная рука, если она принадлежит человеку, которого досматривает испытуемый в ходе своей профессиональной деятельности.

При обработке «Теста руки» ответы испытуемого соотносятся с определенными категориями (например, агрессия, доминирование, деловое общение и др.). Главным показателем теста является процентная доля ответов каждой категории от общего числа ответов. Основные категории теста:

- «Агрессия»: ответы, в которых рука воспринимается как угрожающая, оскорбляющая, наносящая ущерб.

- «Директивность»: рука, отдающая команды, мешающая или активно влияющая на другого человека.
- «Аффектация»: рука воспринимается как выражающая любовь, положительное, благожелательное отношение к другим.
- «Коммуникация»: рука участвует в деловом общении.
- «Зависимость»: рука воспринимается как ищущая помощи или поддержки.
- «Страх» присваивается ответам, отражающим страх перед ударом, агрессией со стороны других людей.
- «Демонстративность» присваивается ответам, связанным с развлечением, демонстративностью, самовыражением.
- «Калечность»: рука воспринимается как больная, искаленная, поврежденная.
- «Описание» присваивается ответам, являющимся физическим описанием руки, в которых отсутствует указание на тенденции к действию.
- «Напряжение» присваивается ответам, в которых имеется указание на наличие в руке скрытой энергии, связанной с переживаниями напряжения, тревоги.
- «Активные безличные ответы»: категория присваивается ответам, в которых рука совершает какие-либо действия, не обращенные к другим людям
- «Пассивные безличные ответы»: рука не совершает активных действий и не обращена к другим людям.

Процентное соотношение категорий у конкретного испытуемого затем анализируется для выявления поведенческих тенденций личности.

- «Готовность к открытому агрессивному поведению» вычисляется посредством сложения долей некооперативных категорий («Агрессия» и «Директивность») и вычитания из них долей кооперативных категорий («Аффектация», «Коммуникация» и «Зависимость»).
- «Степень личностной дезадаптации» является суммой долей категорий «Калечность», «Напряжение» и «Страх» [Курбатова, Муляр 2001: 9–14].

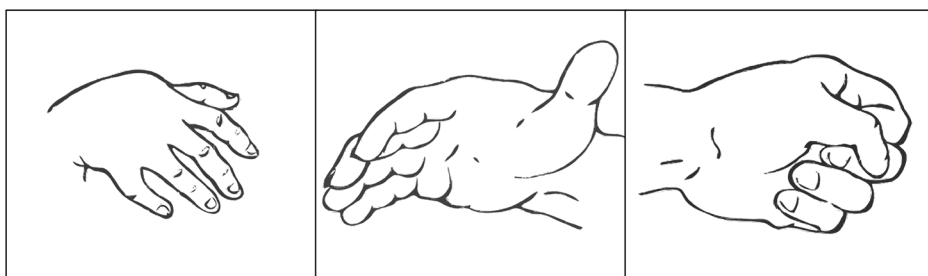

Рис. 1. Примеры стимульного материала «Теста руки» Э. Вагнера

В результате анализа ответов на «служебную» инструкцию «Теста руки» планировалось выделить продуктивную и непродуктивную профессиональную бдительность. Комплекс ответов на «служебную» инструкцию, связанный с высокими результатами по опроснику психологической наблюдатель-

ности, будет расцениваться как показатель продуктивной профессиональной бдительности (и наоборот). Основываясь на взаимосвязях психологической наблюдательности и личностных особенностей, обнаруженных исследователями, мы выдвигаем следующую гипотезу. Сотрудники с продуктивным типом профессиональной бдительности более дружелюбны, доминантны, менее агрессивны, в меньшей степени склонны к легитимизации агрессии (ее оправданию в определенных сферах жизни: воспитание, спорт, телевидение и т. д.), реже приписывают окружающим агрессию, предпочитают проблемно-ориентированные копинг-стратегии (направленные на разрешение ситуации: конфронтация и планирование разрешения проблемы), а не эмоционально-ориентированные (направленные на изменение своего восприятия ситуации: положительная переоценка ситуации, избегание, самоконтроль и т. д.), в отличие от сотрудников с непродуктивным типом профессиональной бдительности.

Испытуемые

В исследовании принял участие 31 сотрудник полка вневедомственной охраны (14 женщин и 17 мужчин) в возрасте от 25 до 47 лет и сроком службы от 2 до 26 лет.

Материал

- «Тест руки» Э. Вагнера (в адаптации Т. Н. Курбатовой и О. И. Муляр).
- Опросник психологической наблюдательности А. А. Родионовой.
- «Методика интерперсональных отношений» Т. Лири (в адаптации К. Р. Червинской).
- Опросник уровня агрессивности Басса–Перри (в адаптации С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского).
- Опросник легитимизированной агрессии С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского.
- Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой).

Процедура

1. Заполнение испытуемыми личностных опросников.
2. Проведение «Теста руки» с оригинальной инструкцией.
3. Заполнение испытуемыми анкеты, выявляющей основную информацию об испытуемых: демографические данные и срок службы.
4. Проведение «Теста руки» со «служебной» инструкцией.

Результаты

В *Табл. 1* представлена описательная статистика результатов, полученных по шкалам опросников, использованных в исследовании.

Таблица 1. Описательная статистика результатов опросников по шкалам

Шкала опросников	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
«Методика интерперсональных отношений» Т. Лири				
Доминирование	–7,10	13,40	4,87	4,52
Дружелюбие	–1,10	12,40	5,26	3,40
Опросник уровня агрессивности Басса–Перри				
Физическая агрессия	9,00	28,00	17,23	4,22
Гнев	11,00	25,00	14,77	3,26
Враждебность	8,00	29,00	13,42	5,12
Суммарный показатель	33,00	69,00	45,42	8,86
Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман				
Конфронтация	2,00	11,00	5,71	2,45
Дистанцирование	3,00	14,00	7,42	2,85
Самоконтроль	4,00	19,00	11,19	3,20
Поиск социальной поддержки	4,00	14,00	9,94	2,46
Принятие ответственности	1,00	10,00	5,68	2,14
Бегство-избегание	0,00	17,00	6,90	3,52
Планирование разрешения проблемы	4,00	17,00	11,90	3,19
Положительная переоценка ситуации	4,00	16,00	11,23	3,42
Опросник легитимизированной агрессии С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского				
Политика	18,00	59,00	34,23	10,86
Личный опыт	17,00	55,00	32,06	8,54
Воспитание	7,00	25,00	15,10	4,45
Спорт	5,00	18,00	11,19	3,31
СМИ	19,00	49,00	29,87	7,14
Суммарный показатель	75,00	172,00	122,45	22,56
Опросник психологической наблюдательности А. А. Родионовой				
Наблюдательность к движениям	3,00	7,00	4,55	1,06
– к социальному оформлению (одежде)	0,00	2,00	1,35	0,80
– ко внешности	0,00	5,00	2,19	1,22
– к невербальным проявлениям	1,00	8,00	5,23	1,54
Самооценка наблюдательности	1,00	8,00	3,97	1,72
Суммарный показатель	11,00	28,00	17,23	3,84

При обработке протоколов «Теста руки» ответы испытуемых были соотнесены с категориями, предусмотренными автором теста, а затем были подсчитаны процентные доли ответов каждой категории от общего числа ответов каждого испытуемого.

В Табл. 2 представлена описательная статистика результатов, полученных по итогам проведения «Теста руки» с двумя разными инструкциями.

Таблица 2. Описательная статистика результатов «Теста руки» с двумя разными инструкциями (результаты указаны в процентах)

Категория ответов	Оригинальная инструкция		«Служебная» инструкция	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Агрессия	11,19	6,47	10,35	13,27
Директивность	4,00	4,73	3,35	8,30
Аффектация	9,10	7,30	5,48	6,76
Коммуникация	30,42	9,50	31,74	13,65
Зависимость	5,84	5,97	12,48	10,11
Страх	1,06	2,84	2,94	5,08
Демонстративность	3,13	3,77	0,00	0,00
Калечность	1,16	2,16	1,32	3,19
Описание	6,35	9,54	7,06	9,85
Напряжение	2,55	3,18	5,26	8,49
Активные безличные ответы	22,61	13,33	18,87	15,18
Пассивные безличные ответы	2,68	3,95	1,35	3,92
Открытое агрессивное поведение*	-31,26	14,31	-36,16	27,52
Личностная дезадаптация**	4,74	4,88	9,45	10,09

* Вычисляется по формуле «Агрессия» + «Директивность» – «Аффектация» – «Коммуникация» – «Зависимость». Так как формула содержит операцию вычитания, возможно получение отрицательного результата.

** Вычисляется по формуле «Страх» + «Напряжение» + «Калечность».

Далее было проведено сравнение результатов по двум инструкциям «Теста руки». В Табл. 3 представлены результаты сравнения по критерию Уилкоксона.

Таблица 3. Средние значения процентных долей категорий ответов в оригинальной и «служебной» инструкциях

Категория ответа	Тип инструкции	Средние
Агрессия	Оригинальная	11,2
	Служебная	10,4
Директивность	Оригинальная	4,0
	Служебная	3,4
Аффектация	Оригинальная	9,1
	Служебная	5,5
Коммуникация	Оригинальная	30,4
	Служебная	31,7
<i>Зависимость</i>	<i>Оригинальная</i>	<i>5,8</i>
	<i>Служебная</i>	<i>12,5</i>
Страх	Оригинальная	1,1
	Служебная	2,9
<i>Демонстративность</i>	<i>Оригинальная</i>	<i>3,1</i>
	<i>Служебная</i>	<i>0,0</i>
Калечность	Оригинальная	1,2
	Служебная	1,3
Описание	Оригинальная	6,4
	Служебная	7,1
Напряжение	Оригинальная	2,6
	Служебная	5,3
Активные безличные ответы	Оригинальная	22,6
	Служебная	18,9
Пассивные безличные ответы	Оригинальная	2,7
	Служебная	1,4
Открытое агрессивное поведение*	Оригинальная	-31,3
	Служебная	-36,2
<i>Личностная дезадаптация**</i>	<i>Оригинальная</i>	<i>4,7</i>
	<i>Служебная</i>	<i>9,5</i>

Примечание. Строки, включающие показатели критерия Уилкоксона, достигающие уровня значимости, выделены курсивом.

В «служебной» инструкции по сравнению с оригинальной было использовано значимо больше долей категории «Зависимость» (рука подчиняется, просит о помощи) ($Z = -2,501$, $p = 0,012$) и значимо меньше — категории «Демонстративность» (рука привлекает к себе внимание) ($Z = -3,530$, $p < 0,001$). Также комплекс категорий «Личностная дезадаптация», который является суммой долей категорий «Страх» (рука защищается, боится), «Напряжение» (рука нервничает, тревожится) и «Калечность» (травмированная рука), преобладает в «служебной» инструкции ($Z = -2,028$, $p = 0,043$).

Для выделения критерия продуктивности профессиональной бдительности был посчитан коэффициент корреляции Спирмана между долями категорий теста руки в обеих инструкциях и показателями опросника психологической наблюдательности. Корреляции категорий теста руки со шкалами опросника психологической наблюдательности сильно разнятся в ряду

инструкций. Общая картина сложилась только исходя из категории «Личностная дезадаптация»: процентная доля ответов этой категории в «служебной» инструкции отрицательно коррелирует с подшкалой «Самооценка наблюдательности» ($r = -0,323$, $p < 0,05$) и со шкалой «Общая наблюдательность» ($r = -0,309$, $p < 0,05$). В оригинальной инструкции этот показатель не повторяет указанных соотношений.

Таким образом, наиболее целесообразно в качестве критерия продуктивности профессиональной бдительности выделить комплекс категорий «Личностная дезадаптация». Диапазон распределения его доли в «служебной» инструкции у испытуемых составил от 0 до 50% от общего числа ответов.

По этому показателю данные были разбиты на квартили для выделения двух групп испытуемых. Первую группу («Продуктивные», 5 мужчин и 4 женщины) составили испытуемые, со значениями показателя продуктивности профессиональной бдительности попавшими в первый квартиль (все значения оказались равными 0%), вторую группу («Непродуктивные», 5 мужчин и 4 женщины) — испытуемые, значения показателя которых находятся в четвертом квартиле (диапазон показателя составил от 13 до 50%).

Далее было проведено сравнение двух групп по показателям опросников согласно критерию Манна-Уитни. Оказалось, что по суммарному показателю агрессивности (опросник агрессивности Басса-Перри) «Непродуктивные» значимо превосходят «Продуктивных» ($Z = -2,392$, $p = 0,017$). На уровне тенденции «Продуктивные» доминантнее «Непродуктивных» ($Z = -1,810$, $p = 0,070$) (методика интерперсональных отношений). Также «Непродуктивные» статистически значимо чаще использовали в «служебной» инструкции категорию «Агрессия» (рука проявляет агрессию) ($Z = -2,369$, $p = 0,018$), что говорит об «атрибуции враждебности».

Обсуждение результатов

Нам удалось выделить личностные особенности, свойственные сотрудникам вневедомственной охраны в связи с типом их профессиональной бдительности. Возможно, подчиняемость в совокупности с агрессивностью у «Непродуктивных» порождает психологически негибкого человека, который готов уступать другим, но ввиду несовпадения его собственных установок с требованиями других людей (например, руководства) и имеющейся личностной агрессивностью, человек на службе пытается приписывать людям черты физической неадекватности (калечность) и психической (страх и напряжение), выражая таким образом свою агрессию. Интерпретации такого человека ввиду низкой наблюдательности в малой степени обусловлены внешними наблюдаемыми факторами и в большей степени являются проекциями его собственных проблем, что говорит о непродуктивности такого способа профессиональной бдительности, так как он мало связан с реальностью.

Различий между группами с продуктивным и непродуктивным типами профессиональной бдительности по предпочитаемым копинг-стратегиям не было обнаружено. Поскольку у испытуемых минимальный срок службы был равен двум годам, возможно, опыт работы и стаж сформировали у сотрудников похожую картину предпочитаемых копинг-стратегий, либо изначально на службу были отобраны люди с похожими способами совладания со стрессом.

Кроме того, группы не различались по уровню легитимизации агрессии. Было отмечено, что у изучаемой выборки срок службы связан с уменьшением агрессивности ($r = -0,336, p < 0,05$), но при этом с увеличением степени легитимизации агрессии в спорте ($r = 0,315, p < 0,05$). Это согласуется с результатами исследования, где было установлено, что военные и спортсмены склонны в большей степени легитимизировать агрессию, чем студенты-психологи, -педагоги и -инженеры [Ениколопов и др. 2014: 102–113]. При этом по методике Басса-Перри военные обнаруживают у себя меньше всего поведенческих проявлений агрессии, что противоречит как уровню агрессии, которую они легитимизируют, так и некоторым житейским представлениям о работниках силовых сфер. Возможно, здесь мы наблюдаем такие процессы, как постепенное усиление оправдания насильственных действий в связи с профессией и одновременное накопление психологических защит, посредством которых отрицается собственная агрессивность. Все перечисленное выше говорит и о том, что опросные методы при диагностике служебного состава могут быть недостаточно эффективными.

Стоит отметить, что «служебная» инструкция теста руки является только моделью, а не реальной ситуацией, поэтому не подходит для прогноза поведения сотрудника в ходе служебной деятельности.

Литература

- Гриценкова 2015 — Гриценкова А. Е. Половозрастные различия атрибуции враждебности школьниками в период среднего детства // *Философия и социальные науки*. 2015. № 1. С. 72–78.
- Ениколопов и др. 2014 — Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в быденной жизни. М.: Полит. энциклопедия, 2014.
- Кузнецова 2009 — Кузнецова П. В. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников подразделений вневедомственной охраны // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2009. № 3. С. 63–67.
- Курбатова, Муляр 2001 — Курбатова Т. Н., Муляр О. И. Проективная методика исследования личности «Hand-тест»: Методическое руководство. СПб: ГМНПП «ИМАТОН», 2001.
- Простяков, Зеленцова 2009 — Простяков В. В., Зеленцова О. Н. Психологические условия преодоления стресса сотрудниками органов внутренних дел // *Юридическая психология*. 2009. № 1. С. 18–24.
- Родионова 2003 — Родионова А. А. Личностные детерминанты психологической наблюдательности: Дис. ... канд. психол. наук / Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2003.

PERSONALITY TRAITS OF NON-DEPARTMENTAL SECURITY PERSONNEL IN CONNECTION WITH THE PARTICULAR CHARACTER OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY

Bangura, Mariam

Junior Researcher

Institute for Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences (Kharkevich Institute)

Russia, 127051, Moscow, Bolshoy Karetny per., 19, build. 1

Tel.: 8 (495) 952-33-03

E-mail: marb@mail.ru

Abstract. One of the central concepts of our research is psychological observancy, i. e. the ability to understand individual psychological characteristics of another person from their external and non-verbal manifestations. The concept of professional vigilance, the ability to notice essential features of objects and phenomena, is based on psychological observancy. The particular character of non-departmental security personnel's work calls for thorough observancy of people, the ability to notice signs that foreshadow a risk of their committing illegal acts. Our main purpose was to find out the correlation between professional vigilance and individual psychological characteristics. One of the findings of our research is that professional vigilance of those in this job is closely connected with personality traits: in a simulated professional situation employees with a higher level of aggressiveness and a lower level of observancy are inclined to ascribe some inadequacy to the actions of the observed person.

Keywords: observancy, profession, vigilance, aggressiveness, security

References

- Grishchenkova, A. E. (2015). Polovozrastnye razlichia atributsii vrazhdebности shkol'nikami v period srednego detstva [Age and sex differences in the attribution of hostility by students during middle childhood]. *Filosofia i sotsial'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 1, 72–78. (In Russian).
- Enikolopov, S. N., Kuznetsova, Iu. M., Chudova, N. V. (2014). *Agressiia v obydennoi zhizni* [Aggression in everyday life]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. (In Russian).
- Kuznetsova, P. V. (2009). Professional'no-psikhologicheskaiia podgotovka sotrudnikov podrazdelenii vnevedomstvennoi okhrany [Professional-psychological preparation of private security units personnel]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychological pedagogy in law enforcement agencies] 2009(3), 63–67. (In Russian).
- Kurbatova, T. N., Muliar, O. I. (2001). *Proektivnaia metodika issledovaniia lichnosti "Hand-test": Metodicheskoe rukovodstvo* [Projective test for personality research: "Hand-test". Methodological Guide]. St. Petersburg: GMNPPP "IMATON". (In Russian).
- Prostiakov, V. V., Zelentsova, O. N. (2009). Psikhologicheskie usloviia preodoleniia stressa sotrudnikami organov vnutrennikh del [Psychological conditions of coping with stress of police department personnel]. *Iuridicheskaiia psikhologiya* [Legal psychology], 2009(1), 18–24. (In Russian).
- Rodionova, A. A. (2003). *Lichnostnye determinanty psikhologicheskoi nabludatel'nosti* [Personal determinants of psychological observancy]: Candidate of Psychology Dissertation (Sholokhov Moscow State University for the Humanities). Moscow: Russian State Library. (In Russian).

BANGURA, M. (2017). PERSONALITY TRAITS OF NON-DEPARTMENTAL SECURITY PERSONNEL IN CONNECTION WITH THE PARTICULAR CHARACTER OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 64–73

АДАПТАЦИЯ ОБЪЕКТИВНОГО ТЕСТА ЭВРИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. По мнению Д. Канемана и А. Тверски, в условиях неопределенности люди полагаются на эвристики, которые иногда приводят к систематическим ошибкам. В 2014 г. австрийские психологи Ф. Джаспер и Т. М. Ортнер создали Объективный тест эвристического мышления, направленный на оценку степени индивидуальной приверженности человека трем видам эвристик — репрезентативности, доступности и привязки. В данной работе была произведена попытка адаптации Объективного теста эвристического мышления на русскоязычной выборке. В результате конфирматорного факторного анализа трехфакторная структура теста не подтвердилась. В результате разведочного факторного анализа уменьшилось количество вопросов в каждой из шкал очищенной структуры адаптированной версии методики. Очищенная структура адаптированной версии методики имеет низкий процент объясненной дисперсии, равный 55%. Объективный тест эвристического мышления показал удовлетворительную ретестовую надежность, удовлетворительную надежность по внутренней согласованности всей совокупности заданий теста и низкую конструктивную валидность.

Ключевые слова: эвристики, адаптация методики, Объективный тест эвристического мышления

Человек каждый день принимает какие-либо решения, постоянно оценивает и прогнозирует поведение других людей. Не всегда оценки и прогнозы основаны на рациональном мышлении. Порой в условиях неопределенности в процессе принятия решения начинают включаться так называемые эвристики, которые приводят к систематическим ошибкам. В психологической литературе понятие *эвристика* часто встречается в значении приемов и методов, облегчающих и упрощающих решение различных задач. Однако Д. Канеман использовал это понятие для обозначения стратегий принятия решения, которые характеризуются «сбоями» в обработке информации и приводят к смещениям в суждениях. В данной работе речь будет идти

об эвристиках в понимании Канемана. Эвристики проявляются в условиях дефицита времени и информации для принятия решения. Чаще всего они выявляются в ситуациях, когда человек оценивает вероятность событий.

Д. Канеман и С. Фредерик характеризуют «эвристическое суждение» как интуитивное, непреднамеренное [Kahneman, Frederick 2005: 268]. Для описания интуитивных и преднамеренных суждений они используют термины «Система 1» и «Система 2». Понятие *система* обозначает набор когнитивных операций, которые различаются по скорости, контролируемости и содержанию. «Система 1» быстро дает интуитивные ответы на вопросы, требующие суждения. «Система 2» отслеживает качество суждений, которые могут подтверждаться, корректироваться и отвергаться. «Система 2» довольно медленная, поэтому ее операции можно разрушить нехваткой времени. Включение двух систем в формирование суждения зависит от особенностей задач и индивидуальных характеристик. Эвристики относятся к «Системе 1», так как они включаются уже на стадии восприятия информации. Люди некорректно интерпретируют получаемую из внешнего мира информацию, что приводит к искажению суждений.

Канеман и Фредерик объясняют общую особенность эвристических суждений — процесс подмены признака. Аспект объекта суждения, о котором человек намеревается судить (целевой признак), оценивается небыстро, в отличие от относительных свойств, которые приводят к правдоподобным ответам (признак эвристики); люди могут невольно заменять ответ простой оценкой. Например, когда человек сталкивается со сложным вопросом, он может ответить на вопрос, более легкий и заменяющий сложный.

Д. Канеман и А. Тверски выделяют три вида эвристик — эвристику репрезентативности, эвристику привязки и эвристику доступности. Эвристика репрезентативности означает тенденцию рассматривать любую выборку как репрезентативную, т. е. «подобную всей совокупности во всех характеристиках» [Канеман и др. 2005: 40]. Люди не используют теорию вероятности в оценивании вероятности событий. Они оценивают вероятность степенью, в которой событие 1) сходно в своих характеристиках с исходной совокупностью, и 2) отражает характеристики процесса, в котором оно произошло. Примером эвристики репрезентативности является переоценка размера выборки при интерпретации результатов исследования.

Эвристика доступности характеризуется тем, что человек высоко оценивает вероятность события, которое легче вспомнить. Со временем у человека формируются ассоциативные связи между вероятностью события и легкостью его воспоминания. Например, человек, который недавно попал в автомобильную аварию, вероятность автокатастрофы будет оценивать выше по сравнению с тем, кто не попадал в аварию.

Эвристика привязки — склонность опираться на начальную величину, заданную в ситуации принятия решения. Начальная величина может быть сформирована случайно либо с помощью специальных вычислений. Различные начальные величины могут привести к различным оценкам, которые смещены к отправным точкам.

В 2014 г. Ф. Джаспер и Т. М. Ортнер [Jasper, Ortner 2014] создали Объективный тест эвристического мышления (Objective Heuristic Thinking Test), который содержит три шкалы: шкалу репрезентативности, шкалу доступности

сти и шкалу привязки — в соответствии с тремя видами эвристик, о которых пишут Д. Канеман и А. Тверски. Данный тест направлен на оценку степени подверженности индивида эвристикам в процессе принятия решений. Тест был оценен создателями относительно его внутренней согласованности, факторной структуры, конструктивной валидности и надежности на интернет-выборке (300 человек) и на выборке в независимых условиях (55 человек). В результате тест показал высокую ретестовую надежность, низкую значимую внутреннюю согласованность для каждой шкалы и низкую конструктивную валидность.

Надежность методики заключается в устойчивости или согласованности результатов теста, получаемых при повторном его применении к тем же испытуемым в различные моменты времени, при использовании разных наборов эквивалентных заданий или же при изменении других условий обследования [Кэмпбелл 1980]. Высокая надежность свидетельствует о меньшей чувствительности данных к случайным событиям. Ретестовая надежность заключается в повторном предъявлении стимульного материала испытуемым в тех же условиях, что в первоначальном случае. Она показывает, в какой степени можно использовать тест в различных ситуациях. Надежность по внутренней согласованности заключается в однородности содержания заданий, их схожести между собой. Между выполнением и невыполнением заданий должна быть положительная корреляция.

Еще одной психометрической характеристикой теста является валидность — степень измерения того, что должен измерять тест. Конструктивная валидность «демонстрируется полным описанием переменной, для измерения которой предназначается тест» [Бурлачук 2011: 167]. Способами оценки конструктивной валидности являются факторный анализ, корреляция с другими тестами на изучаемый феномен и др. Факторная валидность включает в себя анализ факторной структуры теста, факторный состав и факторные нагрузки результата теста.

Шкала репрезентативности включает 11 заданий. В каждом задании респондент должен оценить вероятность того, что один человек принадлежит к определенной группе X. Пример задания:

В научном учреждении работают 25 математиков и 75 торговых служащих (женщин и мужчин). Вы знакомитесь с сотрудником данного учреждения — господином Ф. Господин Ф. — холостяк, в свободное время рыбачит в одиночку, читает специализированную литературу, один раз в неделю занимается в шахматном клубе. Какова, на Ваш взгляд, вероятность того, что господин Ф. — математик?

Шкала доступности включает 14 заданий, которые состоят из коротких описаний маловероятных событий. Испытуемые должны оценить вероятность того, что человек X или группа людей столкнутся с таким событием. Каждое задание сопровождается цветной картинкой, на которой изображена маловероятная ситуация. Пример задания:

Десять друзей поженились в разные выходные дни в течение одного года. Какова вероятность того, что на восьми данных свадьбах из десяти светило солнце?

Шкала привязки включает 8 заданий, которые состоят из короткого суждения и неопределенно связанного вопроса. Испытуемых просят произвести свою оценку. Пример задания:

Сеть отелей России состоит из приблизительно 90 отелей. Сколько раз в год в отелях ночует среднестатистический россиянин?

Обработка теста имела несколько версий. Это было необходимо для последующего выбора версии обработки, которая дает лучшие психометрические характеристики. Шкала репрезентативности обрабатывалась тремя способами: сумма «сырых» баллов; среднее значение величины отклонения от ответа; сумма правильных ответов (правильный ответ — априорная вероятность). Шкала доступности и шкала привязки имели две версии обработки: сумма «сырых» баллов и среднее значение суммы «сырых» баллов.

Целью данной работы являлась адаптация Объективного теста эвристического мышления. Процедура адаптации включает несколько этапов.

1. Перевод материала теста с языка оригинала на русский язык.
2. Обратный перевод для проверки равнозначности перевода и оригинала.
3. Психометрическая оценка методики.

Перевод выполняли профессиональные переводчики. Психометрические процедуры, проводимые в работе, эквивалентны процедурам создания оригинальной версии методики.

В исследовании участвовали 115 человек, из них 37 мужчин и 78 женщин. Основным критерий отбора испытуемых — студенты (от 17 до 26 лет). Время ретеста — около семи недель. Метод исследования — тестирование и анкетирование.

Для анализа факторной структуры методики были использованы конфирматорный факторный анализ типа GLS → ML, коррелированные факторы (заданы самими разработчиками), некоррелированные остатки и разведочный факторный анализ методом главных компонент с облимин-вращением (выполнены допущения адекватности выборки применению факторного анализа и отсутствия коррелированности каждой из переменных с собственным значением).

В результате конфирматорного факторного анализа трехфакторная структура теста не подтвердилась. В результате разведочного факторного анализа после последовательного удаления вопросов выявлена трехфакторная структура теста, в которой заявленные разработчиками вопросы попали в соответствующие факторы, но из-за большого количества удалений сильно уменьшилось количество вопросов в каждой из шкал. Кроме выпадения количества вопросов, очищенная структура адаптированной версии методики имеет и другой минус — процент объясненной дисперсии, равный 55%.

Объективный тест эвристического мышления показал удовлетворительную ретестовую надежность (шкала репрезентативности ($r = 0,69$), шкала доступности ($r = 0,90$) и шкала привязки ($r = 0,55$)); удовлетворительную надежность по внутренней согласованности всей совокупности заданий теста ($\alpha = 0,77$).

Таблица 1. Оценка ретестовой надежности

Корреляции				
			Шкала доступности	Шкала доступности2
Коэффициент корреляции Спирмена	Шкала доступности	Коэффициент корреляции	1	0,907**
		Двусторонний уровень значимости	.	0
		N	26	26
			Шкала репрезентативности	Шкала репрезентативности2
Коэффициент корреляции Спирмена	Шкала репрезентативности	Коэффициент корреляции	1	0,690**
		Двусторонний уровень значимости	.	0
		N	26	26
			Шкала привязки	Шкала привязки2
Коэффициент корреляции Спирмена	Шкала привязки	Коэффициент корреляции	1	0,554**
		Двусторонний уровень значимости	.	0,003
		N	26	26

Таблица 2. Оценка надежности по внутренней согласованности всей совокупности заданий теста

Статистические данные о надежности	
Альфа Кронбаха	Количество вопросов
0,767	33

Для измерения конструктивной валидности были использованы методики, аналогичные оригинальной версии: АКТ-70 К. У. Эттриха, Опросник тревожности Ч. Д. Спилбергера, методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цуккерман), Личностный опросник NEO PI-R (форма S). Была выявлена только одна значимая корреляция между данными Объективного теста эвристического мышления (ОТЭМ) и Личностным опросником NEO PI-R (Шкала привязки и Шкала Сотрудничества, $r = -0,37$).

Таблица 3. Значимая корреляция между Шкалой привязки ОТЭМ и Шкалой сотрудничества Личностного опросника NEO PI-R

Корреляции				
			Шкала привязки	Шкала сотрудничества
Коэффициент корреляции Спирмена	Шкала привязки	Коэффициент корреляции	1,000	-0,368
		Двусторонний уровень значимости	.	0,006
		<i>N</i>	54	54
	Шкала сотрудничества	Коэффициент корреляции	-0,368	1,000
		Двусторонний уровень значимости	0,006	.
		<i>N</i>	54	54

По результатам процедур адаптации методика показала неподтвержденную факторную структуру и низкие психометрические характеристики. Причинами данных результатов могли стать некорректный перевод методики, культурные различия россиян и австрийцев, объем выборки. Дальнейшая разработка адаптированной версии теста возможна только при удалении шкалы привязки.

Литература

- Бурлачук 2011 — Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011.
- Канеман и др. 2005 — Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Харьков: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.
- Кэмпбелл 1980 — Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980.
- Jasper, Ortner 2014 — Jasper F., Ortner T. M. The tendency to fall for distracting information while making judgments: Development and validation of the Objective Heuristic Thinking Test // European Journal of Psychological Assessment. Vol. 30. No. 3. 2014. P. 193–207.
- Kahneman, Frederick 2005 — Kahneman D., Frederick S. A model of heuristic judgment // The Cambridge handbook of thinking and reasoning / Ed. by K. J. Holyoak, R. G. Morrison. New York: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 267–293.

ADAPTATION OF OBJECTIVE HEURISTIC THINKING TEST

Makarenko, Anna S.

Postgraduate, Novosibirsk National Research State University

Russia, 630090, Novosibirsk, Pirogova str., 2

Tel.: +7 (383) 363-42-92

E-mail: lost_among_all@mail.ru

Abstract. D. Kahneman and A. Tversky suggested that in conditions of uncertainty people rely on heuristics that sometimes lead to systematic errors. In 2014, Austrian psychologists F. Jasper and T. M. Ortner created an Objective Heuristic Thinking Test, aimed at assessing the degree of individual commitment by a person to three types of heuristics — heuristics of representativeness, availability, and binding. In this work, an attempt was made to adapt the Objective Heuristic Thinking Test on the basis of a selection of Russian-language materials. Confirmatory factor analysis did not confirm the three-factor structure of the test. Exploratory factor analysis reduced the number of questions in each of the scales of the purified structure of the adapted version of the methodology. The purified structure of the adapted version of the methodology has a low percentage of explained variance (55%). An objective test of heuristic thinking showed satisfactory test-retest reliability, satisfactory reliability for internal consistency of all the questions of the test, and low construct validity.

Keywords: heuristics, adaptation of a technique, Objective Heuristic Thinking Test

References

- Burlachuk, L. F. (2011). *Psikhodiagnostika: Uchebnik dlia vuzov* [Psychodiagnostics: Manual for higher educational institutions]. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
- Jasper, F., Ortner, T. M. (2014). The tendency to fall for distracting information while making judgments: Development and validation of the Objective Heuristic Thinking Test. *European Journal of Psychological Assessment*, 30(3), 193–207.
- Kahneman D., Frederick S. (2005). A model of heuristic judgment. In K. J. Holyoak, R. G. Morrison (Eds.). *The Cambridge handbook of thinking and reasoning*, 267–293. New York: Cambridge Univ. Press.
- Kaneman, D., Slovic, P., Tverskii, A. (2005). *Priniatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniia* [Transl. from Kahneman, D., Slovic, P., Tversky, A. (2001). *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge Univ. Press]. Kharkov: Institut prikladnoi psikhologii "Gumanitarnyi Tsentr". (In Russian).
- Kempbell, D. (1980). *Modeli eksperimentov v sotsial'noi psikhologii i prikladnykh issledovaniakh* [Models of experiments in social psychology and in applied research. Transl. from selected works by Campbell, D. Th.]. Moscow: Progress. (In Russian).

MAKARENKO, A. S. (2017). ADAPTATION OF OBJECTIVE HEURISTIC THINKING TEST. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 74–80

ОСОБЕННОСТИ СМЕЩЕНИЯ ВНИМАНИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ТАБУИРОВАННЫХ СЛОВ

Аннотация. Предыдущие исследования в области изучения переработки эмоциональной информации сравнивали смещение внимания между положительными и тревожными стимулами. В настоящей работе делается попытка изучить смещение внимания в сторону табуированных слов с помощью методики «проба с точкой». Мы не обнаружили статистически значимых различий между нейтральными и табуированными словами. Была найдена лишь значимая положительная корреляция между правильностью называния слов и показателем смещения внимания при предъявлении слов на 100 мс.

Ключевые слова: смещение внимания, парадигма «проба с точкой», табуированные слова

На протяжении последних трех десятилетий в психологии эмоций изучается и проверяется идея о том, что эмоциональная информация перерабатывается иначе, чем нейтральная. Любая когнитивная деятельность, связанная с эмоциональной информацией (категоризация объектов, запоминание, воспроизведение, восприятие), является переработкой. В настоящий момент получены эмпирические данные, которые как подтверждают эту идею, так и опровергают ее. К методикам, используемым в этой области, относятся эмоциональная задача Струпа, зрительный поиск, «проба с точкой» (dot probe task), быстрое последовательное визуальное предъявление и методика «сопоставления цифр». За каждой методикой лежат разные теоретические предположения о том, какие особенности процесса переработки информации существуют и какие факторы могут способствовать ей или, наоборот, препятствовать. Много исследований проводится клиническими психологами, поскольку в некоторых случаях можно наблюдать соответствующие эффекты, например, у больных с клинической депрессией смещение внимания (attentional bias) происходит в сторону тревожных стимулов.

В данной статье нам хотелось бы остановиться только на одной из парадигм, которая используется в исследованиях, посвященных влиянию конкрет-

ного эмоционального состояния на внимание. Впервые методика «проба с точкой» была предложена К. МакЛеодом в 1986 г. для изучения связи внимания и тревожности у людей с эмоциональными расстройствами [MacLeod et al. 1986]. Испытуемому предъявляются стимулы (слова или картинки), один из которых эмоционально окрашен, а другой нет (нейтральное слово или картинка). После короткой экспозиции стимулов они исчезают и на месте одного из них появляется точка. Выделяют различные пробы: совпадение расположения эмоционального стимула и точки называют конгруэнтным, а совпадение расположения нейтрального стимула и точки — неконгруэнтным. Испытуемому необходимо как можно быстрее, но в то же время правильно ответить, где располагалась точка после ее предъявления.

На данный момент существует большое количество модификаций этой парадигмы, поскольку она используется уже как возможность лечения различных смещений внимания, например, в сторону тревожных стимулов при ремиссии депрессивного расстройства. С помощью названной методики были получены следующие основные эффекты.

1. Люди с генерализованным тревожным расстройством переключают внимание на угрожающие стимулы, что приводит к снижению времени реакции при обнаружении точки [Bar-Naim et al. 2007].

2. Этот эффект, однако, подтверждается пока только на более раннем этапе переработки информации, т. е. важен фактор времени (время предъявления тревожных стимулов). Чаще всего эффект подтверждается, если слово или картинка предъявляется на 100 мс [Cooper, Langton 2006].

Стоит отметить, что результаты получаются статистически значимыми, однако полученные эффекты характеризуются неустойчивостью, в связи с чем мы решили провести исследование, которое бы воспроизвело этот же эффект на русскоговорящей выборке. Были выбраны табуированные слова, поскольку они несут эмоциональную информацию. Однако направленность смещения внимания при использовании такого материала неоднозначна.

Есть отдельные исследования, в которых используются так называемые табуированные слова или слова по тематике «секс». У исследователей получают следующие результаты — например, при быстром последовательном визуальном предъявлении табуированных слов происходит эффект мигания внимания, если для испытуемых слова были на родном языке [Colbeck, Bowers 2012]. Этот вопрос также изучался в другой парадигме, при выполнении заданий на эмоциональный эффект Струпа. В эксперименте использовали слуховую версию этой методики; оказалось, что при влиянии табуированных слов время реакции на выполнение задачи увеличивается [Bertels et al. 2011].

Целью нашего исследования стало изучение смещения внимания (attentional bias) при переработке табуированных слов в сравнении с нейтральными.

Гипотезы

Как уже отмечалось, табуированные слова относятся к эмоциональной информации. Однако привлекут ли они внимание или же, наоборот, отведут его от себя, предположить достаточно сложно. Если исходить из идеи, что

такой тип материала больше привлекает внимание, то смещение внимания к табуированным словам будет иметь место на более раннем этапе переработки информации. В данном исследовании мы хотели проверить разное время экспозиции слов: 100, 200, 400, 1000 мс.

Методика

Испытуемые. В эксперименте участвовали добровольцы, в том числе студенты психологического факультета, и люди, имеющие высшее образование (экономисты, лингвисты, психологи, программисты, историки, философы), 46 человек в возрасте от 18 до 29 лет ($M = 21$, $SD = 3,6$). Число женщин в выборке — 40. По условиям эксперимента были сформированы две группы из 22 и 24 человек.

Материал. В исследовании использовали табуированные и нейтральные слова. Нейтральные слова были взяты из базы ENRuN [Люсин, Сысоева 2015]. Оба варианта слов были уравнены по длине, а нейтральные еще и по пяти шкалам базы («Радость», «Грусть», «Злость», «Страх», «Отвращение»). Использовали четыре табуированных слова и 12 нейтральных, в итоге 32 пробы. Порядок предъявления этих пар был случайным, как и тип проб (16 конгруэнтных и 16 неконгруэнтных)

План эксперимента. Независимой переменной стало время предъявления предварительных стимулов (пар слов) на 100, 200, 400, 1000 мс. Зависимая переменная — показатель смещения внимания (BS). Вычислить этот показатель можно вычитанием времени реакции (ВР) конгруэнтных проб из ВР неконгруэнтных. Положительное значение показателя говорит о том, что табуированные слова привлекают внимание, если же значение отрицательное — смещение внимания происходит от табуированных слов.

Процедура. На экране появляется фиксационный крест, на который необходимо смотреть, затем появляются предварительные стимулы — пара слов (нейтральное и табуированное либо оба нейтральных). После короткой экспозиции слова исчезают, слева или справа от центра экрана появляется точка. Задача испытуемого заключается в том, чтобы как можно скорее определить положение точки и нажать на соответствующую клавишу, когда он увидит точку. Расстояние от слов до фиксационного креста составило 7 угловых градусов. Расстояние от экрана до глаз испытуемого — 60 см.

Исследование проводили индивидуально для каждого участника на компьютере с использованием программы PsychoPy2 (v. 1.81.00). Испытуемый выполнял сначала тренировочное задание; если задание было выполнено правильно, запускалась основная серия эксперимента. По завершении процедуры испытуемому сообщали настоящую цель эксперимента и выражали благодарность.

Испытуемых разделили на группы. Процедура для групп отличалась лишь одним условием. Одну из них просили вспоминать слова, которые они видели на протяжении эксперимента, и после прохождения задания на внимание испытуемые записывали слова, которые они запомнили.

Результаты и обсуждение результатов

В Табл. 1 представлена описательная статистика для группы, в которой не просили после эксперимента вспомнить увиденные ранее слова.

Таблица 1

	<i>N</i>	Среднее значение	Стандартное отклонение
BS для 100 мс	22	0,0021	0,04678
BS для 200 мс	22	0,0033	0,06322
BS для 400 мс	22	0,2019	0,54094
BS для 1000 мс	22	0,0136	0,08757

В Табл. 2 представлена описательная статистика для группы, которая вспомнила слова. Результаты одного испытуемого из группы пришлось отбросить, поскольку процент его ошибок составил более 50%.

Таблица 2

	<i>N</i>	Среднее значение	Стандартное отклонение
BS для 100 мс	23	–0,0438	0,26437
BS для 200 мс	23	0,0175	0,11040
BS для 400 мс	23	–0,0358	0,10875
BS для 1000 мс	23	–0,0162	0,10236

Сначала был проведен однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями для фактора «время предъявления предварительных стимулов» (предварительными стимулами называются табуированные и нейтральные слова; целевым стимулом является точка). Статистически значимых различий для этого фактора получено не было.

Затем было подсчитано количество правильно воспроизведенных слов у испытуемых группы, которую после эксперимента просили воспроизвести слова. Был посчитан непараметрический коэффициент корреляций Спирмена между показателем смещения внимания для всех групп и количеством правильно названных слов, как табуированных, так и всех слов. Обнаружилась значимая положительная корреляция между количеством правильно названных слов и показателем смещения внимания при предъявлении стимулов на 100 мс ($r = 0,431$ при $p < 0,05$) и значимая отрицательная корреляция между количеством правильно названных слов и показателем смещения внимания при предъявлении на 1000 мс ($r = -0,524$ при $p < 0,05$). Это может говорить о том, что у испытуемых внимание смещается в сторону табуированных слов и тем самым эти слова лучше запоминаются. Однако об этом можно говорить

только как о тенденции, поскольку для табуированных слов мы не получили статистически значимых значений.

Мы можем сделать предварительные выводы.

1. Статистических различий для фактора «время предъявления предварительных стимулов» получено не было. Следовательно, об эффекте смещения внимания в сторону табуированных слов на русскоязычной выборке мы пока говорить не можем.

2. Положительная корреляция между количеством правильно названных слов и показателем смещения внимания при 100 мс дает нам возможность предполагать смещение внимания в сторону табуированных стимулов, поскольку таким образом испытуемые чаще запоминали такие слова.

Литература

- Люсин, Сысоева 2015 — Люсин Д. В., Сысоева Т. А. Аффективная окраска слов русского языка: создание базы данных для исследований переработки аффективной информации // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: Материалы конф. 16 июня 2015 г. / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: БукиВеди, ИППиП, 2015. С. 279–283.
- Bar-Haim et al. 2007 — Bar-Haim Y., Lamy D., Pergamin L., Bakermans-Kranenburg M. J., van Ijzendoorn M. H. Threat-related attentional bias in anxious and nonanxious individuals: A meta-analytic study // *Psychological Bulletin*. Vol. 133, No. 1. 2007. P. 1–24.
- Bertels et al. 2011 — Bertels J., Kolinsky R., Pietrons E., Morais J. Long-lasting attentional influence of negative and taboo words in an auditory variant of the emotional Stroop task // *Emotion*. Vol. 11. No. 1. 2011. P. 29–37.
- Colbeck, Bowers 2012 — Colbeck K. L., Bowers J. S. Blinded by taboo words in L1 but not L2 // *Emotion*. Vol. 12. No. 2. 2012. P. 217–222.
- Cooper, Langton 2006 — Cooper R. M., Langton S. Attentional bias to angry faces using the dot-probe task? It depends when you look for it // *Behaviour Research and Therapy*. Vol. 44. No. 9. 2006. P. 1321–1329.
- MacLeod et al. 1986 — MacLeod C., Mathews A., Tata P. Attentional bias in emotional disorders // *Journal of Abnormal Psychology*. Vol. 95. No. 1. 1986. P. 15–20.

ATTENTIONAL BIAS FOR TABOO WORDS

Pryakhina, Tatiana V.

PhD Student,

State Academic University for The Humanities

Russia, 119049, Moscow, Maronovsky per., 26

Tel.: +7 (499) 238-23-50

E-mail: t.pryakhina@yandex.ru

Abstract. The present study compares attentional bias for positive and threatening stimuli. However, only a small number of studies used taboo words for Russian-speaking people, although such material clearly reflects emotional processing of information. Taboo words were included in the dot-probe task. In our study, we tested

the idea that taboo words, compared with neutral distracters, will impair emotional attention. Participants ($n = 43$) performed the dot-probe task (MacLeod, Mathews, Tata, 1986), then they were asked about words, which they remember. There were no statistically significant differences between the neutral and taboo words. We found a correlation between the number of correctly named words and attentional bias for presenting words on 100 ms ($r = 0,431$, $p < 0,05$). Subsequent research will focus on procedure of the dot-probe task. This research showed the need to control the emotionality of words for participants. Larger effects of attentional bias for taboo words can be obtained with the use of a large number of probes.

Keywords: attentional bias, dot-probe task, taboo words

References

- Bar-Haim, Y., Lamy, D., Pergamin, L., Bakermans-Kranenburg, M. J., van Ijzendoorn, M. H. (2007). Threat-related attentional bias in anxious and nonanxious individuals: A meta-analytic study. *Psychological Bulletin*, 133(1), 1–24.
- Bertels, J., Kolinsky, R., Pietrons, E., Morais, J. (2011). Long-lasting attentional influence of negative and taboo words in an auditory variant of the emotional Stroop task. *Emotion*, 11(1), 29–37. doi: 10.1037/a0022017.
- Colbeck, K. L., Bowers, J. S. (2012). Blinded by taboo words in L1 but not L2. *Emotion*, 12(2), 217–222. doi: 10.1037/a0026387.
- Cooper, R. M., Langton, S (2006). Attentional bias to angry faces using the dot-probe task? It depends when you look for it. *Behaviour Research and Therapy*, 44(9), 1321–1329.
- Liusin, D. V., Sysoeva, T. A. (2015). Affektivnaia okrasaka slov russkogo iazyka: sozdanie bazy dannykh dlia issledovaniia pererabotki affektivnoi informatsii [Emotional coloring of Russian words: creation of a database for emotional information processing]. In E. V. Pechenkova, M. V. Falikman (Eds.). *Kognitivnaia nauka v Moskve: novye issledovaniia: Materialy konferentsii 16 iunia 2015 g.* [Cognitive Science in Moscow: new research: Conference proceedings 16 June 2015], 279–283. Moscow: BukiVedi, IPPiP. (In Russian).
- MacLeod, C., Mathews, A., Tata, P. (1986). Attentional bias in emotional disorders. *Journal of Abnormal Psychology*, 95(1), 15–20. doi: 10.1037/0021-843X.95.1.15.
- PRYAKHINA, T. V. (2017). ATTENTIONAL BIAS FOR TABOO WORDS. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 81–86

ВЛИЯНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ НА ЗРИТЕЛЬНЫЙ ПОИСК

Аннотация. В исследовании изучалось, как наличие или отсутствие в опыте категориального названия для объекта влияет на успешность его зрительного поиска, если поиск осуществляется среди объектов, которые также могут либо обладать категориальными названиями, либо не обладать ими. Мы предположили, что поиск целей, обладающих категориальными названиями в нашем опыте будет успешнее, если эта цель находится среди дистракторов, не обладающих категориальными названиями. Также мы предположили, что поиск целей, не обладающих категориальными названиями, будет успешнее, если эта цель находится среди дистракторов, также не обладающих категориальными названиями. Второе предположение было выдвинуто, поскольку мы считаем: объекты, обладающие категориальными названиями в нашем опыте, будут привлекать внимание испытуемых, мешая поиску объекта, который в нашем опыте не обладает категориальным названием. Исследование проходило в два этапа. На первом, подготовительном, этапе испытуемые осваивали новые категории искусственных объектов и запоминали названия для половины из них. На втором, экспериментальном этапе испытуемые выполняли задачу зрительного поиска. Результаты показывают, что испытуемые находят цель быстрее среди тех дистракторов, которые, как и цель, обладают или не обладают названиями. В пробах, где присутствовали сразу две цели, окруженные дистракторами либо с названиями, либо без них, испытуемые чаще первой находили цель с названием среди дистракторов без названия. При усложнении задачи поиска эти результаты не воспроизвелись.

Ключевые слова: категориальный зрительный поиск, категории с названиями, категории без названий

Категории, которые встречаются нам в обычной жизни, различаются по их связи с названиями. Представьте себе луг, где растет очень много разных цветов и трав. Для некоторых из них мы знаем их точные на-

звания (*василек, иван-чай, полынь* и т. д.). Такие категории обладают сильной связью с названием. Но для многих луговых трав мы не знаем их общепринятых названий. Тем не менее мы всегда можем назвать их с помощью слов, например: «желтый цветок», «вон та высокая трава» и т. д. Такие категории обладают слабой связью с названиями, поскольку при каждом употреблении способ номинации может меняться, а подобными же словами могут быть описаны и другие категории. Представим себе также, что нам нужно найти на этом лугу ромашку, где мы быстрее ее обнаружим — среди растений, общепринятые названия которых мы знаем или не знаем? А если нам нужно будет найти растение, названия которого мы не знаем, среди каких растений поиск будет успешнее? Другими словами, может ли информация о степени связи объекта с его категориальным названием использоваться нашей когнитивной системой, чтобы направлять наш зрительный поиск?

Из предыдущих исследований мы знаем, что информация о том, к какой категории принадлежит объект, может направлять наш зрительный поиск. Этот эффект был продемонстрирован как на простых стимулах вроде цветов и букв, так и на материале объектов реального мира. Например, К. Даутис и коллеги [Daoutis et al. 2006] обнаружили, что поиск определенного цвета среди дистракторов (других цветов) происходит быстрее, если цель и дистракторы принадлежат к разным категориям. В их эксперименте было показано, что зеленый цвет легче обнаружить среди разных оттенков пурпурного, чем среди других оттенков зеленого. Похожий эффект был обнаружен и на материале букв. Г. Лупян в своем исследовании [Lupyan 2008] просил испытуемых найти цель среди дистракторов из одной категории («В» и «b») и среди дистракторов из разных категорий («В» и «р»). В качестве цели использовался символ, также состоящий из вертикальной черты и круга, но не являвшийся буквой латинского алфавита. Таким образом, цель и дистракторы были сходны перцептивно, но поиск осуществлялся среди дистракторов из одной категории или из разных. Было показано, что если дистракторы принадлежат к разным категориям, то поиск происходит быстрее, чем в условиях, когда дистракторы принадлежат к одной категории.

Информация о том, к какой категории принадлежит цель, может также направлять зрительный поиск, если он осуществляется среди повседневных объектов. Так, Г. Зелински и коллеги [Yang, Zelinsky 2009] просили испытуемых искать плюшевого мишку среди повседневных предметов. В одной половине проб цель задавалась изображением, а в другой — с помощью слов («Найдите плюшевого мишку»). Исследователи фиксировали движения глаз испытуемых; результаты показали, что хотя поиск по названию и менее успешен, чем поиск по картинке, тем не менее он значительно отличается от случайного поиска. При поиске по названию цель фиксируется раньше, чем это можно было бы ожидать при случайном поиске, и в сравнении со случайным поиском испытуемые фиксируют меньше дистракторов.

Для объяснения влияния категориальной информации на зрительный поиск может быть использована теория Дж. Дункана и Г. Хамфриса [Duncan, Humphreys 1989], в которой постулируется, что поиск будет наиболее успешен, если дистракторы похожи друг на друга, а цель от них отличается. Похожими дистракторы могут быть не только по перцептивным признакам, но и по категории, к которой они относятся. Таким образом, если перцептивные

признаки цели и дистракторов уравнены, то поиск будет успешнее тогда, когда цель и дистракторы принадлежат к разным категориям, чем когда цель и дистракторы принадлежат к одной категории. Для нашего исследования наиболее важно то, что принадлежность к обобщенным категориям, таким как объекты со слабой или сильной связью с названиями, также может служить основанием для группировки объектов и влиять на эффективность поиска.

Касательно же влияния связи объекта с его категориальным названием на успешность зрительного поиска исследования показывают, что поиск объектов, обладающих сильной связью с их категориальным названием, будет успешнее, чем поиск объектов со слабой связью с их категориальным названием. Г. Зелински и коллеги [Schmidt, Zelinsky 2009] показали, что испытуемые ищут представителя конкретной категории (ботинки) быстрее, чем представителя абстрактной категории (обувь). При этом исследования показывают, что если на этапе демонстрации цели испытуемому показывать название объекта, это уменьшает время поиска целей по сравнению с условиями, когда цель задается только изображением. В своем исследовании Л. Смит и коллеги [Vales, Smith 2015] просили трехлетних детей найти красную кровать среди зеленых кроватей и красных диванов. В половине проб цель задавалась только картинкой, а в другой половине — и картинкой, и названием одновременно. Результаты показали, что в условии, когда цель задается и картинкой, и названием, дети справляются с поиском быстрее, чем в условиях, когда цель задается только картинкой.

Более того, названия могут ускорять поиск даже тогда, когда информация, которую они содержат, является избыточной. В исследовании Г. Лупяна [Lupyan 2008] испытуемые искали «В» либо среди «b», т. е. дистракторов из той же категории, что и цель, либо среди «p», т. е. среди дистракторов из другой категории. Задание было организовано по блокам. На протяжении блока цель поиска была одной и той же; более того, она была известна испытуемым заранее. В половине проб каждого блока перед поиском испытуемым сообщали либо «найдите “В”» (условие с названием), либо «найдите цель» (условие без названия). Поскольку испытуемые заранее знали, какая будет цель, и она не менялась на протяжении всего блока, информация, сообщаемая перед каждой пробой в условии с названием («найдите “В”»), была избыточной. Тем не менее даже в таких условиях испытуемые находили цель среди дистракторов из другой категории быстрее, чем среди дистракторов, принадлежащих к той же категории, что и цель.

Однако в нашей задаче названия могут быть не только у целей, но и у дистракторов. Если мы предполагаем, что дистракторы могут быть сгруппированы по степени их связи со своими категориальными названиями, и если наличие названий влияет на скорость переработки информации при зрительном поиске, возникает важный вопрос — доступна ли испытуемым информация о названии объекта, если задача этого не требует. Есть несколько экспериментальных работ, позволяющих пролить свет на этот вопрос.

Так, Э. Морселла и коллеги [Morsella, Miozzo 2002] предъявляли своим испытуемым картиночную модификацию задачи Струпа. В этой версии испытуемым предъявляются два контурных изображения предметов, наложенных друг на друга, но так, чтобы оба они были хорошо различимы. Испытуемых просили называть один объект, игнорируя другой. Было показано, что испытуемые справляются с этой задачей быстрее, когда дистрактор фонетически

похож на цель. Г. Нойзет и Ж. Пинте [Noizet, Pynte 1976] предъявляли своим испытуемым на экране набор картинок, объекты на которых имели либо короткие, либо длинные названия. Исследователи фиксировали длительность задержки взгляда на каждом изображении. При этом испытуемых просили просто рассматривать картинки, называть их или запоминать было не нужно. Было обнаружено, что на объектах с длинными названиями испытуемые задерживают взгляд на 200 мс дольше, чем на коротких, несмотря на то что их предупреждали, что после просмотра у них ничего про эти картинки спрашивать не будут. Таким образом, в обоих исследованиях было показано, что информация о названии объекта доступна испытуемым всегда, даже если она не требуется для выполнения текущей задачи.

Мы предполагаем, что если поиск цели осуществляется среди объектов, в разной степени связанных со своими категориальными названиями, объекты будут группироваться по степени (силе) этой связи, что будет влиять на эффективность зрительного поиска. Также объекты с сильной связью с названием (и цели, и дистракторы) будут обрабатываться быстрее, чем объекты со слабой связью с названием.

Основываясь на этом, мы сформулировали два предположения: 1) поиск целей, имеющих сильную связь с названием, будет успешнее, если эта цель находится среди дистракторов, обладающих слабой связью с названиями; 2) поиск целей, обладающих слабой связью с названиями, будет успешнее, если эта цель находится среди дистракторов, также обладающих слабой связью с названиями. Второе предположение было выдвинуто, потому что мы считаем, что объекты с сильной связью с названиями за счет более быстрой переработки будут привлекать внимание испытуемых, мешая поиску объекта со слабой связью с названием.

Успешность поиска мы измеряли с помощью времени поиска и заметности цели среди определенного типа объектов. Для этого мы использовали пробы, где на экране предъявлены сразу две сходные цели, но одна из них окружена дистракторами с сильной связью с названиями, а другая — дистракторами со слабой связью с названиями. Показателем заметности считался ответ испытуемого: среди каких дистракторов цель была обнаружена первой.

В качестве стимульного материала мы использовали искусственные объекты, половине из которых мы присвоили названия (бессмысленные слоги), а вторую оставили без названий. Поэтому далее с целью удобства изложения вместо «объекты с сильной связью с названиями» мы будем говорить «объекты с названиями», а вместо «объекты со слабой связью с названиями» — «объекты без названий». Мы понимаем, что наши испытуемые могли использовать какие-то собственные названия для объектов, которым мы не дали названий. Тем не менее мы полагаем, что те названия, которые были заданы экспериментатором и были нужны испытуемому для выполнения последующих заданий, обладают сильной связью с объектом, тогда как собственные словесные ассоциации обладают слабой связью с объектами, поскольку могут быть непостоянны, их может быть несколько, и они не необходимы для выполнения последующих заданий.

Наше исследование проходило в два этапа. Первый, подготовительный, этап был необходим для того, чтобы сформировать у испытуемых категории новых объектов и связать половину из них с заданными названиями. Для это-

го испытуемым демонстрировали анимации, в которых показывалось взаимодействие между двумя объектами. При этом в начале и в конце анимации испытуемым предъявляли фразу, описывающую происходящее, например «Зям упал на шена». Фраза состояла из двух имен объектов и осмысленного глагола. Первым во фразе стоял тот объект, который выполняет действие, он всегда располагался в левом верхнем углу экрана. Вторым называли объект, который в анимации оставался неподвижным. На экране он всегда располагался в правом нижнем углу экрана. Глагол употреблялся в настоящем времени перед началом движения и в прошедшем времени после окончания движения. Задача испытуемых на этом этапе состояла в том, чтобы научиться отличать объекты друг от друга, запомнить, у какого из объектов названий нет, а у какого они есть, и каковы эти названия. После просмотра 16 анимаций испытуемые проходили тест на усвоение новых категорий. В тестовой пробе испытуемым на экране предъявляли сразу все 8 объектов, и нужно было в специальном бланке записать имена тех объектов, которые имели названия, в ячейках таблицы, соответствующих положению объектов на экране, после чего испытуемому показывали правильный ответ. Тест повторяли два раза. Если испытуемый совершал хоть одну ошибку, он просматривал анимации еще раз, но уже в другой последовательности. Большинство испытуемых осваивали новый материал, просмотрев блок из 16 анимаций по два раза. Некоторые справлялись за один или за три просмотра, но их было немного, так что мы анализировали все данные вместе. Испытуемые, которым было недостаточно трех просмотров для прохождения тестовой пробы без ошибок, освобождались от дальнейшего участия. Те же, кто успешно прошли тест, переходили ко второму, собственно экспериментальному этапу, где им нужно было выполнять задачу зрительного поиска.

Последовательность предъявления стимулов в пробе показана на Рис. 1.

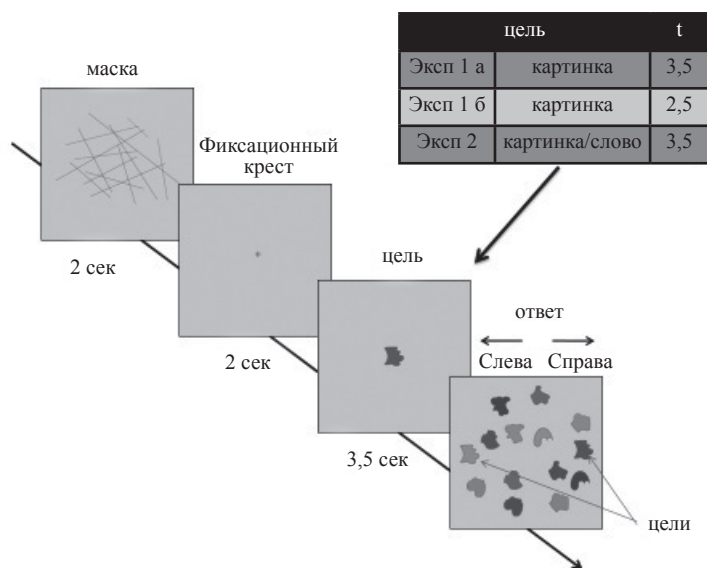

Рис. 1. Последовательность предъявления стимулов в задаче поиска и модификация способов демонстрации цели в экспериментах 1а, 1б и 2

В задаче поиска цели всегда располагались на невидимой окружности, а дистракторы были организованы таким образом, что одна половина экрана была занята только дистракторами с названиями, а другая — только дистракторами без названий. Всего было два типа проб: с одной и с двумя целями. Если испытуемые нашли цель в левой половине экрана, им нужно было нажать стрелку влево, если в правой половине экрана — стрелку вправо.

Всего мы провели три эксперимента, которые различались только способом предъявления цели. В эксперименте 1а цель задавалась картинкой, которую предъявляли на 3,5 с. В эксперименте 1б цель также задавалась картинкой, но мы сократили время ее предъявления до 2,5 с. Как показало наше пилотажное исследование, это значительно усложняет задачу для испытуемых, и мы предполагали, что сложность вынудит испытуемых больше полагаться на названия объектов как на дополнительный источник информации, что должно усилить предполагаемые эффекты. В эксперименте 2 названные цели задавались словом, а неназванные — картинкой. Время предъявления было 3,5 с. Тем самым мы хотели проконтролировать, что наши испытуемые используют названия на этапе поиска. Мы надеялись и на то, что если мы будем задавать цель словом, это вынудит испытуемых больше использовать названия, что также должно усилить предполагаемые эффекты.

После этапа поиска мы проверяли, помнят ли испытуемые названия объектов. Для этого их просили пройти тест, аналогичный тесту на первом этапе. Те испытуемые, которые допустили хотя бы одну ошибку в финальном тесте, были удалены из дальнейшей обработки. Таким образом, мы анализировали данные только тех испытуемых, которые помнили заданные названия объектов при выполнении задачи поиска, предполагая, что это является дополнительным аргументом в пользу того, что испытуемые сформировали устойчивую сильную связь объектов с заданными названиями. В конце испытуемых просили заполнить постэкспериментальную анкету, где спрашивали, как они давали ответы в пробах с двумя целями. Испытуемые, которые в анкете указывали, что в этих пробах они отвечали не про ту сторону, где они заметили объект первым, а как-то по-другому, были удалены из дальнейшей обработки.

Пробы с одной и двумя целями анализировали по отдельности.

Анализ точности ответов в пробах с одной целью для всех трех экспериментов показал, что испытуемые правильно находят цель более чем в 94% случаев. Это говорит о том, что испытуемые отвечали не наугад. А значит, и их ответы в пробах с двумя целями мы также можем анализировать. Для того чтобы оценить время поиска цели среди дистракторов, мы провели двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA), где в качестве факторов выбрали тип цели (с названием и без названия) и тип дистракторов, окружающих цель (с названием и без названия), т. е. каждый фактор обладал двумя градациями. Такой тип анализа был использован во всех трех экспериментах, как для проб, где на экране предъявлялась одна цель, так и для проб, где на экране предъявлялись две цели. Анализ времени поиска в пробах с одной целью в эксперименте 1а показал значимое влияние фактора «тип цели»: $F(1, 17) = 5,84, p = 0,016$, а также взаимодействие факторов «тип цели» и «тип дистракторов»: $F(1, 17) = 4,206, p = 0,041$, т. е. испытуемые дольше ищут цели с названиями среди дистракторов без названий. Результаты можно увидеть на *Диаграмме 1*.

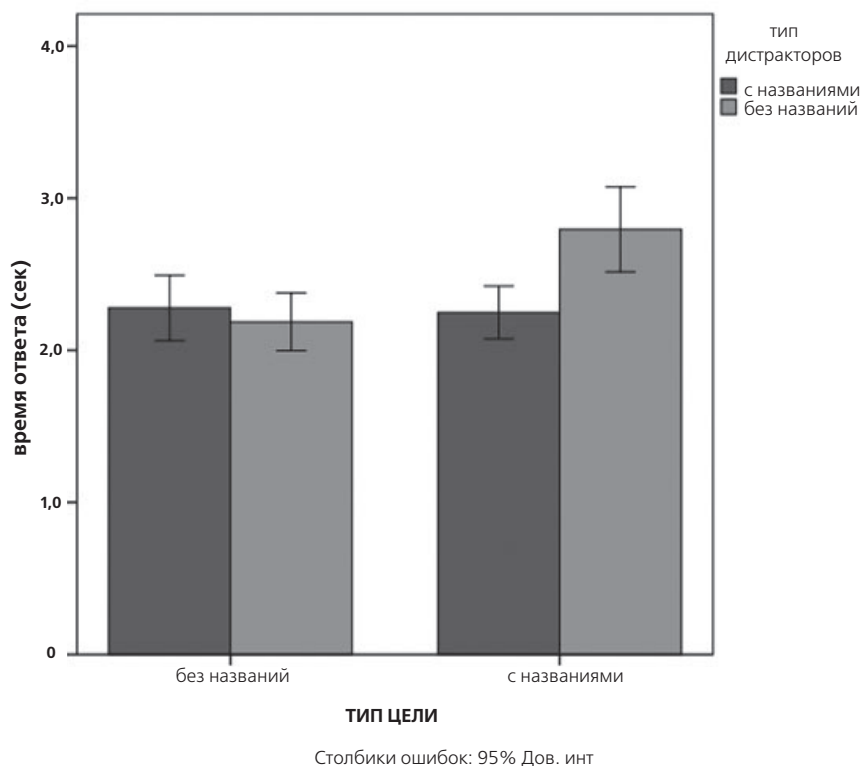

Диаграмма 1. Среднее время поиска цели с названием и без названия, среди дистракторов с названиями и без названий, в пробах с одной целью в эксперименте 1а

Однако в эксперименте 1b было показано, что испытуемые дольше ищут цели без названий: $F(1, 15) = 5,07$, $p = 0,024$ (см. *Диаграмму 2*), а в эксперименте 2 не было обнаружено различий во времени поиска: $F(3, 26) = 1,62$, $p = 0,183$. При этом вопреки нашим предположениям было показано, что во всех трех экспериментах тип дистракторов, окружающих цель, не влияет на время поиска.

Анализ проб с двумя целями показал, что в эксперименте 1а испытуемые чаще находят цель с названием среди дистракторов без названий: $\chi^2 = 3,85$, $df = 1$, $p = 0,05$. Но в эксперименте 1б, который отличался от эксперимента 1а только тем, что цель демонстрировалась на секунду меньше, было показано, что цели без названий чаще обнаруживаются первыми среди дистракторов с названиями: $\chi^2 = 9,96$, $df = 1$, $p = 0,002$. А во втором эксперименте не было выявлено никаких различий в тенденции испытуемых обнаруживать цель первой. Результаты можно увидеть в *Табл. 1*.

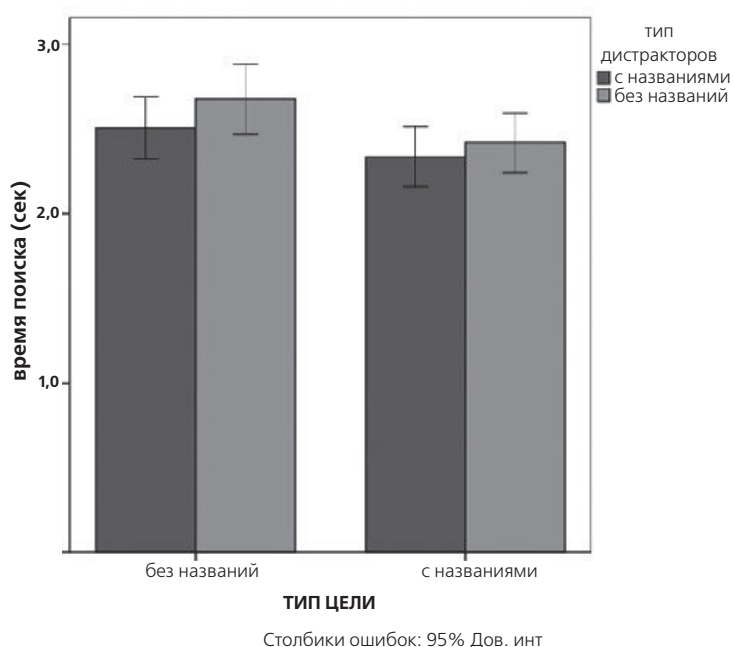

Диаграмма 2. Среднее время поиска цели с названием и без названия, среди дистракторов с названиями и без названий, в пробах с одной целью в эксперименте 16

Таблица 1. Доля обнаружения цели (с названием или без названия) первой среди дистракторов с названиями или без в пробах с двумя целями в экспериментах 1а, 16, 2

		Среди дистракторов без названий	Среди дистракторов с названиями
Эксперимент 1а (цель задается картинкой, предъявленной на 3,5 с)	Цель с названием	56%*	44%
	Цель без названия	45,9%	54,1%
Эксперимент 16 (цель задается картинкой, предъявленной на 2,5 с)	Цель с названием	49,8%	50,2%
	Цель без названия	39,8%	60,2%*
Эксперимент 2 (цель с названием задается названием, цель без названия — картинкой. Время предъявления цели — 3,5 с)	Цель с названием	47%	53%
	Цель без названия	48,7%	51,3%

Примечание. * $p < 0,05$

Анализ времени поиска в экспериментах 1а и 1б не выявил значимых различий. А в эксперименте 2 было показано, что цели с названиями ищутся дольше, чем цели без названий, т. е. было получено значимое влияние фактора «тип цели»: $F(1, 26) = 5,92, p = 0,015$, но, как и в предыдущих экспериментах, оказалось, что тип дистракторов, окружающих цель, не влияет на время поиска. Сам же результат, согласно которому цели с названиями ищутся дольше, чем цели без названий, соответствует уже существующим данным о том, что поиск по картинке быстрее поиска по слову [Wolfe et al. 2004]. Напомним, что в эксперименте 2 цели без названий задавались картинкой, а цели с названием — словом.

Таким образом, выдвинутые нами гипотезы в большинстве случаев не подтвердились. Во всех трех экспериментах было показано, что тип дистракторов, окружающих цель, не влияет на время поиска цели. Что касается заметности цели среди определенных дистракторов, в эксперименте 1а наша первая гипотеза подтвердилась: испытуемые первой обнаруживали цель с названием среди дистракторов без названий. Но в эксперименте 1б был получен результат, противоположный нашей второй гипотезе: испытуемые были склонны первой находить цель без названия среди дистракторов с названиями, а в эксперименте 2 не воспроизвелись результаты ни одного из наших предыдущих экспериментов. Мы предполагаем, что нестабильность полученных результатов вызвана варьированием способа задания цели. Сокращение времени демонстрации цели в эксперименте 1б и задание цели по названию в эксперименте 2 усложнили задачу для испытуемых. Но вместо того чтобы побудить их больше использовать названия, как мы предполагали, это могло затруднить испытуемым создание зрительной репрезентации цели. В эксперименте 1б испытуемым не хватало времени, чтобы запомнить, как выглядит цель. А в эксперименте 2 нужно было по названию актуализировать перцептивный образ цели. Таким образом, у испытуемых могло не остаться достаточно ресурсов на то, чтобы обработать информацию о связи объектов с названиями. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы внести ясность в этот вопрос.

Литература

- Daoutis et al. 2006 — *Daoutis Ch. A., Pilling M., Davies I. R. L.* Categorical effects in visual search for colour // *Visual Cognition*. Vol. 14. No. 2. 2006. P. 217–240.
- Duncan, Humphreys 1989 — *Duncan J., Humphreys G. W.* Visual search and stimulus similarity // *Psychological Review*. Vol. 96. No. 3. 1989. P. 433–458.
- Lupyan 2008 — *Lupyan G.* The conceptual grouping effect: Categories matter (and named categories matter more) // *Cognition*. Vol. 108. No. 2. 2008. P. 566–577.
- Morsella, Miozzo 2002 — *Morsella E., Miozzo M.* Evidence for a cascade model of lexical access in speech production // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 28. No. 3. 2002. P. 555–563.
- Noizet, Pynte 1976 — *Noizet G., Pynte J.* Implicit labeling and readiness for pronunciation during the perceptual process // *Perception*. Vol. 5. No. 2. 1976. P. 217–223.
- Schmidt, Zelinsky 2009 — *Schmidt J., Zelinsky G.* Search guidance is proportional to the categorical specificity of a target cue // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 62. No. 10. 2009. P. 1904–1914.

- Vales, Smith 2015 — *Vales C., Smith L. B.* Words, shape, visual search and visual working memory in 3-year-old children // *Developmental Science*. Vol. 18. No. 1. 2015. P. 65–79.
- Wolfe et al. 2007 — *Wolfe J. M., Horowitz T. S., Van Wert M. J., Kenner N. M., Place S. S., Kibbi N.* Low target prevalence is a stubborn source of errors in visual search tasks // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 136. No. 4. 2007. P. 623–638.
doi: 10.1037/0096-3445.136.4.623.
- Yang, Zelinsky 2009 — *Yang H., Zelinsky G.* Visual search is guided to categorically defined targets // *Vision Research*. Vol. 49. No. 16. 2009. P. 2095–2103.

THE INFLUENCE OF CATEGORICAL LABELS ON VISUAL SEARCH PERFORMANCE

Morozov, Maxim I.

PhD student

*Department of Psychology, School of Public Policy,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119606, Moscow, prospect Vernadskogo 84,
Tel.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: morozovmaksimmm@gmail.com*

Abstract. In the current study we investigated how the presence or absence of categorical labels for a particular object in an experiment can influence our visual search of that object if it is placed among distractors which also have categorical labels in the experiment or have no labels. We hypothesized that a visual search for a labeled target would be more effective if it were located among non-labeled distractors. We also hypothesized that a visual search for a non-labeled target would be more effective if it were located among non-labeled distractors. The last hypothesis was put forward because we thought that labeled objects would attract our attention more than non-labeled ones, which would interfere with a search for a non-labeled target. Our experiment consisted of two stages. In the first, preparatory stage, participants acquired new categories and learned labels for half of them. In the second, experimental stage, participants performed the visual search task. In total, we conducted three studies where we varied the manner of target designation. Our results show that participants do a search faster if a target is located among distractors which are also labeled, or else non-labeled, like the target (experiment 1a). In trials where there were two targets on a screen, located among labeled and non labeled distractors, participants tended to find a labeled target among non-labeled distractors first (experiment 1a). Unfortunately, those results were not replicated in the following experiments (experiments 1b and 2), where the search task was harder for participants.

Keywords: categorical visual search, labeled categories, non-labeled categories

References

- Daoutis, Ch. A., Pilling, M., Davies, I. R. L. (2006). Categorical effects in visual search for colour. *Visual Cognition*, 14(2), 217–240.
- Duncan, J., Humphreys, G. W. (1989). Visual search and stimulus similarity. *Psychological Review*, 96(3), 433–458.
- Lupyan, G. (2008). The conceptual grouping effect: Categories matter (and named categories matter more). *Cognition*, 108(2), 566–577.
- Morsella, E., Miozzo, M. (2002). Evidence for a cascade model of lexical access in speech production. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 28(3), 555–563.
- Noizet, G., Pynte, J. (1976). Implicit labeling and readiness for pronunciation during the perceptual process. *Perception*, 5(2), 217–223.
- Schmidt, J., Zelinsky, G. (2009). Search guidance is proportional to the categorical specificity of a target cue. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 62(10), 1904–1914.
- Vales, C., Smith, L. B. (2015). Words, shape, visual search and visual working memory in 3-year-old children. *Developmental Science*, 18(1), 65–79.
- Wolfe, J. M., Horowitz, T. S., Van Wert, M. J., Kenner, N. M., Place, S. S., Kibbi, N. (2007). Low target prevalence is a stubborn source of errors in visual search tasks. *Journal of Experimental Psychology: General*, 136(4), 623–638. doi: 10.1037/0096-3445.136.4.623.
- Yang, H., Zelinsky, G. (2009). Visual search is guided to categorically defined targets. *Vision Research*, 49(16), 2095–2103.
- MOROZOV, M. I. (2017). THE INFLUENCE OF CATEGORICAL LABELS ON VISUAL SEARCH PERFORMANCE. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 87–97

**А. В. СМЕРНИЦКАЯ,
И. Ю. ВЛАДИМИРОВ**

Смирницкая Анастасия Витальевна
*магистрант, кафедра общей психологии, факультет психологии,
Ярославский государственный университета им. П. Г. Демидова
Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14
Тел.: +7 (915) 979-30-33
E-mail: a9159793033@gmail.com*

Владимиров Илья Юрьевич
*кандидат психологических наук
доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии,
Ярославский государственный университета им. П. Г. Демидова
Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14
Тел.: +7 (909) 279-88-97
E-mail: kein17@mail.ru*

РАЗЛИЧИЯ В АКТИВНОСТИ УПРАВЛЯЮЩЕГО КОНТРОЛЯ ПРИ РЕШЕНИИ АЛГОРИТМИЗИРОВАННЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ: МЕТОД ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ¹

Аннотация. Работа посвящена электроэнцефалографическому исследованию активности управляющего контроля при решении творческих задач в сравнении с алгоритмизированными. Авторы вслед за А. Лавриком и коллегами предполагали, что активность управляющего контроля выше для решения алгоритмизированных задач (она необходима для оперирования элементами задачи и для поддержания репрезентации в рабочей памяти) и незначительна для решения инсайтных. Исследование представляет собой репликацию работы А. Лаврика на русскоязычной выборке. Полученные данные противостоят результатам оригинального исследования: функция контроля более выражена при решении инсайтной задачи. Следовательно, управляющий контроль является сопровождающим процессом в решении как алгоритмизированных, так и инсайтных задач. В ходе исследования были выявлены критерии, соблюдение которых позволит дать ответ на вопрос о роли управляющего контроля в решении инсайтных задач.

Ключевые слова: Решение задач, управляющий контроль, инсайт, P300

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 15-06-07899а).

Решение творческих мыслительных задач непредсказуемо [Пономарев 1989], ход решения не представляется изначально [Ohlsson 1992], ответ возникает внезапно [Metcalfе, Wiebe 1987] в отсутствие стратегий. В этом состоит их отличие от четко определенных аналитических задач, решение которых включают систематический анализ, планирование и проверку. Однако некоторые авторы полагают, что процессы, лежащие в основе решения обоих типов задач, принципиально не различаются [Weisberg, Alba 1981]. На данный момент нет единой теории, опровергающей или подтверждающей специфические и неспецифические процессы в решении инсайтных задач.

Часто в качестве специфического механизма инсайта рассматривают «отключение» управляющего контроля [Ash, Wiley 2006]. Предполагается, что снижение уровня контроля и приводит к решению задачи, выходу из «тупика», преодолению фиксированности. Контроль в данном аспекте рассматривается как внимание, направленное на процессы оперирования с элементами задачи, поддержания репрезентации в рабочей памяти [Awh et al. 2006]. Но при решении творческих задач исследователи также отмечают разную роль управляющих функций. В работе [Владимиров и др. 2016] показано, что в ходе решения как алгоритмизированных, так и инсайтных задач функция контроля необходима на протяжении всего решения, однако в инсайтных задачах контроль ведет себя неоднозначно, данные варьируют в разных экспериментальных сериях. Это предположительно связано с разными вторичными заданиями — зондами и, следовательно, с конкуренцией за разный ресурс: контроль включает не только функцию мониторинга действий и операций, поддержания репрезентации, но и детекцию ошибок, удержание и отказ от неверных стратегий решения. Различия в функции контроля преимущественно были выявлены в середине временного интервала решения, что может соответствовать стадии тупика. Считается, что для выхода из тупика (или в момент этого этапа) происходит процесс реструктурирования, который также рассматривается с двух сторон: как сознательный, подчиненный контролю [Kaplan, Simon 1990; Ohlsson 1984] или как неосознаваемый, «автоматический» [Ash, Wiley 2006; Bowden, Jung-Beeman 1998; Metcalfе 1986] процесс работы с репрезентаций.

Для изучения проблемы творчества применяются различные стратегии: от исследований творческих людей (художников, музыкантов и др.) и выявления свойств когнитивных процессов, коррелирующих с успешным решением, до мониторинга деятельности мозга в процессе решения творческих задач [Wiggins, Bhattacharya 2014]. Имеется также внушительное количество работ с применением структурно магнитно-резонансной томографии, функционально магнитно-резонансной томографии, позитронно эмиссионной томографии, электроэнцефалографии (ЭЭГ). Управляющие функции имеют выявленные физиологические корреляты, по которым мы можем отслеживать их активность. Поэтому аппаратные методы полезны для исследования особенностей динамики протекания творческого решения выступают методы, имеющие хорошее временное разреше-

ние. Регистрация электрической активности мозга с помощью методов ЭЭГ является наилучшим по этому параметру [Jung-Beeman et al. 2004]. В ходе теоретического анализа работ с использованием аппаратных методов Р. Арден и коллеги выделили следующие корреляты процесса творческого решения: доминирование активности правого полушария, высокая нейронная взаимосвязь, низкая корковая активация, связь творческого решения с функциями префронтальной и фронтальной коры [Arden et al. 2010]. Данные во многом остаются противоречивыми, что связано как с разными способами и исследовательскими парадигмами, так и с тем, что творческий процесс не имеет единой структуры: он развивается во времени с чередованием этапов, различных по специфике и продолжительности. Это затрудняет интерпретацию и сопоставление полученных данных. Для наиболее точного изучения мозговых процессов в ходе решения задачи могут использоваться методы стимуляции мозга [Cerruti, Schlaug 2009; Chi, Snyder 2011]. Работы с использованием метода вызванных потенциалов существуют в нескольких парадигмах. Это исследования, где сама задача или ответ на нее являются стимулом [Zhao et al. 2011; Gao, Zhang 2014], или где производится стимуляция в процессе решения задач [Lavric et al. 2000]. Например, в работе [Ibid.] с применением метода вызванных потенциалов мозга была продемонстрирована разница вклада управляющего контроля в процессы решения задач разных типов. Было выявлено, что во время решения аналитических задач компонент вызванного потенциала мозга, отражающий деятельность функции контроля (P300), более выражен, чем при решении с инсайтной задачей.

Вызванный потенциал P300 (позитивный потенциал, который наблюдается через 250–400 мс после подачи стимула) связан с избирательностью внимания и отвечает за прием и переработку информации, оценку, принятие решения о действии со стимулом — обновление «эталона» стимула в памяти. Данный компонент более выражен при привлечении внимания, что отражается в показателях амплитуды. Время задержки появления пика данного потенциала после подачи стимула варьируется в зависимости от сложности задачи и индивидуальных показателей когнитивных процессов [Дорошенко, Полякова 1994]. В работе М. Познера [Posner 1994] внимание рассматривается как система контроля умственных процессов. Предполагается существование нескольких систем внимания: системы произвольного, управляющего внимания, детекции цели (представлена в передней цингулярной извилине и дорзолатеральной префронтальной коре) и системы непроизвольного внимания, которая включает в себя теменную кору, подушку зрительного бугра и верхние бугорки четверохолмия [Мачинская 2003]. Также различают несколько включенных в P300 компонентов: P3a (фронтальный) — отражающий механизмы фронтального внимания, связанные с оценкой стимула, и P3b (париетальный) — локализующийся в височно-теменных регионах, отражающий поддержание контекста и обработку стимула в памяти [Polich 2007]. Данные о различных механизмах внимания сопоставимы с компонентами когнитивного вызванного потенциала P300. Более тщательный анализ экспериментальных данных, выполненных в данной парадигме, может позволить отследить, какие из функций

контроля необходимы при решении инсайтных и неинсайтных задач, а следовательно, разрешить существующую неоднозначность о роли контроля в решении задач разных типов.

Исследования с использованием ЭЭГ в основном фиксируют данные, не позволяющие оценить динамику управляющих функций. Работа [Lavric et al. 2000] предлагает метод, который теоретически позволяет это сделать. Однако поскольку работ, выполненных в данной парадигме, больше нет, мы прежде всего решили проверить предлагаемый Лавриком и коллегами метод, реплицировать их исследование и оценить воспроизводимость полученных ими результатов.

Гипотезы исследования

1. Управляющий контроль необходим для решения алгоритмизированных и неважен для инсайтных задач.

Гипотеза операционализируется следующим образом: вызванный потенциал Р300 будет иметь большую амплитуду в условии с алгоритмизированной задачей (показатель большей нагрузки на управляющий контроль).

2. В условии решения задачи с одновременным подсчетом стимулов (условие двойной задачи) контроль более загружен по сравнению с условием выполнения пробы в режиме единственной задачи, в силу конкуренции за ресурс.

Гипотеза операционализируется следующим образом: вызванный потенциал Р300 будет иметь большую амплитуду в условии двойной задачи.

Процедура

Процедура данного экспериментального исследования соответствует процедуре, описанной в работе [Lavric et al. 2000]. Используется метод двойной задачи, который основан на идее конкуренции за ресурсы внимания и рабочей памяти [Kahneman 1973]. В качестве конкурирующего задания выступает подсчет звуковых стимулов, которые используются для последующего анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга. Стимуляция производится в однотональном режиме (single tone paradigm) [Cass, Polich 1997]: подразумевается подсчет испытуемым подаваемых звуковых стимулов одинакового тона. В исследовании испытуемому было последовательно предложено выполнить три задания: подсчет звуков без решения задачи, подсчет звуков с решением одной из инсайтных задач, подсчет звуков с решением алгоритмизированной задачи. В каждом из условий испытуемый выполнял задание в течение не более 75 секунд, после чего его прерывали, спрашивали результат подсчета стимулов и ответ на задачу, если она подразумевалась условием. Вся процедура решения сопровождалась регистрацией ЭЭГ (225 секунд записи по всем трем условиям для каждого из испытуемых). Количество поданных звуковых сигналов за 75 секунд равно 53. Характеристики подаваемых звуковых стимулов: 440 Гц, длительность 200 мс с псевдослучайным интервалом в 1000–2000 мс, предъявление производилось с динамиков персональ-

ного компьютера. Для регистрации ЭЭГ использовали усилитель NVX-36 с программным обеспечением NeoCortex. Полоса записи 0,1–30 Гц с режекторным фильтром в 50 Гц, частота дискретизации — 500 Гц. Использовали мостиковые электроды, установленные по стандарту 10–20 по следующим отведениям: Fp1, Fp2, F7, F3, Fz, F4, F8, T3, C3, Cz, C4, T4, P3, Fz, P4, O1, Oz, O2. Запись происходила монополярно с референтом на ушных отведениях (A1, A2 соответственно полушариям), с заземлением на лбу (Fpz). Триггерным каналом являлся Po4. Для проведения эксперимента была разработана программа на языке Python, которая предъявляла инструкции, задания, а также производила стимуляцию.

Усреднение кривой ЭЭГ производили программным обеспечением автоматически, по расставленным вручную эпохам в 1024 мс. Эпохи выделяли по триггерным меткам, которые представляли собой отдельную кривую, отражающую начало подачи звукового стимула как нарастающий пик с последующим спадом. Для дальнейшей чистки результатов выборки были выбраны следующие критерии: на записи ЭЭГ выделено не менее 15 эпох для последующего усреднения, предыдущий критерий должен быть выполнен для всех трех условий; если хоть в одном из условий нет возможности выделить необходимое число эпох, все результаты испытуемого исключались из дальнейшего анализа. Также убирали результаты испытуемых, которые сообщали, что не считали звуки в какой-либо из проб. Общая выборка составила 21 человек. После очистки результатов осталось 10 человек, в связи с чем приведенные ниже результаты скорее являются трендами, невзирая на значимость некоторых из них.

Анализ и интерпретация результатов

Для обработки данных использовали процедуры факторного анализа (анализ главных компонент) и многофакторный дисперсионный анализ (для сравнения контрольных и экспериментальных условий).

Поскольку компонент P300 вариативен не только по амплитуде, но и по латентности в зависимости от индивидуальных характеристик испытуемого, для исследования на небольшой выборке необходимо иметь наиболее точные окна анализа, для чего нами был использован факторный анализ. Анализ главных компонент был произведенным по результатам всех проб каждого из испытуемых на интервале записи 200–400 мс (после подачи стимула), именно на этом участке мы ожидаем увидеть положительный позитивный пик (P300). Данный анализ позволил выделить окна, необходимые для последующей обработки. По результатам мы выявили три главных компоненты: 332–398 мс, 200–266 мс, 288–322 мс. Далее в каждом из окон был получен усредненный результат амплитуд (отдельно для каждого испытуемого; условия; по каждому из отведений).

Основные гипотезы проверялись с помощью дисперсионного анализа. Было проанализировано влияние разных экспериментальных условий в выявленных окнах записи на активность во всех фиксируемых регионах. По результатам выявлено, что наибольшее количество различий наблюдается в окнах первой и третьей компонент, во второй же компоненте

(200–266 мс) различия минимальны. Далее было произведено усреднение результатов в каждом из условий по регионам: лобный (Fr), центрально-теменной (CP), височный (T) и по полушариям (L, R), для первой и третьей компоненты. Результаты рассчитывали при помощи однофакторного дисперсионного анализа с применением поправки Бонферрони.

В первой компоненте (Рис. 1) были выявлены различия в центрально-теменных отведениях (Fz, Cz, Pz) между условиями без решения задачи с решением алгоритмизированной задачи ($F(1, 18) = 4,77, p = 0,042, \eta^2 = 0,21$). В центрально-теменном регионе правого полушария для условий без решения задачи и с решением инсайтной задачи ($F(1, 18) = 5,58, p = 0,03, \eta^2 = 0,24$). В височном регионе левого полушария для условий с решением инсайтной и алгоритмизированной задач ($F(1, 18) = 10,55, p = 0,004, \eta^2 = 0,37$). В височном регионе правого полушария для условий без решения и с решением инсайтной задачи ($F(1, 18) = 10,04, p = 0,005, \eta^2 = 0,36$). Во всех случаях среднее в условии с решением инсайтной задачи выше, чем в иных условиях. В сравнении условий без решения задачи с решением алгоритмизированной задачи среднее выше во втором случае.

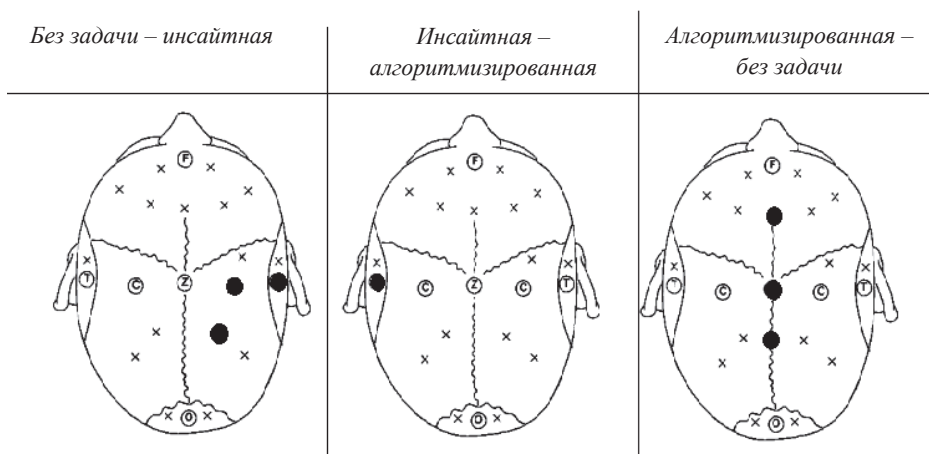

Рис. 1. Анализ первой компоненты
Черными кругами обозначены области различий в разных условиях

При анализе третьей компоненты (Рис. 2) были получены следующие результаты. В сравнении условий без задачи с инсайтной задачей различия наблюдаются в лобных регионах левого полушария ($F(1, 18) = 5,51, p = 0,03, \eta^2 = 0,23$), в центрально-теменных левого полушария ($F(1, 18) = 6,08, p = 0,024, \eta^2 = 0,25$), в центральных ($F(1, 18) = 7,59, p = 0,013, \eta^2 = 0,3$), в центрально-теменных правого полушария ($F(1, 18) = 8,54, p = 0,009, \eta^2 = 0,32$), а также в правовисочном регионе ($F(1, 18) = 10,7, p = 0,004, \eta^2 = 0,37$). Во всех случаях среднее выше в условии с решением инсайтной задачи. Различия между условиями без решения и с алгоритмизированной задачей выявлено только в височном регионе правого полушария ($F(1, 18) = 7,3, p = 0,015, \eta^2 = 0,29$), в случае с решением алгоритмизированной задачей среднее выше.

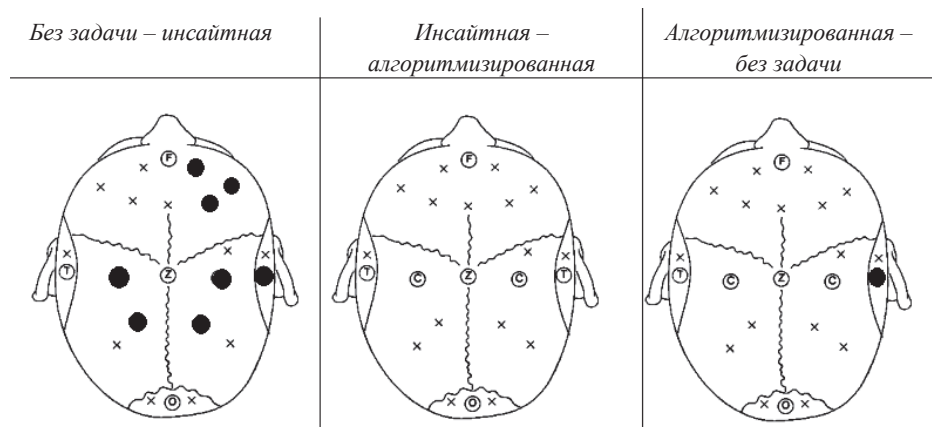

Рис. 2. Анализ третьей компоненты
Черными кругами обозначены области различий в разных условиях

В ходе анализа было выявлено, что наибольшее количество различий присутствует в сравнении условий с подсчетом звуковых стимулов без решения задачи и с условием, где помимо подсчета стимулов решается инсайтная задача. В первой компоненте это повышение активности в височной и центрально-теменной области правого полушария, в третьей к этому добавляется более высокая активность в лобных регионах правого полушария и центрально-теменной области левого полушария. При сравнении условий без задачи с условием, где присутствует решение алгоритмизированной задачи, в первой компоненте повышается активность в центральных отведениях, а во второй — в височном отведении правого полушария, с наибольшей активностью в условии с двойной задачей. Эти данные подтверждают гипотезу о повышении активности в следующем условии: контроль более загружен по сравнению с условием выполнения пробы в режиме единственной задачи в силу возникающей конкуренции за ресурсы внимания. Но выявленные регионы различий требуют отдельного анализа.

Однако в сравнении инсайтной и алгоритмизированной задач достоверных различий выявлено не было, за исключением височного региона левого полушария в первой компоненте, притом с активностью, более высокой в условии с решением инсайтной задачи. Данный факт опровергает гипотезу о более высокой активности контроля в ходе решения алгоритмизированной задачи. Но такой эффект мог быть получен из-за некоторых специфических процедур эксперимента: не все задачи были решены до конца, не фиксировалась стратегия решения задачи испытуемым, задачи имеют разный уровень сложности и требуют разного типа репрезентации.

Выводы

В нашем случае наибольшая амплитуда вызванного потенциала, обозначенного нами как P300, присутствует в решении инсайтных задач по сравне-

нию с решением алгоритмизированных и условием без решения задачи, что противоречит первой выдвинутой гипотезе о необходимости управляющего контроля для решения алгоритмизированных и его снижения для инсайтных задач. Данные противоречат тем, что были получены в исследовании А. Лаврика [Lavric et al. 2000], где показано, что вызванный потенциал Р300 значимо выше в условии с решением алгоритмизированной задачи. Однако вторая гипотеза о большей загруженности контроля в условии двойной задачи по сравнению с условием выполнения пробы в режиме единственной задачи в силу конкуренции за ресурс подтверждается: действительно, амплитуда компонента вызванных потенциалов мозга Р300 выше в условиях двойной задачи.

Для анализа выявленных регионов, на которых присутствуют различия, необходимо дополнительное исследование, которое удовлетворяло бы требованиям, выдвинутым в ходе анализа процедуры данного исследования. А именно: задачи должны быть уравнены по уровню сложности и первичному представлению; фоновое задание во время решения задачи должно быть направлено в большей степени на детекцию уровня контроля, а не на загрузку рабочей памяти; также необходимо увеличить время записи и фиксировать стратегию решения задачи.

Литература

- Владимиров и др. 2016 — Владимиров И. Ю., Коровкин С. Ю., Лебедь А. А., Савинова А. Д., Чистопольская А. В. Управляющий контроль и интуиция на различных этапах творческого решения // Психологический журнал. Т. 37. № 1. 2016. С. 48–60.
- Дорошенко, Полякова 1994 — Дорошенко В. А., Полякова М. В. Метод регистрации вызванных потенциалов мозга // Методы исследований в психофизиологии / Под ред. А. С. Батуева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. С. 46–110.
- Мачинская 2003 — Мачинская Р. И. Нейрофизиологические механизмы произвольного внимания (аналитический обзор) // Журнал высшей нервной деятельности. Т. 53. № 2. 2003. С. 133–150.
- Пономарев 1989 — Пономарев Я. А. Психология творчества // Тенденция развития психологической науки / Под ред. Б. Ф. Ломова, Л. И. Анциферовой. М.: Наука, 1989. С. 21–34.
- Arden et al. 2010 — Arden R., Chavez R. S., Grazioplene R., Jung R. E. Neuroimaging creativity: a psychometric view // Behavioural Brain Research. Vol. 214. No. 2. 2010. P. 143–156.
- Ash, Wiley 2006 — Ash I. K., Wiley J. The nature of restructuring in insight: An individual-differences approach // Psychonomic Bulletin & Review. Vol. 13. No. 1. 2006. P. 66–73.
- Awh et al. 2006 — Awh E., Vogel E. K., Oh S.-H. Interactions between attention and working memory // Neuroscience. Vol. 139. No. 1. 2006. P. 201–208.
- Bowden, Jung-Beeman 1998 — Bowden E. M., Beeman M. J. Getting the right idea: Semantic activation in the right hemisphere may help solve insight problems // Psychological Science. Vol. 9. No. 6. 1998. P. 435–440.
- Cass, Polich 1997 — Cass M., Polich J. P300 from a single-stimulus paradigm: Auditory intensity and tone frequency effects // Biological Psychology. Vol. 46. No. 1. 1997. P. 51–65.
- Cerruti, Schlaug 2009 — Cerruti C., Schlaug G. Anodal transcranial direct current stimulation of the prefrontal cortex enhances complex verbal associative thought // Journal of Cognitive Neuroscience. Vol. 21. No. 10. 2009. P. 1980–1987.
- Chi, Snyder 2011 — Chi R. P., Snyder A. W. Facilitate insight by non-invasive brain stimulation // PLoS ONE. Vol. 6. No. 2. 2011. e16655.

- Gao, Zhang 2014 — *Gao Y., Zhang H.* Unconscious processing modulates creative problem solving: Evidence from an electrophysiological study // *Consciousness and Cognition*. Vol. 26. No. 1. 2014. P. 64–73.
- Jung-Beeman et al. 2004 — *Jung-Beeman M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber, P. J., Kounios J.* Neural activity when people solve verbal problems with insight // *PLoS Biology*. Vol. 2. No. 4. 2004. e97.
- Kahneman 1973 — *Kahneman D.* Attention and effort. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.
- Kaplan, Simon 1990 — *Kaplan C. A., Simon H. A.* In search of insight // *Cognitive Psychology*. Vol. 22. No. 3. 1990. P. 374–419.
- Lavric et al. 2000 — *Lavric A., Forstmeier S., Rippon G.* Differences in working memory involvement in analytical and creative tasks: An ERP study // *NeuroReport*. Vol. 11. No. 8. 2000. P. 1613–1618.
- Metcalf 1986 — *Metcalf J.* Feeling of knowing in memory and problem solving // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 12. No. 2. 1986. P. 288–294.
- Metcalf, Wiebe 1987 — *Metcalf J., Wiebe D.* Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory & Cognition*. Vol. 15. No. 3. 1987. P. 238–246.
- Ohlsson 1984 — *Ohlsson S.* Restructuring revisited. I: Summary and critique of the Gestalt theory of problem solving // *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 25. No. 1. 1984. P. 65–78.
- Ohlsson 1992 — *Ohlsson S.* Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking* / Ed. by M. T. Keane, K. J. Gilhooly. London: Harvester; Wheatsheaf, 1992. P. 1–44.
- Polich 2007 — *Polich J.* Updating P300: An integrative theory of P3a and P3b // *Clinical Neurophysiology*. Vol. 118. No. 10. 2007. P. 2128–2148.
- Posner 1994 — *Posner M. I.* Attention: the mechanisms of consciousness // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 91. No. 16. 1994. P. 7398–7403.
- Weisberg, Alba 1981 — *Weisberg R. W., Alba J. W.* An examination of the alleged role of “fixation” in the solution of several “insight” problems // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 110. No. 2. 1981. P. 169–192.
- Wiggins, Bhattacharya 2014 — *Wiggins G. A., Bhattacharya J.* Mind the gap: An attempt to bridge computational and neuroscientific approaches to study creativity // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 8. 2014. P. 1–15.
- Zhao et al. 2011 — *Zhao Y., Tu S., Lei M., Qiu J., Ybarra O., Zhang Q.* The neural basis of breaking mental set: An event-related potential study // *Experimental Brain Research*. Vol. 208. No. 2. 2011. P. 181–187.

DIFFERENCES IN THE ACTIVITY OF THE EXECUTIVE FUNCTIONS IN ALGORITHMIC AND INSIGHT PROBLEM SOLVING: ERP STUDY

Smirnitckaya, Anastasiya V.

MS student, Chair of General Psychology, Department of Psychology,

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Russia, 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14

Tel.: +7 (915) 979-30-33

E-mail: a9159793033@gmail.com

Vladimirov, Ilya Yu.

PhD (Candidate of Science in Psychology)

Associate Professor, Chair of General Psychology, Department of Psychology

P. G. Demidov Yaroslavl State University,

Tel.: +7 (909) 279-88-97

E-mail: kein17@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the investigation of electroencephalographic activity of executive functions in problem solving. We compared differences in solving insight and algorithmic problems. In the work of A. Lavric and colleagues it was shown that the activity of the executive functions is higher when subjects face algorithmic problems (it is necessary to operate with elements of the problem and to save representations in the working memory) and is not essential for insight problem solving. This study is an adaptation of Lavric's study with Russian-speaking participants. Our findings contradict the results of the original research: the executive function is more prominent in insight problem solving. We conclude that the executive function accompanies the problem-solving process in the case of both algorithmic and creative problems. Differences in data obtained from different samples are the result of using the computer version of the experimental stimuli and of the type of problems chosen for the experiment. The study identified criteria that might warrant further investigation in finding answers to the question about the role of the executive functions in insight problem solving.

Keywords: Problem solving, executive functions, insight, P300

References

- Arden, R., Chavez, R. S., Grazioplene, R., Jung, R. E. (2010). Neuroimaging creativity: A psychometric view. *Behavioural Brain Research*, 214(2), 143–156.
- Ash, I. K., Wiley, J. (2006). The nature of restructuring in insight: An individual-differences approach. *Psychonomic Bulletin & Review*, 13(1), 66–73.
- Awh, E., Vogel, E. K., Oh, S.-H. (2006). Interactions between attention and working memory. *Neuroscience*, 139(1), 201–208.
- Bowden, E. M., Beeman, M. J. (1998). Getting the right idea: Semantic activation in the right hemisphere may help solve insight problems. *Psychological Science*, 9(6), 435–440.
- Cass, M., Polich, J. (1997). P300 from a single-stimulus paradigm: Auditory intensity and tone frequency effects. *Biological Psychology*, 46(1), 51–65.
- Cerruti, C., Schlaug, G. (2009). Anodal transcranial direct current stimulation of the prefrontal cortex enhances complex verbal associative thought. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 21(10), 1980–1987.
- Chi, R. P., Snyder, A. W. (2011). Facilitate insight by non-invasive brain stimulation. *PloS ONE*, 6(2), e16655.
- Doroshenko, V. A., Poliakova, M. V. (1994). Metod registratsii vyzvannykh potentsialov mozga [The method of recording evoked brain potentials]. In A. S. Batuev (Ed.). *Metody issledovaniy v psikhofiziologii* [Research methods in psychophysiology], 46–110. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta (In Russian).

- Gao, Y., Zhang, H. (2014). Unconscious processing modulates creative problem solving: Evidence from an electrophysiological study. *Consciousness and Cognition*, 26(1), 64–73.
- Jung-Beeman, M., Bowden, E. M., Haberman, J., Frymiare, J. L., Arambel-Liu, S., Greenblatt, R., Reber, P. J., Kounios, J. (2004). Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*, 2(4), e97.
- Kahneman, D. (1973). *Attention and effort*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Kaplan, C. A., Simon, H. A. (1990). In search of insight. *Cognitive Psychology*, 22(3), 374–419.
- Lavric, A., Forstmeier, S., Rippon, G. (2000). Differences in working memory involvement in analytical and creative tasks: An ERP study. *NeuroReport*, 11(8), 1613–1618.
- Machinskaiia, R. I. (2003). Neirofiziologicheskie mekhanizmy proizvol'nogo vnimaniia (analiticheskii obzor) [Neurophysiological mechanisms of voluntary attention (analytical review)]. *Zhurnal vysshei nervnoi deiatel'nosti* [Journal of higher nervous activity], 53(2), 133–150. (In Russian).
- Metcalf, J. (1986). Feeling of knowing in memory and problem solving. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 12(2), 288–294.
- Metcalf, J., Wiebe, D. (1987). Intuition in insight and noninsight problem solving. *Memory & Cognition*, 15(3), 238–246.
- Ohlsson, S. (1984). Restructuring revisited. I: Summary and critique of the Gestalt theory of problem solving. *Scandinavian Journal of Psychology*, 25(1), 65–78.
- Ohlsson S. (1992) Information-processing explanations of insight and related phenomena. In Keane M. T., Gilhooly K. J. (Eds.). *Advances in the psychology of thinking*, 1–44. London: Harvester; Wheatsheaf.
- Polich, J. (2007). Updating P300: An integrative theory of P3a and P3b. *Clinical Neurophysiology*, 118(10), 2128–2148.
- Ponomarev, Ia. A. (1989). Psikhologiiiia tvorchestva. In B. F. Lomov, L. I. Antsiferova (Eds.). *Tendentsiia razvitiia psikhologicheskoi nauki* [The trend of development of psychological science], 21–34. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Posner, M. I. (1994). Attention: the mechanisms of consciousness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 91(16), 7398–7403.
- Vladimirov, I. Iu., Korovkin, S. Iu., Lebed', A. A., Savinova, A. D., Chistopol'skaia, A. V. (2016). Upravliaiushchii kontrol' i intuitsiia na razlichnykh etapakh tvorcheskogo resheniia [Executive control and intuition: interaction at different stages of creative decision]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 37(1), 48–60 (In Russian).
- Weisberg, R. W., Alba, J. W. (1981). An examination of the alleged role of “fixation” in the solution of several “insight” problems. *Journal of Experimental Psychology: General*, 110(2), 169–192.
- Wiggins, G. A., Bhattacharya, J. (2014). Mind the gap: An attempt to bridge computational and neuroscientific approaches to study creativity. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, 1–15.
- Zhao, Y., Tu, S., Lei, M., Qiu, J., Ybarra, O., Zhang, Q. (2011). The neural basis of breaking mental set: An event-related potential study. *Experimental Brain Research*, 208(2), 181–187.
- SMIRNITSKAYA, A. V., VLADIMIROV, I. YU. (2017). DIFFERENCES IN THE ACTIVITY OF THE EXECUTIVE FUNCTIONS IN ALGORITHMIC AND INSIGHT PROBLEM SOLVING: ERP STUDY. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 98–108

М. Л. МАЙОФИС, И. В. КУКУЛИН

Майофис Мария Львовна

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Лаборатория историко-культурных
исследований ШАГИ РАНХиГС
доцент, Институт общественных наук РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mayofis-ml@ranepa.ru*

Кукулин Илья Владимирович

*кандидат филологических наук
доцент, Школа культурологии,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
старший научный сотрудник,
Международный центр истории и социологии
Второй мировой войны и ее последствий, НИУ ВШЭ
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90
старший научный сотрудник, Лаборатория историко-культурных
исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ikukulin@hse.ru*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУБРИКИ

Аннотация. Этот текст — краткое введение к подборке статей «Личные дневники и разнообразие советского “я”». В нем кратко описана история исследований дневников в современной европейской гуманитаристике с исторической, литературной и антропологической точек зрения. Показано, что дневники, которые анализируют авторы представляемых в рубрике статей, — это источники нового типа, не обсуждавшиеся на предшествующем этапе дискуссий о «советском субъекте».

Ключевые слова: дневники, советский субъект, историческая антропология, история повседневности

Предлагаемая подборка, как мы полагаем, позволяет сделать новый шаг в изучении исторической специфики советского субъекта. Авторы публикуемых здесь статей анализируют не обсуждавшиеся прежде источники, которые требуют новых подходов, — а эти подходы позволяют выйти за пределы методологического круга, возникшего в исторической антропо-

логии 1990–2010-х годов. Этот материал — личные дневники людей, которые не хотели переделывать себя по «лекалам» идеологических требований, но и не пытались уйти во внутреннюю эмиграцию. Оба «героя» этой подборки сохраняли социальный критицизм, но жили, постоянно подлаживаясь к обстоятельствам своей жизни, чаще всего — тяжелым.

До 1960-х годов дневники интересовали исследователей прежде всего как источники неизвестных прежде исторических фактов¹. Начиная с этого периода (см. первопроходческие работы [Hocke 1963; Fothergill 1974; Банк 1978]) в различных странах постепенно развивается изучение дневника как особого, исторически подвижного литературного жанра. Исследователи выявляют в произведениях этого жанра ключевые мотивы и формы самоописания личности в европейской культуре Нового времени.

С конца 1980-х начинается новый этап: дневники теперь обсуждаются как своего рода лаборатория субъективности, как уникальный инструмент каждодневного формирования и реорганизации «я» — гетерогенного, внутренне несогласованного, изменчивого [Lejeune, Bogaert 2003; Lejeune 2009; Михеев 2007]². Эта новая парадигма сложилась под влиянием французской теоретической мысли, в первую очередь работ Мишеля Фуко и Ролана Барта. Начиная с последнего десятилетия XX в. анализ дневников связывается с историей новоевропейского «я» [Heehs 2013; Lejeune 2016] и с разнообразием форм субъективности в современном обществе, в том числе альтернативных по отношению к существующей норме. Особый интерес к дневниковым жанрам и нарративам проявляют теоретики феминизма [Bunkers, Huff 1996], поскольку женская субъективность на протяжении столетий воспринималась как «дополнительная» по отношению к мужской «норме», если не вовсе как патологическая или «младшая», требующая опеки и покровительства. Дневники же дают возможность увидеть, как женщины сами строили и воспринимали свое «я».

В целом в период 1980–2010-х годов интерес смещается с дневников писателей, политиков или ученых к дневникам людей, не оставивших следа в «большой» истории и культурной памяти. История «я» теперь изучается в тесной взаимосвязи с историей повседневности, моды, массовых политических движений. Отчасти это изменение произошло под влиянием все более интенсивного развития блогов — личных дневников в Интернете³, которые чаще всего ведут люди, не имеющие высокого политического или культурного статуса.

Особую роль дневники приобрели в исследованиях советской истории на новом этапе, который начался в 1990-е — после краха Советского Союза, открытия архивов и пересмотра многих сложившихся к тому времени стереотипов. История начавшихся тогда споров прослежена в публикуемой ниже статье **О. Л. Лейбовича**, и мы не будем ее здесь повторять. Достаточно сказать, что обсуждение советских дневников оказалось сосредоточено в рамках двух интерпретационных стратегий: дневник как

¹ Подробнее об истории изучения дневников в англоязычных странах см.: [Jackson 2010: 1–17].

² См. работу, соединяющую черты прежней и новой парадигм: [Wuthenow 1990].

³ Сравнение «прежних» дневников и блогов см., например, в [Lejeune 2000].

инструмент «самопеределки» и сознательного усвоения советских идеологием — или как убежище для внутренней эмиграции.

«Герои» этой подборки, Нина Лашина (статья **И. Л. Савкиной**)⁴ и Александр Дмитриев (статья **О. Л. Лейбовича**), использовали дневники не для сознательного конструирования собственного «я» — лояльного или оппозиционного, а прежде всего для фиксации разнообразных тактик локального действия⁵ — поведенческих паттернов, направленных на «ускользание» от административного давления и на использование любых подручных средств (материальных и символических) для повседневного выживания. Авторы дневников запечатлевали и постоянные разрывы между лозунгами и реальностью в советской повседневности, хотя далеко не всегда стремились объяснить эти разрывы.

Возможно, не случайно один из немногих общих признаков авторских личностей Лашиной и Дмитриева состоит в том, что оба они хотели, но не смогли стать писателями: им было интересно и важно отображать в слове состояние своего «я», каждодневно «проговаривать» про себя впечатления от событий, масштабных или малозначительных. Но при этом ни юрист Лашина, ни рабочий Дмитриев не хотели соотноситься с советскими литературными конвенциями.

Это неудавшееся писательство привело обоих к парадоксальному, с сегодняшней точки зрения, результату: по-видимому, в своих дневниках Лашина и Дмитриев более или менее эксплицированно проговорили те практики, повседневные сценарии, эмоциональные паттерны, которые были известны миллионам людей, но их почти никто не фиксировал. Как показывает И. Л. Савкина, особенности советской женской субъективности были вновь проговорены в позднесоветской прозе, от И. Грековой до Людмилы Петрушевской, — но Лашина свидетельствует об их становлении и трансформациях «в реальном времени». То же самое можно сказать о Дмитриеве: чередование периодов попок, работы, внутреннего бунта и мелких обманов в его жизни напоминает о персонажах Василия Шукшина или Сергея Довлатова, но его дневники показывают «микроструктуру» того повседневного существования, которое эти герои могли бы вести, если бы были реальными людьми.

В описаниях И. Л. Савкиной и О. Л. Лейбовича «советский субъект» предстает гораздо более исторически гетерогенным, чем в более ранних исследованиях: этот субъект сочетает в себе черты модернизированного и архаичного, в нем уживаются — иногда мирно, но чаще всего конфликтно — качества, происходящие из разных эпох развития общества. Изучение этой гетерогенности, как мы надеемся, еще получит продолжение.

⁴ Статья представляет собой расширенную версию более раннего исследования дневников Лашиной [Савкина 2015].

⁵ О значении этих тактик в советской жизни см.: [Дубин 2000]. Одним из главных исследователей этих тактик был французский социолог и философ Мишель де Серто, на которого ссылается в своей работе И. Л. Савкина.

Литература

- Банк 1978 — Банк Н. Б. Нить времени: Дневники и записные книжки советских писателей. Л.: Сов. писатель, 1978.
- Дубин 2000 — Дубин Б. О привычном и чрезвычайном // Неприкосновенный запас. 2000. № 5 (13). Цит. по электрон. версии. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2000/5/dubin.html>.
- Михеев 2007 — Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007.
- Савкина 2015 — Савкина И. Л. «Я же — человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 79–88.
- Bunkers, Huff 1996 — Inscribing the daily: Critical essays on women's diaries / Ed. by S. L. Bunkers, C. Huff. Amherst: The Univ. of Massachusetts Press, 1996.
- Fothergill 1974 — Fothergill R. Private chronicles: A study of English diaries. London; New York; Toronto: Oxford Univ. Press, 1974.
- Hocke 1963 — Hocke G. R. Das europäische Tagebuch. Wiesbaden: Limes, 1963.
- Heehs 2013 — Heehs P. Writing the self: Diaries, memoirs, and the history of the self. New York: Bloomsbury, 2013.
- Jackson 2010 — Jackson A. Diary poetics: form and style in writers' diaries, 1915–1962. New York: Routledge, 2010.
- Lejeune 2000 — Lejeune P. « Cher écran... ». Journal personnel, ordinateur, Internet. Paris: Seuil, 2000.
- Lejeune 2009 — Lejeune P. On diary / Ed. by J. D. Popkin, J. Rak; Transl. from French by K. Durnin. Honolulu: Biographical Research Center; Univ. of Hawai'i Press, 2009.
- Lejeune 2016 — Lejeune P. Aux origines du journal personnel: France, 1750–1815. Paris: Champion, 2016.
- Lejeune, Bogaert 2003 — Lejeune P., Bogaert C. Un journal à soi. Histoire d'une pratique. Paris: Éditions Textuel, 2003.
- Wuthenow 1990 — Wuthenow R.-R. Europäische Tagebücher. Eigenart–Formen–Entwicklung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990.

FROM THE GUEST EDITORS

Maiofis, Maria L.

PhD (Candidate of Science in Philology)

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82*

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: maiofis-ml@ranepa.ru

Kukulin, Ilya V.

PhD (Candidate of Science in Philology)

*National Research University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4*

Tel.: +7 (495) 772-95-90

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82*

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ikukulin@hse.ru

Abstract. This text serves as a short introduction to the journal section “Personal Diaries and the Varieties of the Soviet Self”. The introduction briefly discusses how the study of diaries developed in European humanities of the 20th century, and how, at various times, this type of study placed emphasis on historical, literary and anthropological methods. We show that the diaries analyzed by this section’s authors are a new type of sources that was not taken into account during the previous stage of discussions regarding the “Soviet self”.

Keywords: diaries, “Soviet self”, historical anthropology, history of everyday life

References

- Bank, N. B. (1978). *Nit' vremeni: Dnevnik i zapisnye knizhki sovetskikh pisatelei* [A thread of time: Diaries and notebooks of the Soviet writers]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Bunkers S. L., Huff C. (Eds.) (1996). *Inscribing the daily: Critical essays on women's diaries*. Amherst: The Univ. of Massachusetts Press.
- Dubin, B. (2000). O privychnom i chrezvychainom [On the ordinary and the emergency]. *Ne-prikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], 2000(5) (=13). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2000/5/dubin.html>. (In Russian).
- Fothergill, R. (1974). *Private chronicles: A study of English diaries*. London; New York; Toronto: Oxford Univ. Press.
- Heehs, P. (2013). *Writing the self: Diaries, memoirs, and the history of the self*. New York: Bloomsbury.
- Hocke, G. R. (1963). *Das europäische Tagebuch*. Wiesbaden: Limes. (In German).
- Jackson, A. (2010). *Diary poetics: Form and style in writers' diaries, 1915–1962*. New York: Routledge.
- Lejeune, P. (2000). “Cher écran...”. *Journal personnel, ordinateur, Internet*. Paris: Seuil. (In French).
- Lejeune, P. (2009). *On diary*. J. D. Popkin, J. Rak (Eds.), K. Durnin (Transl. from French). Honolulu: Biographical Research Center; Univ. of Hawai'i Press.
- Lejeune, P. (2016). *Aux origines du journal personnel: France, 1750–1815*. Paris: Champion. (In French).
- Lejeune, P., Bogaert, C. (2003). *Un journal à soi. Histoire d'une pratique*. Paris: Éditions Textuel. (In French).
- Mikheev, M. Iu. (2007). *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiia, XIX–XX)* [Diary as ego-text (Russia, 19th–20th centuries)]. Moscow: Vodolei Publishers. (In Russian).
- Savkina, I. L. (2015). “Ia zhe — chelovek obyknovennyi”: analiz dvukh zhenskikh dnevnikov sovetskogo vremeni [“But I am an ordinary person”: Analysis of two women's diaries from the Soviet period]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015(4) (=32), 79–88. (In Russian).
- Wuthenow, R.-R. (1990). *Europäische Tagebücher. Eigenart–Formen–Entwicklung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (In German).

Лейбович Олег Леонидович

доктор исторических наук

профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии,

Пермский государственный институт культуры

Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18

Тел.: +7 (342) 212-09-90

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

«НЕДУРНО БЫ ПОЛУЧИТЬ СКОЛЬКО-НИБУДЬ ПРЕМИИ...» СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ НАЕДИНЕ С ДНЕВНИКОМ (1941–1955)

Аннотация. На материале дневников А. И. Дмитриева делается попытка реконструировать жизненный мир советского рабочего в 1941–1955 гг. По своему социальному положению Александр Дмитриев принадлежал к рабочей аристократии нового образца. Его «я» представляет собой сплав советской культуры со слободскими традициями старых русских мастеровых. Культурной доминантой его личности является индивидуализм, вооруженный техниками выживания в советской среде. Его стратегия поведения выстроена в соответствии с личным экономическим интересом. А. И. Дмитриев обладает множеством выигрышных социальных черт (образованием, профессией, социальным статусом, гендерным преимуществом, опытом городской социализации), которые использует в качестве ресурсов для выживания и социального продвижения. По материалам дневника становится очевидно, что итогом советской культурной революции явилась реставрация мещанской культуры, приспособленной к советскому быту.

Ключевые слова: дневник А. И. Дмитриева, советские рабочие, советская повседневность, советский субъект, Молотов (Пермь), культура бедности, поэтика дневников, советская культурная революция

1

Двадцать третьего июля 1941 г. рабочий завода № 19 Наркомата авиационной промышленности (НКАП) им. тов. Сталина в г. Молотове (ныне Пермь) Александр Дмитриев — молодой человек 23 лет — написал химическим карандашом в школьной тетради:

Сегодня мне пришла мысль о ведении дневника моей жизни. Жизнь настолько стала скучна, что даже ничем другим я не хочу заниматься¹.

Поразительно, что советский человек жалуется на скуку по завершении первого месяца войны. Более того, даже если бы эта запись была сделана месяцем раньше, когда он развлекался в Москве², то исследователи советской истории, во всяком случае те из них, кого привлёк так называемый антропологический поворот в гуманитарном знании, вряд ли бы приняли на веру это наивное утверждение. Скуку или, скажем иначе, сплин мог испытывать разочарованный в жизни «лишний человек» — аристократ или интеллигент дореволюционной выделки, но отнюдь не советский рабочий. В 1930-е годы дневники, как было принято думать в эпоху социалистической реконструкции, вели преимущественно люди, страдающие от одиночества, — либо очень молодые, либо скрывающие свои подлинные чувства, внутренние эмигранты³. М. О. Чудакова показывает, что в 1930-е годы ведение дневников становилось своеобразным интеллектуальным убежищем для одиноких или чувствующих себя таковыми интеллигентов, отвергающих и большевистские доктрины в целом, и их конкретное воплощение в пропаганде [Чудакова 2001]. Если же рабочий, находящийся «в гуще масс», в эти годы берется за перо, то, вероятно, главным образом для того, чтобы возвысить себя «до уровня субъекта истории» [Хелльбек 2010]. Какая уж тут скука!

Впрочем, Александр Дмитриев в своей дневниковой записи действительно лукавит или искренне заблуждается. От скуки можно что-то записывать в тетрадку время от времени. Он же начиная с июля 1941 г. вел дневники в течение более полувека с завидной регулярностью, оставляя записи двух видов: краткий отчет о прошедшем дне или о главном его событии, но чаще пространный комментарий о том, что произошло на заводе, в семье, в городе.

Утверждение Дмитриева о преследующей его «скуке» противоречит сложившимся концепциям советского субъекта — равно как и вся картина личности, возникающая из последовательного чтения дневника. Эта картина будет реконструирована в последнем разделе этой статьи, пока же замечу только, что дневники Дмитриева содержат описания быта и праздников молотовских рабочих, лишь в очень небольшой степени окрашенные идеологически: есть

¹ [Дневник 1941–1944. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 10. Л. 3]. Дневники Александра Ивановича Дмитриева хранятся в ПермГАНИ и занимают 32 дела в фонде 6330 («Архивная коллекция документов краеведов»). Далее ссылки на дневник даются в тексте с указанием в скобках номеров дела и листа.

Краткую биографию А. И. Дмитриева см. в [Семянинов, Быстрых 2009]. Дневники 1946–1955 гг. опубликованы в мультимедийном издании (CD) «Дневник рабочего (III. 1946–XII. 1955): Документальная публикация» (науч. ред. О. Л. Лейбович. Пермь: ПермГАНИ, 2014) и размещены в Интернете [Дневник 1946–1955]. Публикация дневников А. И. Дмитриева не осталась незамеченной исследователями, см.: [Скиперских 2015; Кабацков 2015; Кабацков 2016].

² В дневниковых записях А. И. Дмитриева, сделанных во время войны, находим странные воспоминания «о веселых днях моей жизни», проведенных в столице весной и ранним летом 1941 г. (Д. 10, Л. 74–88).

³ В современной психологии общим местом является суждение: «Многие ведут дневник, потому что испытывают одиночество, им не с кем поговорить “по душам”» [Рогова 2010: 21].

в них описания и «черного рынка», и попойек, и грязи на окраинах Молотова/Перми, и весьма не лестные отзывы о советской власти, хотя и без персональной критики в адрес членов Политбюро.

Изучение вопроса о том, для чего Дмитриеву было нужно практически ежедневно записывать свои мысли и описывать поступки, иногда весьма сомнительные с позиции официальной идеологии и советской морали, позволяет высказать новую точку зрения на природу и результаты довоенной культурной революции — дебаты о них вновь стали актуальными в 1990–2000-е годы после значительного перерыва. В этой статье я попытаюсь показать, что дневники Дмитриева позволяют понять нечто существенное в «советском субъекте» и в его формировании.

2

Для того чтобы точнее показать значение дневников Дмитриева, нужно сначала вкратце описать методологический контекст, в котором разворачивается наше исследование.

Обнаруженные в постсоветское время эго-документы, в основном дневники и письма, побудили современных историков вновь интерпретировать один из излюбленных сюжетов советской идеологии — формирование «нового человека». «Неожиданно значительное число дневников, хроник “Я”, ставших доступными в последние годы, свидетельствуют о важности проблемы “Я” для раннесоветского периода», — замечает Йохен Хелльбек [Халфин, Хелльбек 2002: 221]. Однако, как представляется, новая концептуализация унаследовала один из недостатков старой идеологемы: новое советское «я» в ней выглядит довольно однообразным.

Советские идеологические тексты не столько анализировали такого субъекта, сколько директивно приписывали ему целый набор положительных качеств (см.: [Глезерман 1982; Митин 1979; Смирнов 1981; Толстых 1975]). Общим местом для них был тезис о том, что в первые десятилетия советской власти — в эпоху культурной революции — сложились предпосылки для нового социалистического типа личности. Вот характерный фрагмент из диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности «научный коммунизм»:

Можно сказать, что вопрос о неизбежности социалистической революции, построения и развития социалистического общества влечет за собой вопрос о неизбежности появления новой личности. Ее основные свойства формировались по образцам лучших черт рабочего класса. Поэтому, раскрывая черты новой личности, необходимо помнить, что развитие ее идет <...> в условиях острой идейно-политической борьбы [Габдулова 1984].

Идея, изложенная в этом пассаже, достаточна проста: новому обществу нужны новые люди. Эти люди соответствуют примерно одному и тому же антропологическому или психологическому типу — разумеется, новому. Они появляются не стихийно — а следовательно, как подразумевается здесь, в ходе процессов, именовавшихся тогда «идейно-воспитательной работой партии».

Апология нового человека восходит к большевистской риторике 1930-х годов. Советская печать приветствовала появление людей социалистического завтра: убежденных, идейных, самоотверженных и трудолюбивых. В 1939 г. Сталин сформулировал тезис, согласно которому «последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влащающего на плечах ярмо капиталистического барства» [Сталин 1997: 320].

Пропаганда была достаточно убедительной, чтобы в нее поверили заграничные наблюдатели. В среде национал-социалистов до их прихода к власти в Германии встречались люди, увидевшие в Советской России «душу новой [социальной] формы» (см.: [Schmid 2007: 52]). Более того, результаты непосредственных наблюдений иностранных гостей советского правительства как будто бы подтверждали официальные заверения о том, что в СССР сложился новый тип человека. Так, журналист и политолог Клаус Менерт, хорошо знавший русский язык и в начале 1930-х годов имевший в Германии репутацию крупного эксперта по «русскому вопросу», побывал в СССР в качестве корреспондента, побеседовал с московскими студентами, познакомился с их дневниками и сделал вывод, что «большинство студентов воодушевлены большевизмом и его великими задачами; они готовы и впредь жертвовать материальными благами [для этой цели]» [Mehnert 1932: 33].

И в последующие десятилетия некоторые западные исследователи полагали, что в 1930-е годы возник новый социально-психологический тип, — но оценивали его куда более скептически, чем советская пропаганда или, например, чем супруги Сидней и Беатрис Вебб, издавшие в 1935 г. после поездки в СССР книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?». Так, американский историк Роберт Даниелс соглашался с тем, что «при Сталине советское общество превратилось в устойчивую, хотя и весьма напряженную структуру, требующую дисциплинированных, послушных людей, тех, кто обеспечит лучшие шестеренки для военно-промышленной машины» ([Даниелс 2011: 273]; ср. [Геллер 1994: 297]). Быть «шестеренкой» — отнюдь не то же самое, что «соответствовать лучшим образцам». Однако исследователь, насколько можно судить, не сомневается в том, что «дисциплинированные, послушные» люди в СССР формировались в нужном количестве.

Жесткая критика большевистского проекта и его результатов появилась практически одновременно с возникновением новой риторики — в те же 1930-е годы. Писатель Марк Алданов, наблюдавший из эмиграции за событиями в стране Советов, посмотрел как-то в кинотеатре московскую хронику. Показывали военный парад на Красной площади. В толпе он увидел новых людей: «бритых, комсомольского вида», но не только их:

Лента на мгновение выбрасывает и уводит истинно страшное, зверское лицо. Кто это? Кем был этот человек до революции? Как могли подобные люди появиться в чеховской России, в той России, «где ничего не происходит», где национальным недостатком считалась обломовщина, — странно и смешно теперь вспоминать об этих упражнениях в национальной психологии после пережитого нами апокалипсического пятнадцатилетия [Алданов 1994: 317].

Его советский современник А. К. Воронский — когда-то большевик-подпольщик, а в 1920-е годы основатель и редактор первого советского толстого журнала «Красная новь», человек, близкий к левой оппозиции в ВКП(б), — тоже заметил новых людей. Он их называл то «партийным молодняком», то «новыми реалистами», но никакого воодушевления они у него не вызывали — они слишком предприимчивы, цепки, циничны и социально высокомерны:

При неблагоприятном обороте все это может выродиться в узкий американизм, в делячество «без всяких измов», в грюндерство худшего сорта. Отсутствие склонности к рефлексии при этом может превратиться в свободу от всякой идейности, в некоторое равнодушие к «музе мести и печали», в черствое, жестокое отношение к бабкам и мужикам [Воронский 1929: 124].

Послевоенные опросы в лагерях для перемещенных лиц (так называемый Гарвардский проект) и яростные выпады против «мещанства» в советской печати первой половины 1950-х (об их идеологической природе см.: [Добренко 2013]) показали западным наблюдателям, что представление о единообразии «нового человека», мягко говоря, грешит упрощением. Вера Сандомирская стала писать о «советском среднем классе» [Sandomirsky 1954], а уже упомянутый Клаус Менерт в книге «Советский человек», впервые изданной в 1958 г. и выдержавшей более 10 изданий, констатировал, что советские люди «более интересуются доходами и жизненным комфортом, чем маршем к коммунизму» [Mehnert 1962: 491].

В последние десятилетия в международном сообществе историков, близких к так называемой ревизионистской школе, проявилась тенденция считать «советским субъектом» не конформиста, которого описывали в своих работах Менерт и Сандомирская, а «нового человека», как теперь вновь предполагается, успешно созданного в годы культурной революции. «Без преувеличений, коммунистический проект может рассматриваться как грандиозный “я”-проект по превращению несовершенных партикуляристских человеческих существ в универсальных социализированных субъектов», — говорит Й. Хелльбек [Халфин, Хелльбек 2002: 222].

Основным источником, на основании которых формулировал свои выводы Хелльбек, были дневники партийных активистов, «вычищенного» по причине происхождения студента, успевшего побывать и рабочим, и осведомителем ОГПУ, а также учительницы — выпускницы высших женских курсов в Москве [Hellbeck 2006; Хелльбек 2010; 2012]⁴.

С публикаций Хелльбека можно вести отсчет новых дебатов на старую тему — о замысле и результатах советской культурной революции в 1930-е годы. Американский историк обнаружил в поденных записях учительницы Зинаиды Денисьевской процедуру переопределения себя «в соответствии с тем направлением, в котором, по ее мнению, двигалась история. Рефлексирующая личность XX в., она сама стала незавершенным идеологиче-

⁴ Речь идет о дневниках Степана Подлубного — студента, затем рабочего, скрывавшего свое «кулацкое» происхождение; Зинаиды Денисьевской — учительницы советской школы с гимназическим образованием и др.

ским проектом, активным и творческим участником разработки политических идеологий революционного периода» [Хелльбек 2012].

Тот же взгляд на советского субъекта представлен и у И. Халфина [Halfin 2003]. Оба автора отстаивают тезис, согласно которому советская идеология в ее сталинском изводе формировала из обывателей исторических субъектов, переделывавших себя в соответствии с большим коммунистическим проектом: «В дневниках тех лет хорошо видно ощущение настоящего как переломного исторического момента, а также необычное желание прибегнуть к насильственным методам ради преодоления воображаемого рубежа. Такое ощущение порождало бесчисленные индивидуальные проекты самопреобразования, характеризующиеся беспрецедентным ощущением возможности и необходимости» [Хелльбек 2010].

3

Методологическое «хождение по кругу» — от признания успеха советской культурной революции до утверждений о ее частичном провале и снова к признанию успеха — может быть объяснено, в частности, довольно ограниченным выбором тех эго-документов, с которыми работают современные историки — даже в ситуации открытости архивов, характерной по крайней мере для первого постсоветского десятилетия. Стоит лишь отвернуться от дневников, например, к протоколам партийных собраний, как выясняется, что для многих людей 1930-х годов коммунистический проект оставался китайской грамотой, непонятной, нечитаемой и даже неинтересной. Командир 82-й стрелковой дивизии, расквартированной в Свердловской области, говорил в кругу проверенных товарищей:

Мы получали иногда и таких новобранцев, которые не знали, кто такой т. Сталин, никогда не слышали о Ленине [Стенограмма 1934. Л. 31].

Отчуждение от большевистской культуры, от ее главных символов было явлением отнюдь не случайным и даже не маргинальным. Успехи партийной пропаганды были не столь значительными, как это казалось «с другого берега» [Brandenberger 2011]. Масса взрослых людей оставалась неграмотными. На городской партийной конференции в Перми секретарь горкома ВКП(б) признавал, что все рапорты о ликвидации безграмотности были, в сущности, лживыми:

Вы помните, тов. Кириллов, когда мы в Перми посылали рапорты т. Кабакову, Центральному Комитету партии, тов. Сталину, Калинину, Молотову о том, что Пермь стала городом и районом сплошной грамотности. Что из этих рапортов получилось? Из этих рапортов получился пшик, а если говорить на партийном языке, то самое наглое очковитительство. <...> Что у нас получается, количество малограмотных доходит до 15 000 человек, количество неграмотных, а этому подсчету не верю, доходит до 5 000 чел. Я утверждаю, что эта цифра гораздо больше по Перми и по району [Стенограмма 1936 (1). Л. 44].

Культурный климат эпохи был иным, не таким одномерным, как его описывают сторонники успешной реализации коммунистического проекта. Даже избранные ими персонажи выглядят не столь одномерными. Так, обращаясь к дневнику Степана Подлубного, Марк Липовецкий не находит в нем ни стремления к цельности, ни возвышения себя до субъекта мировой истории. Автор дневника демонстрирует прежде всего умение приспосабливаться, надевать на себя разнообразные маски и безболезненно переходить от одного «я» к другому: ««Советский человек» — лишь одна из персон Подлубного. Рядом с ней, практически не пересекаясь, существует персона скрывающегося кулака — изгнанного из института, стоящего в тюремных очередях с передачами для арестованной матери. Есть и третья персона — опять-таки развивающаяся параллельным курсом с первыми двумя: секретного агента и информатора ГПУ / НКВД. Налицо и четвертый сюжет субъективности: отношения Подлубного с женщинами — как правило, достаточно жестокие: кажется, что он восполняет свою социальную ущемленность гендерным насилием. Самое поразительное в дневниках Подлубного — именно эти параллельные жизни и легкость, с которой советский субъект артистически, казалось бы, полностью «забывая» о своих других персонах, переходит из одной «роли» в другую, — чем, безусловно, напоминает о трикстерах» [Липовецкий 2009].

Иначе говоря, Степан Подлубный не переделывает собственную идентичность, он производит процедуру ее умножения для разных надобностей, а если и трудится над собой, то только мастера соответствующие социальные маски: передового комсомольца, трудяги-рабочего, бдительного негласного сотрудника органов.

4

Первая же фраза дневника Дмитриева — о скуке — важна вне зависимости от того, правдива она или нет. Исследователи советских дневников показывают, что даже мысли о том, что дневник можно вести от скуки, их авторам в голову обычно не приходили. Коллективный опыт интеллигентов советского или досоветского происхождения подсказывал, что вести дневники и затевать обширную переписку было занятием отнюдь не безопасным. При обысках их изымали в первую очередь. Так, «11 февраля 1935 года был арестован главный редактор Госиздата художественной литературы М. Я. Презент, близкий к всемогущему хозяйственнику Кремля — секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе. Изъятый во время обыска дневник Презента пристально изучил глава НКВД СССР Г. Г. Ягода, в тот же день передавший этот крайне любопытный документ Сталину» [Жирнов 2016]⁵.

Травма Большого террора довершила дело. Дэвид Шенберг, физик из Кембриджа, который в 1937–1938 гг. работал в новом институте под руководством Петра Капицы, писал позднее, что чистка была «подобна чуме, и вы никогда не могли знать, кого схватят следующим» [Shoenberg 1978: 18].

Ольга Берггольц рефлексировала в 1939 г. свой горький опыт подследственной:

⁵ Текст дневника Михаила Яковлевича Презента см.: [Презент].

А я даже здесь, в дневнике (стыдно признаться), не записываю моих размышлений только потому, что мысль: «Это будет читать следователь» преследует меня. Тайна записанного сердца нарушена. Даже в эту область, в мысли, в душу ворвались, нагадили, взломали, подобрали отмычки и фомки. Сам комиссар Гоглидзе искал за словами о Кирове, полными скорби и любви к Родине и Кирову, обоснований для обвинения меня в терроре. О, падло, падло.

А крючки, вопросы и подчеркивания в дневниках, которые сделал следователь? На самых высоких, самых горьких страницах! [Берггольц 1990: 177].

Когда боишься — или не ведешь дневников вообще, или сознательно делаешь пропуски (ведь совсем не ясно, какие имена завтра станут запретными, а суждения крамольными), или фабрикуешь дневник для «комиссара Гоглидзе», рисуя в нем автопортрет сознательного советского гражданина, непримиримого к врагам партии и народа, восторженного регистратора великих свершений и побед, преисполненного любви к товарищу Сталину. В сентябре 1937 г. советский драматург Александр Афиногенов, изгнанный из партии за «связь с троцкистами», сидел на даче и ждал ареста. По всей видимости, чтобы избыть страх, он делал наброски к пьесе «Протокол допроса». В ней тщательно прописан вымышленный диалог драматурга, или его alter ego, со следователем:

Сл[едователь]. Запискам вашим я не верю.

Я. Я и это знал.

Сл. Почему?

Я. Потому что раз человек ждет ареста и ведет записки, ясно, надо думать, он ведет их для будущего читателя — следователя и, значит, там уж и приукрашивает все, как только может, чтобы себя обелить. А прошлые записки, за прошлые годы, так сказать, «редактирует» — исправляет, вырезает, вычеркивает. Ведь так вы подумали?

Сл. Так.

Я. <...> А что касается того, что вы запискам не поверите, так это, естественно, так и будет, хотя, конечно, если бы вы в них нашли вредные мысли или даже анекдоты, вы бы тогда им поверили, то есть с другой стороны, стороны обвинения моего... [Афиногенов 1993: 240–241].

Конечно, это не литература. Перед нами — человеческий документ, едва перелицованный под художественный текст. Илья Венявкин полагает, что для Афиногенова «дневник должен был стать свидетельством коренной трансформации его личности», и поэтому он «старался тщательно фиксировать свои размышления о причинах собственной социальной неудачи и рефлексировал по поводу ощущения своего перерождения — избавления от старой личности и формирования нового, по-настоящему советского человека» [Венявкин 2014: 122] (ср. также о дневниках Афиногенова: [Hellbeck 2006]).

Сейчас уже не определить, какие дневники писались специально для чужих глаз, а какие служили инструментом для диалога с самим собой. На самом деле, дневников 1930–1940-х годов сохранилось очень немного. И дело

не только в страхе. Для ведения дневников нужны материальные условия — личное пространство в жилище, собственный ящик в столе или комод, возможность уединения. У множества рабочих и советских служащих, живших в переполненных бараках и коммуналках, такой возможности не было. Так, в 1936 г. в Перми, согласно отчетам чиновников, на каждого жителя приходилось 2,75 кв. метров. Кардинальное улучшение этой ситуации было почти несбыточной мечтой; секретарь горкома информировал товарищей по партии:

Если мы так запишем о ликвидации жилищного кризиса, мы должны будем вложить 200 млн. рублей. Мы не можем создавать себе такую иллюзию и давать обещания трудящимся города [Стенограмма 1936 (3). Л. 57].

Записи, открытые для родственников, лишались интимности. Они становились разновидностью стенгазеты, открытой для всеобщего обозрения. Литературный жанр дневника, казалось, умирал в советской повседневности, однако все же находились люди, которые вопреки обстоятельствам поддерживали уходящую традицию.

Иными словами, практика частных поденных записей или в форме «судового журнала», или в форме диалога с воображаемым собеседником в 1930-е годы стала редкостью, но не исчезла совсем. Нужно было быть очень наивным человеком, чтобы не считаться с тем, что твоими записями заинтересуются либо товарищи по партийной ячейке, либо стражи государственной безопасности в фуражках с синими околышами, либо их штатские помощники. Повторюсь, безопасней было бы ничего не записывать и не хранить, но тот, кто все-таки не мог избежать искушения поверять свои мысли дневнику, должен был быть очень осторожным в суждениях и оценках...

Герой нашей публикации, молотовский рабочий Александр Дмитриев, был, по-видимому, совершенно чужд таких опасений. Его дневник не подходит ни под одну из рубрик: в нем не найти ни углубленной работы над своим «я» в духе социалистического преобразования личности, ни тягостных размышлений о гибели «ордена русской интеллигенции», ни особого страха перед органами, ни наивности неопита, впервые взявшегося за перо. Он пишет очень уверенно, так, как если бы ничего особенно не боялся.

Это непривычное для исследователя советских эго-документов убеждение было вызвано особенностями социального положения Дмитриева. Он принадлежал к рабочей аристократии нового образца: даже в годы войны он никогда по-настоящему не голодал, пользовался немалыми привилегиями в режиме труда и в системе оплаты.

Советские статистики позднее разделили советских рабочих на несколько групп по степени механизации труда. Автор дневника принадлежал к первой группе — работников, занятых регулировкой, контролем и наладкой полуавтоматов (см.: [Зинченко, Мунипов 1979]). Ему не приходилось выстаивать часами у станка, выполняя напряженнейшую производственную программу. Трудился он на предприятии, о котором и до войны писали: «...по технической культуре в Перми и авторитету в стране является первым заводом» [Дубов 1937. Л. 76].

Дмитриев работал на испытаниях авиадвигателей: снимал показания приборов, фиксировал неполадки, оценивал состояние запущенных технологических процессов, в крайних случаях что-то выправлял, довинчивал, отлаживал. Это была работа, требовавшая высокой квалификации, знания технологий, глазомера, наконец, внимательности. Справиться с ней могли единицы, именно по этой причине начальство было склонно закрывать глаза на проступки «мастеров социалистического труда»: их было нечем заменить. Дмитриев, естественно, побаивался, вдруг на него за что-нибудь рассердятся, дадут делу ход — и тогда снимут бронь или привлекут к уголовной ответственности, но все-таки надеялся, что его не тронут, простят опоздание, небольшой прогул, всяческие проделки с карточками, талонами, пропусками. В общем, то, за что станочников и разнорабочих сотнями отдавали под суд, Дмитриеву сходило с рук.

Александр Дмитриев — человек, безусловно, советский и по времени рождения, по происхождению, по месту проживания, по роду занятий и по образованию. Он потомственный рабочий, горожанин во втором поколении, комсомолец, обучавшийся в техникуме, но не завершивший курса, скорее всего, по причине лености. На заводе он тем не менее окончил школу социалистического труда, получил диплом мастера, чем немало гордился⁶.

Конечно, он плутовал. В его дневниках можно обнаружить множество записей о том, как он подделывал талоны на усиленное питание, правдами и неправдами добивался прикрепления к специальной столовой, обхаживал буфетчиц и подавальщиц, что-то выменивал, подворовывал и очень обижался, когда знакомый тракторист медлил с вывозом с территории завода припрятанного магнето, которое Дмитриев пообещал сельскому механизатору в обмен на хлеб.

Дмитриев был страстным книгочеем. Страницы дневника испещрены наименованиями найденных, взятых в библиотеке или у товарищей, купленных и даже выменянных книжек. Из перечня книг вряд ли что-то удастся узнать о его литературном вкусе. Такое впечатление, что он читал все подряд — от Вольтера («даже не думал, что у него могут быть такие вещи — интересные», 30.11.1954 [Дневник 1946–1955]) до многотомных эпопей современных ему советских писателей и повестей про шпионов. Радовался, когда «удалось выписать подписные издания: Д. Лондона — 7 томов и А. Чехова — 12 томов», 14.11.1954 [Там же]. Одновременно хвалил романы С. Бабаевского и повести Л. Никулина.

Дмитриев — большой любитель кинематографа, наверное, не пропустивший ни одного фильма, одновременно завязанный театрал, обучавшийся светскому этикету по театральным постановкам. Для знакомства с родителями невесты он выбрал фойе театра оперы и балета. Исполняли «Евгения Онегина». В антракте попросил руки своей избранницы. Видимо, получилось театральное, как и задумывалось.

⁶ Мастер социалистического труда — квалификация, присваиваемая выпускнику профессиональных курсов. Курсы мастеров социалистического труда с двухлетней образовательной и профессиональной подготовкой в 1940-е годы являлись высшим звеном в системе технического образования рабочих. Рабочий, получивший звание «мастер социалистического труда», мог претендовать на должность бригадира, мастера, начальника смены, начальника участка и т. п. [Фельдман 2005: 26–27]

В целом можно сказать, что в представлениях Дмитриева о культуре причудливо комбинировали совершенно советские элементы (круг чтения) с жёстами несоветского, скорее всего дореволюционного происхождения — вроде обращения к родителям невесты (не к самой невесте!), пусть и в декорациях театрального фойе.

В молодости Дмитриев, по-видимому, надеялся стать профессиональным литератором:

26.03.1946. Вчера я решил написать несколько рассказов из уральской жизни, хотя я больше занимаюсь писанием стихов, но думаю, что и эти рассказы у меня получатся неплохие. Ну, заранее я хвастать не буду, а с сегодняшнего дня начну их писать. Первый рассказ я назову «Волки» [Там же].

Однако для печати он стал писать, уже выйдя на пенсию. Начиная с середины 1980-х годов Дмитриев готовил для пермских газет заметки краеведческого характера, а в 1991 г. передал историку Т. И. Быстрых для публикации свою переписку с друзьями-фронтовиками во время Великой Отечественной войны [Быстрых 1991]. В архиве сохранилась и написанная им стихотворная автобиография.

Многолетнее пусть и не очень глубокое желание стать писателем скорее всего и стало главным побудительным мотивом вести изо дня в день, из недели в неделю записи химическим карандашом и чернилами в блокнотах и ученических тетрадках. Писал А. И. Дмитриев грамотно, почти не делая орфографических ошибок, иногда путался в запятых и не делал различий между разговорной и литературной речью, что, впрочем, дневникам отнюдь не вредит, напротив, придает им аромат подлинности, непосредственности и живости.

5

В дневниках А. И. Дмитриева преобладают четыре темы: городская повседневность; завод; семья; книги, фильмы и спектакли. Больших политических тем он касается очень редко, чем, к слову, отличается от рабочих-коммунистов времен коллективизации. Те вели свои дневники клишированным языком советских газет. «Ни одна грамматическая или стилистическая характеристика этих предложений не представляет даже минимального отступления от канонов официальной иконографии» [Бойм 2002: 291].

Дмитриев тоже читал газеты, иногда очень внимательно, но совсем не глазами убежденного коммуниста. От политических дискуссий он держался в стороне, но если касался подобных сюжетов, то высказывался прямо:

6.02.1947. Через несколько дней будет проводиться комедия в одном действии по выборам в Верховный Совет РСФСР. Какие же это выборы, когда в бюллетене будет только один кандидат. Все равно, конечно, он будет избран. Зря только средства на всю эту избирательную компанию тратят [Дневник 1946–1955].

В дневниках А. И. Дмитриева военной поры проступает чувство дистанции от власти — пусть и не полностью осознаваемое. В его дневнике трудно

обнаружить «слияние повседневности с идеологическим сознанием» [Хелльбек 2010]. Он может критически относиться к военной пропаганде:

20.01.1942. Правда, я не очень доволен некоторыми сообщениями. Например, Совинформбюро сообщает, что немцы разрушили церковь, устроили в ней конюшни и т. д. А, спрашивается, мы сами как относились к этим церквям? Тоже устраивали в них гаражи, склады и т. д. Правду говорит русская пословица: «У людей в глазу соринку видишь, а у себя бревно не замечаешь» (Д. 10. Л. 68об).

(Дмитриев как советский человек, вероятно, не помнит о евангельском происхождении (Мф. 7: 3–5) процитированной им «пословицы».)

Дмитриев мог ворчать наедине с собой и по поводу ужесточения государственной политики, которое он воспринимал как возвращение дореволюционных практик:

21.07.1943. Опять, по-видимому, ворочаются старые времена. И вешать начали, и в каторжные работы людей ссылат. Скоро, пожалуй, колесовать, четвертовать и на кол сажать будут (Д. 11. Л. 78)⁷.

Однако таких заметок в дневниках А. И. Дмитриева совсем немного. Политика его не увлекает, разве что в связи с искусством. Так, молотовского рабочего рассердило постановление ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели», опубликованное в газете «Правда» 11 февраля 1948 г. Опубликованное в «Правде» постановление положило начало недолгой, но шумной кампании в печати, на радио и в партийных собраниях [Добренко 2006]. Дмитриев комментирует:

24.02.1948. Сейчас в газетах ведется кампания против композиторов. «Разбили» всех: Мурадели, Прокофьева, Мясковского и даже Шостаковича⁸. А всего еще немного времени тому назад их превозносили до небес, давали им Сталинские премии и звания лауреатов. Вот тут и пойми простой русский человек, что же в конце концов хорошо и где правда, если сегодня одного хвалят, а через некоторое время его в грязь втоптывают. А ведь до постановления ЦК ВКП(б) все молчали, а сейчас все «тупицы» начинают писать в газетах, что музыка плохая, что ее трудно было воспринимать и т. д. и т. д. Т. е. тут надо

⁷ 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». В нем предусматривались, казалось бы, забытые виды наказания — смертная казнь через повешение и каторжные работы. Указ не был опубликован, но был зачитан войскам. В июле 1943 г. Совинформбюро сообщило о процессе над карателями в Смоленске и о публичной казни их на городской площади.

⁸ В постановлении перечислялись композиторы, придерживающиеся «формалистического, антинародного направления», — Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и другие, «в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам» [Постановление 1948: 631]. Подробнее см.: [Власова 2010].

понимать так, что хозяин говорит, то и хорошо, а что плохо — то и по мнению слуг плохо. <...> Вот сейчас и пойдет музыка, от которой придется даже радио выключать. А все получается почему? Потому что выбрали в Верховный Совет разных «знатных» доярок, трактористов или «знатных» пастухов. Ну, вот они и давай подымать голос, что такая музыка, как например, «Во поле березонька стояла» лучше, чем какая-нибудь оперная ария. Темнота на светлом месте всегда будет темнотой. Ее уже не переучишь [Дневник 1946–1955].

Эта запись в дневнике А. И. Дмитриева заслуживает медленного чтения. Прежде всего в ней ясно проявляется критическое отношение к партийному постановлению. Рабочий не спешит присоединиться к хору внезапно прозревших «тупиц», осуждающих по приказу музыку Дмитрия Шостаковича и других композиторов. Музыка «реалистического направления», звучащая по радио, кажется ему убогой и примитивной.

Здесь нужно сделать отступление. Буквально в те же дни профессура Молотовского медицинского института на своем партийном собрании высказывалась по поводу оперы «Великая дружба», незадолго до решения ЦК ВКП(б) поставленной на сцене местного театра. Среди участников собрания были подлинники ценители музыки, настоящие меломаны, завсегдатаи симфонических концертов в филармонии и премьер в театре оперы и балета, в общем, люди высокой музыкальной культуры [Зиф 2004]. Вот что они говорили:

Сангайло А. К. Я выступил в печати с положительным отзывом о музыке Мурадели. Видимо, это надо расценивать как мой плохой музыкальный вкус. <...>

Любовский О. Х. Фенелонов⁹ не прав, считая Мурадели и др. талантливыми композиторами. Какой же талант, если он непонятен народу?

Гузиков П. А. Мне хочется как человеку, любящему музыку, сказать, что музыка Мурадели ужасна [Протокол 1948. Л. 46–47].

А. И. Дмитриев меломаном не был, но соглашаться с начальственным мнением отнюдь не спешил, в кампании не участвовал ни заметкой в стенгазете, ни письмом в заводскую многотиражку.

В записи о партийном постановлении можно обнаружить не только несогласие с одним из актов культурной политики. В нескольких словах А. И. Дмитриев предъясняет свое видение сложившегося в стране политического порядка, скроенного, по его мнению, по образцу барской усадьбы. Всем заправляет хозяин, пусть и не названный по имени, но вполне узнаваемый. Вокруг него роятся слуги, пусть и собранные в Верховный Совет СССР, но оставшиеся темными и неразвитыми людьми. Рабочий авиамоторного завода демонстрирует здесь и социальное высокомерие по отношению к отсталым сельским жителям — знатым дояркам, трактористам и пастухам. Пренебрежение к ним потомственный горожанин Дмитриев высказывал и раньше:

⁹ Фенелонов Аркадий Лаврович (1893–1972) — профессор-хирург в Молотовском медицинском институте. Имел заслуженную репутацию большого знатока музыкального искусства. В цитируемом протоколе указанного высказывания А. Л. Фенелова нет.

8.03.1943. Компания была все знакомая, но в большинстве были «крестьяне». Им бы только пить, а чтоб повеселиться, так у них на это и способностей нет (Д. 11. Л. 57об).

Впрочем, чувство превосходства у него есть и над «какими-то подполковниками» (26.10.1953) [Дневник 1946–1955].

Было бы заманчиво увидеть в этих высказываниях А. И. Дмитриева незначай проговоренные фрагменты его политического мировоззрения. Заманчиво, но неверно. Никакой системы в его взглядах на окружающую действительность обнаружить не удастся. Картина мира этого рабочего напоминает импрессионистское полотно, в ней доминируют непосредственное живое впечатление, сегодня одно, завтра другое, вчера было третье. Оступился по дороге на завод, выпачкался в грязи — выбрал местную власть:

3.03.1947. В городе настоящая бесхозяйственность. Трамваи на завод не ходят, и приходится туда и обратно ходить пешком [Дневник 1946–1955].

Пошел с женой на театральное представление в новый дворец культуры. Понравилось. Похвалил:

8.02.1952. Но лучше всего сам Дворец. Замечательный зрительный зал. Прекрасные фойе и комнаты отдыха. Всюду на стенах картины. На полу замечательные дорожки. Везде буфеты. Все чисто и красиво. Помещение просторное. В общем, очень замечательный Дворец. У нас в городе ничего подобного еще никогда не было. Вот за этот подарок рабочим действительно можно поблагодарить Солдатова¹⁰ [Дневник 1946–1955].

Краски для изображения он берет где придется: из советских газет, из уличного сора, из дореволюционной галантерейной лавки — и смешивает как попало. При всем своем критицизме самым правильным Дмитриев все-таки считает язык партийный. Даже понравившуюся ему девушку он описывает словами газетной передовицы:

4.08.1941. Новая знакомая, оказывается, очень развитая девушка: участвовала во многих туристских походах, в том числе и по р. Чусовой, имеет значок «Альпинист 1-й ступени» (Д. 10. Л. 10об.).

Дмитриев принимает советский язык, хотя и сомневается время от времени в идеологических догматах, но не подвергает себя самокритике и не учится жить по-большевистски. Во всех ситуациях он пытается соблюсти собственный интерес, иной раз не замечая границ дозволенного, одобряемого и принятого. Иначе говоря, в поведении А. И. Дмитриева повседневность если с чем-то и сливается, то не с большевистской идеологией, а с культурой бедности, допускающей и даже одобряющей некоторые виды криминального поведения¹¹.

¹⁰ Солдатов Анатолий Григорьевич (1904–1976) — в 1942–1953 гг. директор завода им. Сталина (г. Молотов), генерал-майор инженерно-технической службы.

¹¹ О «культуре бедности» как ансамбле ценностей, символических границ, поведенческих сценариев, культурного капитала и соответствующий институций см.: [Small et al. 2010; Duvoux 2010].

Портрет А. И. Дмитриева, каким он предстает со страниц дневника, предъясняет фигуру человека, живущего своим умом, наблюдательного, расчетливого, наделенного недюжинной житейской сметкой. Увлечение книгами отнюдь не мешает ему обустроиваться в суровой и недружелюбной среде уральского города. Мир денег был для него своим. Дневник может служить путеводителем по рыночным и государственным ценам 1941–1955 гг. в г. Молотове.

Современные нам социологи назвали бы поведение Дмитриева монетарным в немонетарной экономике. В его дневниках можно найти вставную новеллу под заголовком «Молотов — Кунгур (Поездка за картофелем)». Смысл картофельной операции заключался в игре цен. В г. Молотове картошка на рынке стоила 7–8 рублей за килограмм, в Кунгуре — самое большое 3 рубля. Он подробно описывает, как договорился с поездным машинистом, чтоб тот бесплатно провез его на тендере паровоза из сельской глубинки в областной центр, как нашел выгодного продавца на рынке и т. п. В общем, все получилось, как было задумано (25.07.1946) [Дневник 1946–1955].

Автор дневника стал большим знатоком в играх обмена: купить сапоги на рынке — «головки у них хромовые, подметки кожаные, а голенища кирзовые, но на вид приличные» — за 400 рублей, тут же продать цеховому сапожнику за 200 рублей свои старые, развалившиеся, у которых «только голенища были хорошие» (8.04.1947) [Там же]. В пролетарской среде Дмитриев был своим: проводил вместе с другими рабочими досуг, обменивался новостями, часами просиживал за картами, ходил по гостям и в клуб, был не дурак выпить:

30.03.1953. Позавчера я так напился у Яшки на работе, что не помню, как и домой пришел, даже своих денег пропил 25 руб. [Там же].

Впрочем, его товарищи по заводу не только пили вместе, но и обменивались книжками, снятыми с самодельных полок или этажерок фабричного изготовления. Книги добывали из библиотек или покупали в сети КОГИЗа. Такая аббревиатура размещалась на вывесках книжных магазинов и расшифровывается просто: «Книготорговое объединение государственных издательств». Нечетливый след НЭПа в стране социализма.

6

Й. Хелльбек показывал, насколько важны были идеологические клише для дневников и писем советских людей начала 1930-х. Если считать (с высказанными выше оговорками), что анализируемые им тексты показательны, то советская культурная революция захлебнулась. В дневниках Дмитриева, написанных спустя неполное десятилетие после начала первой пятилетки, отчетливо видны реставрация мещанской культуры, приспособленной к тыловой военной среде и послевоенным реалиям заводского и городского быта — и причудливая гибридизация этой культуры с новыми дискурсами и практиками.

А. И. Дмитриев — человек советский не только по образованию, роду занятий и литературным амбициям, но и — что самое главное — по умению жить в новом обществе, использовать «до упора» доступные ресурсы, находить укромные места, куда не дотянутся контролирующие органы, завязывать и вовремя развязывать так необходимые для решения житейских задач

социальные связи. В то же время в его облике проступают обаятельные черты старого российского мастерового — себе на уме, знающего цену копейке, лукавого с начальством, тороватого с товарищами, пьющего, но умеющего обустроить свой быт, с крестьянской смекалкой и тягой к интересной книжке, верующего, но без особого усердия.

Сочетание советской культурности и старых заводских традиций накладывают свет и тени на фигуру А. И. Дмитриева. В его дневниках высвечивается жизненный мир квалифицированного советского рабочего, обладающего, как написали бы антропологи, ярко выраженной субъектностью или на поэтическом языке Евгения Баратынского, «лица необщим выражением».

Архивные источники

- Дневник 1941–1944 — Дневник Дмитриева А. И. (ПермГАНИ. Ф. 6330 («Архивная коллекция документов краеведов»). Оп. 5. Д. 10–11).
- Дубов 1937 — Дубов — Сталину. Докладная записка. Черновик: [Машинопись]. Без даты. Декабрь 1937 (ПермГАНИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 35. Л. 59–83).
- Протокол 1948 — Протокол № 8 партийного собрания от 23.03.1948 (ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 4. Л. 46–49).
- Стенограмма 1934 — Стенограмма V-го Пленума горкома ВКП(б). 1934. 22 сент. (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 818).
- Стенограмма 1936 — Стенограмма V-ой Пермской городской партийной конференции: В 3 т. 1936. 7–8 июля: [Машинопись]. Т. 1 (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100). Т. 3 (Там же. Д. 1102).

Сокращения

ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории.

Литература

- Алданов 1994 — Алданов М. Советские люди (В кинематографе) // Алданов М. Сочинения: В 6 кн. Кн. 1: Портреты. М.: Новости, 1994. С. 313–326.
- Афиногенов 1993 — Афиногенов А. Дневник 1937 года / Публ. К. Н. Кириленко, В. П. Коршуновой // Современная драматургия. 1993. № 2. С. 223–241.
- Берггольц 1990 — Из дневников Ольги Берггольц: Тетради 1939–1940 гг. // Нева. 1990. № 5. С. 171–178.
- Бойм 2002 — Бойм С. Как сделана «советская субъективность» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 285–296.
- Быстрых 1991 — Треугольные письма / Сост. Т. И. Быстрых. Пермь: Пермское книж. изд-во, 1991.
- Венякин 2014 — Венякин И. Большевик как Антей: к истории рецепции одного сталинского высказывания конца 1930-х годов // Русско-французский разговорник, или / ou Les causeries du 7 septembre: Сб. ст. в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. С. 120–128.
- Власова 2010 — Власова Е. С. 1948 год в советской музыке. М.: Классика-XXI, 2010.
- Воронский 1929 — Воронский А. Литературные портреты: В 2 т. Т. 2. М.: Федерация, 1929.

- Габдулова 1984 — *Габдулова Н. Н.* Социалистическая личность как категория научного коммунизма: Дис. ... канд. филос. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1984. Цит. по электрон. версии. URL: <http://www.disscat.com/content/sotsialisticheskaya-lichnost-kak-kategoriya-nauchnogo-kommunizma#ixzz4QhwxT6WX>.
- Геллер 1994 — *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
- Глезерман 1982 — *Глезерман Г. Е.* Рождение нового человека. М.: Политиздат, 1982.
- Даниелс 2011 — *Даниелс Р. В.* Взлет и падение коммунизма в России / Пер. с англ. И. Кожановской. М.: РОССПЭН, 2011.
- Дневник 1946–1955 — [Дневник А. И. Дмитриева. 1946–1955] // Прожито: Личные истории в электронном корпусе дневников. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221947-01-01%22&diaries=%5B426%5D>.
- Добренко 2006 — *Добренко Е.* Realästhetik, или Народ в буквальном смысле (Оратория в пяти частях с прологом и эпилогом) // Новое литературное обозрение. № 82. 2006. Цит. по электрон. версии. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/do13.html>.
- Добренко 2013 — *Добренко Е.* Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. № 121. 2013. Цит. по электрон. версии. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3566>.
- Жирнов 2016 — *Жирнов Е.* «Он съел письмо Льва» // Коммерсантъ Власть. 2016. 14 марта (№ 10). С. 34.
- Зинченко, Мунипов 1979 — *Зинченко В. П., Мунипов В. М.* Основы эргономики: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Зиф 2004 — *Зиф Б.* Провинция. Пермь: Звезда, 2004.
- Кабацков 2015 — *Кабацков А. Н.* Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII Межвуз. науч. конф., Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: РОССПЭН, 2015. С. 183–192.
- Кабацков 2016 — *Кабацков А. Н.* Образы войны по дневникам А. И. Дмитриева 1942–1944 годов // Вестник Пермского университета. Сер. История и Политология. 2016. № 3 (34). С. 117–128.
- Липовецкий 2009 — *Липовецкий М.* Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. № 100. 2009. Цит. по электрон. версии. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html>.
- Митин 1979 — Личность в XX столетии / Под ред. М. Б. Митина. М.: Мысль, 1979.
- Постановление 1948 — Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». 10.02.1948 // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Артизова и О. В. Наумова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 631–634.
- Презент — [Дневник М. Я. Презента] // Прожито: Личные истории в электронном корпусе дневников. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221930-01-01%22&diaries=%5B425%5D>.
- Рогова 2010 — *Рогова Е. Е.* Проблемная область одиночества в современном обществе // Общество: Политика, Экономика, Право. 2010. № 1. С. 18–24.
- Семяников, Быстрых 2009 — *Семяников В. В., Быстрых Т. И.* Дмитриев Александр Иванович // Пермский край: [Электрон.] энциклопедия. [2009]. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701272>.
- Скиперских 2015 — *Скиперских А. В.* Как при Сталине // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 208–216.

- Смирнов 1981 — *Смирнов Г. Л.* Советский человек: формирование социалистического типа личности. 3-е изд. М.: Политиздат, 1981.
- Сталин 1997 — *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 290–341.
- Толстых 1975 — *Толстых В. И.* Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975.
- Фельдман 2005 — *Фельдман М. А.* Советское государство и уральские рабочие: проблемы технической учебы на производстве в 1935–1940 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 2. С. 24–33.
- Халфин, Хелльбек 2002 — Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком / Пер. М. Могильнер // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 217–284.
- Хелльбек 2010 — *Хелльбек Й.* Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). Цит. по электрон. версии. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html>.
- Хелльбек 2012 — *Хелльбек Й.* Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900–1933) / Пер. с англ. А. Щербенка // Новое литературное обозрение. № 116. 2012. С. 374–384.
- Чудакова 2001 — *Чудакова М. О.* Судьба «самоотчета-исповеди» в литературе советского времени (1920-е — конец 1930-х) // Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1: Литература советского прошлого. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 393–420.
- Brandenberger 2011 — *Brandenberger D.* Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. Stanford (Calif.): Hoover Institution; Stanford Univ.; New Haven: Yale Univ. Press, 2011.
- Duvoux 2010 — *Duvoux N.* Repenser la culture de la pauvreté // *La vie des idées*. 2010, 5 octobre. URL : <http://www.laviedesidees.fr/Repenser-la-culture-de-la-pauvrete.html>.
- Halfin 2003 — *Halfin I.* Terror in my soul: Communist autobiographies on trial. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 2003.
- Hellbeck 2006 — *Hellbeck J.* Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 2006.
- Mehnert 1932 — *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin: S. Fischer, 1932.
- Mehnert 1962 — *Mehnert K.* Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957. 9. Aufl. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962.
- Sandomirsky 1954 — *Sandomirsky V.* The spirit of the new Soviet middle class // *The Russian Review*. Vol. 13. No. 3 (Jul., 1954). P. 193–202.
- Schmid 2007 — *Schmid U.* Die Dostojewskij-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // *Jahrbuch der deutschen Dostojewskij-Gesellschaft*. Bd. 14. Flensburg: Clasen Druck GmbH, 2007. S. 47–58.
- Shoenberg 1978 — *Shoenberg D.* Forty odd years in the cold // *Physics Bulletin*. 1978. January. P. 11–24.
- Small et al. 2010 — *Small M. L., Harding D. J., Lamont M.* Introduction: Reconsidering culture and poverty // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 629. No. 1. 2010. P. 6–27.

“IT WOULD BE NICE TO GET SOME KIND OF BONUS...”
THE SOVIET WORKER ALONE WITH HIS DIARY (1941–1955)

Leibovich, Oleg L.

Doctor of History

Professor, Head of Department of Cultural Studies and Philosophy

Perm State Institute of Culture

Russia, 614000, Perm, Gazety “Zvezda” str., 18

Tel.: +7 (342) 212-09-90

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract. Based on the diaries of Al. Dmitriev, this article presents an attempt to reconstruct the life-world of a Soviet worker during the period 1941–1955. In terms of his social status, Alexander Dmitriev belonged to the new type of labor aristocracy. His “I” is a fusion of Soviet culturedness and the traditions of settlement-based old Russian craftsmen. The cultural dominant of his personality is individualism armed with the techniques of survival in the Soviet environment. His strategy of conduct is built in accordance with his personal economic interest. Dmitriev has many advantageous social traits: education, profession, social status, gender, experience in urban socialization. He uses them as resources for survival and social advancement. The author concludes that the result of the Soviet cultural revolution was restoration of a petty bourgeois culture that had adapted to the Soviet way of life.

Keywords: A. I. Dmitriev’s diary, Soviet workers, Soviet everyday life, the Soviet subject, the city of Molotov (Perm), culture of poverty, poetics of diaries, Soviet cultural revolution

References

- Afinogenov, A. (1993). Dnevnik 1937 goda [Diary of the year 1937]. K. N. Kirilenko, V. P. Korshunova (Eds.). *Sovremennaiia dramaturgiia* [Contemporary dramaturgy], 1993(2), 223–241. (In Russian).
- Aldanov, M. (1994). Sovetskie liudi (V kinematografe) [Soviet people (In the cinema)]. In M. Aldanov. *Sochineniia v 6 knigakh* [Works in 6 books]. Book 1: *Portrety* [Portraits], 313–326. Moscow: Novosti. (In Russian).
- Artizov, A. N., Naumov, O. V. (Eds.) (1999). *Vlast’ i khudozhestvennaia intelligentsia: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul’turnoi politike. 1917–1953* [Power and artistic intelligentsia: Documents of CC RCP(Bolsheviks) — AUCP(Bolsheviks), VChKa — OGPU — NKVD about cultural policy, 1917–1953]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”. (In Russian).
- Boim, S. [Boym, S.] (2002). Kak sdelana “sovetskaia sub”ektivnost’ [How “Soviet subjectivity” is made]. *Ab Imperio*, 2002(3), 285–296. (in Russian)
- Brandenberger, D. (2011). Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. Stanford: Hoover Institution; Stanford Univ.; New Haven: Yale Univ. Press.
- Bystrykh, T. I. (Compl.). (1991). *Treugol’nye pis’ma* [Triangular letters]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel’sтво. (In Russian).

- Chudakova, M. O. (2001). Sud'ba "samootcheta-ispovedi" v literature sovetskogo vremeni (1920-e — konets 1930-kh) [The fate of the "self-evaluation-confession" in Soviet literature (1920s — end of the 1930s)]. In M. O. Chudakova. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 1: *Literatura sovetskogo proshlogo* [Literature of the Soviet past], 393–420. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Daniels, R. V. (2011). *Vzlet i padenie kommunizma v Rossii* [Transl. from Daniels, R. V. (1997). *Russia's transformations: Snapshots of a crumbling system*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- [Dmitriev, A. I.]. [Diary. 1946–1955]. *Prozhito: Lichnye istorii v elektronnom korpusе dnevnikov* [Lived through: Personal stories in the electronic corpus of diaries]. Retrieved from [http://prozhito.org/notes?date="1947-01-01"&diaries="426](http://prozhito.org/notes?date=). (In Russian).
- Dobrenko, E. (2006). Realästhetik, ili Narod v bukval'nom smysle (Oratoriia v piati chastiakh s prologom i epilogom) [Realästhetik, or the People taken literally (Oratorio in five parts with a prologue and epilogue)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], no. 82. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/do13.html>. (In Russian).
- Dobrenko, E. (2013). Gogoli i Shchedriny: uroki "polozhitel'noi satiry" [Gogols and Shchedrins: Lessons of a "positive satire"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], no. 121. Retrieved from <http://www.nlobooks.ru/node/3566>. (In Russian).
- Duvoux, N. (2010, October 5). Repenser la culture de la pauvreté. *La vie des idées*. Retrieved from <http://www.laviedesidees.fr/Repenser-la-culture-de-la-pauvrete.html>. (In French).
- Fel'dman, M. A. (2005). Sovetskoe gosudarstvo i ural'skie rabochie: problemy tekhnicheskoi ucheby na proizvodstve v 1935–1940 godakh [Soviet state and Ural workers. Problems of in-service technical studies during 1935–1940]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2005(2), 24–33. (In Russian).
- Gabdulova, N. N. (1984). *Sotsialisticheskaiia lichnost' kak kategoriia nauchnogo kommunizma* [Socialistic personality as a category of scientific communism]: Dissertation for degree of kandidat in philosophy (Leningrad State University). Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/sotsialisticheskaya-lichnost-kak-kategoriya-nauchnogo-kommunizma#ixzz4QhwxT6WX>. (In Russian).
- Geller, M. (1994). *Mashina i vintiki. Istoriia formirovaniia sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. History of forming the Soviet man]. Moscow: MIK. (In Russian).
- Glezerman, G. E. (1982). *Rozhdenie novogo cheloveka* [Birth of the new man]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Halfin, I. (2003). *Terror in my soul: Communist autobiographies on trial*. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press.
- Hellbeck, J. (2006). *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin*. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press.
- Interv'iu s Igalom Khalfinyim i Iokhanom Khell'bekom [Interview with I. Halfin and J. Hellbeck] (2002). M. Mogilner (Transl.). *Ab Imperio*, 2002(3), 217–284. (In Russian).
- Iz dnevnikov Ol'gi Berggol'ts: Tetradi 1939–1940 gg [From Olga Berggolts's diaries. Notebooks of 1939–1940] (1990). *Neva*, 1990(5), 171–178. (In Russian).
- Kabatskov, A. N. (2015). Zhiznennyi mir sovetskogo rabocheho v pozdniuiu stalinskuiu epokhu (po dnevniku A. Dmitrieva. 1946–1953) [Lebenswelt of a Soviet worker in the late Stalin epoch (according to the diary of A. Dmitriev. 1946–1953)]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII Mezhevuzovskoi nauchoi konferentsii, Tver', 4–6 dekabria 2014 g.* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953. Materials of the 7th Interuniversity conference, Tver, December 4–6, 2014], 183–192. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Kabatskov, A. N. (2016). Obrazy voyny po dnevnikam A. I. Dmitrieva 1942–1944 godov [Images of the war according to A. I. Dmitriev's diaries, 1942–1944]. *Vestnik Permskogo*

- universiteta [Bulletin of Perm University]. *Ser. Istoriia i Politologiya* [History and Political Science], 2016(3) (=34), 117–128. (In Russian).
- Khell'bek, I. [Hellbeck, J.] (2010). Povsednevnaia ideologiya: zhizn' pri stalinizme [Everyday ideology: Life during Stalinism]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], 2010(4) (=72). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html>. (In Russian).
- Khell'bek, I. [Hellbeck, J.] (2012). Zhizn', prochennaia zanovo: samosoznanie russkogo intelligenta v revoliutsionnoi epokhu (1900–1933) [Life, read anew: Self-consciousness of a Russian *intelligent* during the revolutionary period (1900–1933)]. A. Shcherbenok (Transl.). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], no. 116, 374–384. (In Russian).
- Lipovetskii, M. (2009). Triks i "zakrytoe" obshchestvo [Trickster and the "closed" society]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], no. 100. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html>. (In Russian).
- Mehnert, K. (1932). *Die Jugend in Sowjetrussland*. Berlin: S. Fischer. (In German).
- Mehnert, K. (1962). *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957*. 9th ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. (In German).
- Mitin, M. B. (1979). *Lichnost' v XX stoletii* [Personality in the XXth century]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- [Prezent, M. Ia.]. [Diary]. *Prozhito: Lichnye istorii v elektronnom korpusе dnevnikov* [Lived through: Personal stories in the electronic corpus of diaries]. Retrieved from [http://prozhito.org/notes?date=1930-01-01"&diaries=425](http://prozhito.org/notes?date=1930-01-01). (In Russian).
- Rogova, E. E. (2010). Problemnaya oblast' odinochestva v sovremennom obshchestve [The problem area of loneliness in modern society]. *Obshchestvo: Politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, economics, law], 2010(1), 18–24. (In Russian).
- Sandomirsky, V. (1954). The spirit of the new Soviet middle class. *The Russian Review*, 13(3), 193–202.
- Schmid, U. (2007). Die Dostojewskij-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus. In *Jahrbuch der deutschen Dostojewskij-Gesellschaft* (Vol. 14), 47–58. Flensburg: Clasen Druck GmbH. (In German).
- Semiannikov, V. V., Bystrykh, T. I. (2009). Dmitriev Aleksandr Ivanovich. *Permskii kraj: Entsiklopedia* [The Perm Region: Encyclopedia]. Retrieved from <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701272>. (In Russian).
- Shoenberg, D. (1978). Forty odd years in the cold. *Physics Bulletin*, 1978(January), 11–24.
- Skipskikh, A. V. (2015). Kak pri Staline [As in Stalin's era]. *Svobodnaia mysl'* [Free thought], 2015(4), 208–216. (In Russian).
- Small, M. L., Harding, D. J., Lamont, M. (2010). Introduction: Reconsidering culture and poverty. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 629(1), 6–27.
- Smirnov, G. L. (1981). *Sovetskii chelovek: formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [The Soviet man. Forming of the socialistic type of personality] (3rd ed.). Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Stalin, I. V. (1997). Otchetnyi doklad na XVIII s"ezde partii o rabote TsK VKP(b) 10 marta 1939 goda [Report at the XVIIIth Party Congress about the work of the CC of the AUCP(Bolsheviks), March 10, 1939]. In I. V. Stalin. *Sochineniia* [Works] (Vol. 14), 290–341. Moscow: Pisatel'. (In Russian).
- Tolstykh, V. I. (1975). *Obraz zhizni. Poniatie. Real'nost. Problemy* [Way of life. Concept. Reality. Problems]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Veniavkin, I. (2014). Bol'shevik kak Antei: k istorii retseptsii odnogo stalinskogo vyskazyvaniia kontsa 1930-kh godov [Bolshevik as Antaeus: On the history of reception of a Stalin state-

- ment from the end of the 1930s]. In *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les causeries du 7 septembre: Sbornik statei v chest' Very Arkad'evny Mil'chinoi* [A Russian-French phrasebook, or / ou Les causeries du 7 septembre: Collection of articles in honor of Vera Arkadievna Milchina], 120–128. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Vlasova, E. S. (2010). *1948 god v sovetskoi muzyke* [The year of 1948 in Soviet music]. Moscow: Klassika–XXI. (In Russian).
- Voronskii, A (1929). *Literaturnye portrety* [Literary portraits] (Vols. 1-2). (Vol. 2). Moscow: Federatsiia. (In Russian).
- Zhirnov, E. (2016, March 14). “On s”el pis'mo L'va” [“He ate Lev's letter”]. *Kommersant* "Vlast" [Kommersant. Power] . (In Russian).
- Zif, B. (2004). *Provintsiia* [Province]. Perm: Zvezda. (In Russian).
- Zinchenko, V. P., Munipov, V. M. (1979). *Osnovy ergonomiki: Uchebnoe posobie* [Foundations of ergonomics: A manual]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

LEIBOVICH, O. L. (2017). “IT WOULD BE NICE TO GET SOME KIND OF BONUS...” THE SOVIET WORKER ALONE WITH HIS DIARY (1941–1955). *SHAGI / STEPS*, 3(1), 114–135

И. Л. САВКИНА

Савкина Ирина Леонардовна

доктор философии (PhD)

университетский лектор (yliopistonlehtori),

Отделение русского языка, культуры и переводоведения,

Тамперский университет (Тампере, Финляндия)

333014, Tampereen yliopisto, Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö,

Tampere, Finland

Тел.: +358442548988

E-mail: irina.savkina@staff.uta.fi

«МОИ ПРОСТЫЕ ЗАПИСКИ»: МОДЕЛИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ДНЕВНИКЕ НИНЫ ЛАШИНОЙ

Аннотация. Материалом исследования является изданный в 2011 г. дневник Нины Сергеевны Лашиной (1906–1990), который можно назвать «дневником повседневности», или «дневником обыкновенной женщины». Анализируя этот текст, автор статьи исходит из представления о дневниковом повествовании как месте, где осуществляется постоянный процесс самоидентификации. Здесь, однако, существуют лейтмотивные, ключевые для автора дневника идентификационные модели и биографические схемы, внутри которых человек описывает и репрезентирует себя в автонарративе. Ключевыми для дневника Лашиной являются понятие обыкновенной жизни и тема женской повседневности, а одним из важнейших легитимирующих метанарративов — история материнского самопожертвования. Сознательная маргинализация собственного «я» через понятие обыкновенности интерпретируется в статье как одна из описанных Мишелем де Серто тактик «ускользания от власти», которые перепределяют ее институциональные усилия. Одновременно дневник Лашиной демонстрирует ее зависимость от доминантных представлений о роли женщины — жертвенной матери и ответственной жены, контролирующей жизнь мужа и семьи. Эти матриархальные практики изображаются автором дневника как неизбежные, необходимые для выживания. В то же время идея героического и агиографическая модель биографического нарратива используются в анализируемом тексте не для описания гражданской доблести или религиозного духовного подвига, а для изображения обыкновенного женского существования в непрерывных усилиях по обузданию хаоса, энтропии повседневной, бытовой жизни.

Ключевые слова: дневник, женское письмо, дневниковый нарратив, идентичность, обыкновенность, человек, история повседневности, гендерные отношения, советский субъект

© И. Л. САВКИНА

«Голоса из хора»: дневники «незамечательных людей»

Вопрос о том, кто имеет право на автобиографию и другие формы публичной саморепрезентации, который в былые времена так смущал бравшихся за перо, уходит в вечность вместе с этим самым «вечным пером». Во времена, когда «наш бог — блог», ответ на этот вопрос очевиден: таким правом и возможностью наделен каждый. Но если вопрос о праве на автодокументирование решен, то вопрос о смысле чтения и исследования эго-документов «незамечательных людей» в ситуации тотальной «дневниковизации», наоборот, обостряется.

Что может исследователь вычитать из дневника обыкновенного человека? Что такое обыкновенность, возможно ли ее определить? Каким образом обычные люди принимают участие «в изобретении истории», и каким образом история общества вписана в их язык и тело» (см.: [Козлова 1996; 2005: 28])? Насколько сильно влияют на процесс и модус само(о)писания легитимирующие метанарративы, прецедентные тексты и доминирующие дискурсы? Показывает ли дневник, написанный обыкновенным человеком, его адаптацию к давлению доминантного властного дискурса? Можем ли обнаружить в тексте нарративные практики противостояния — игнорирования, уклонения, сопротивления и т. п., которые можно считать выражением или, точнее, реализацией тех тактик повседневности (в терминах де Серто [Серто де: 2005: 103–194]), которые вызывают отклонения в функционировании власти?

На подобные вопросы стремилась ответить, например, социолог Наталья Козлова [Козлова 1996; 2005], пытавшаяся исследовать «голоса из хора», сделать видимыми остающиеся в зоне «слепого пятна» фоновые практики [Волков 1997].

В статье я хочу присоединиться к этой исследовательской традиции и сфокусировать внимание только на одном тексте, который, как и любой другой, не является образцово-репрезентативным. Скорее он представляет собой интересный казус, рассматривая который, мы можем обсудить некоторые общие вопросы, связанные с особенностями дневникового нарратива «незамечательных людей», и увидеть персональную неповторимость, «замечательность» именно этого выбранного для анализа текста. Речь идет об изданном в 2011 г. усилиями дочери и внучки дневнике Нины Сергеевны Лашиной (1906–1990) (в девичестве Покровской, в первом замужестве Мальцевой, во втором замужестве Покровской), который назван публикаторами «Дневником русской женщины». С не меньшим основанием текст можно было бы назвать дневником обыкновенной женщины.

Записки Лашиной охватывают период с 1929 по 1967 г. За эти годы автор Дневника оканчивает юридический факультет университета в Ташкенте, служит на различных юридических и экономических должностях в учреждениях и на предприятиях Самарканда, Москвы, Тулы, Магнитогорска, Днепродзержинска. Во время войны волею судеб она оказывается сотрудником детского интерната в Рязанской области и в д. Большое Рождество Пермского края. В 1949 г. уходит со службы, чтобы заняться литературным трудом. После неудачи с публикацией романа «Прямые пути» работает библиотекарем Московского парткабинета, а с 1952 г. до выхода на пенсию — заведующей отделом проверки и позже отдела писем журнала «Крокодил».

В Дневнике подробно описаны работа в советских конторах, юридическая практика, впечатления от многочисленных переездов и командировок, жизнь советской журналистской и околосредовой среды. Немало страниц посвящено рассказу об исторических событиях, которые так или иначе затронули жизнь автора: индустриализации, репрессиях 1930-х годов, войне, послевоенной разрухе и голоде, разоблачении Берии и культа личности Сталина. Но гораздо большее место в Дневнике занимает описание быта, повседневной жизни семьи и перипетий личной судьбы: три замужества, рождение и смерть детей¹, появление внуков.

Трудно сказать, что более важно и первостепенно для автора Дневника — история или бытовая повседневность, интимное или объективное. Разноуровневые дискурсы сплетаются в Дневнике как и в жизни. В статье я попытаюсь показать, что ключевыми для автора Дневника являются понятие обычной жизни и тема женской повседневности², а одним из важнейших легитимирующих метанарративов — история материнского самопожертвования.

Дневник Н. С. Лашиной: особая модель самоидентификации

Понятия *обыкновенности* и *обыкновенного человека* трудноопределимы при всей своей кажущейся очевидности. Их можно соотнести с излюбленным советским оборотом *простой советский человек*, который начиная с конца 1980-х годов был подвергнут скрупулезному анализу Юрием Левадой и социологами его школы. Главными чертами такого человека были признаны «массовидность, деиндивидуализированность, противопоставленность всему элитарному, своеобразному, доступность для контроля, примитивность уровня запросов» [Левада 1993: 8]. Левада подчеркивает, что более точным определением здесь будет не «простота», а «упрощенность», которая выражалась в послушности, довольстве малым, подконтрольности и лояльности, основанных на страхе [Левада 2001: 10–12]. В таком (советском) контексте обыкновенному/простому человеку противостоит «непростой» (несоветский?) человек — не зашоренный, активный, ответственный за собственный выбор.

Но есть и другие линии интерпретации этого понятия. Может быть, обычный человек — это типичный, «средний», тот, кто обладает «волей к норме» и не годится в герои серии «Жизнь замечательных людей»? Или это тот, кого мы называем «маленьким человеком», «лузером», «маргиналом», кто является не субъектом, а объектом власти, доминируемым, а не доминирующим, и кому противостоят люди, обладающие властью, распоряжающиеся властными ресурсами, «выигравшие», удачливые?

¹ Всего у Лашиной было пять собственных и один усыновленный ребенок, двое детей умерли в раннем детстве, один сын трагически погиб в 33 года.

² Обзор различных исследований и интерпретаций повседневности, в том числе в российском контексте, см., например, в [Ransel 2015: 17–34]. О женской повседневности как понятии и предмете изучения см.: [Белова 2013: 25–67]. В этой статье повседневность понимается как «совокупность привычных, рутинных, повторяющихся форм и стереотипов жизнедеятельности человека, воспроизводимых в основном механически, вне рефлексии, и протекающих в стандартных, общеизвестных ситуациях» [Королев 2013]. О повседневности советского (сталинского) времени см.: [Фитцпатрик 2008; Лебина 2015].

Все приведенные трактовки, так или иначе соотносимые с дефинициями *обыкновенный человек*, *обыкновенная женщина*, на первый взгляд, малоприменимы к Нине Лашиной. Это женщина образованная, активная, с писательскими амбициями, способная к анализу, самостоятельному мышлению, рефлексии. Ее Дневник хорошо написан — она обладает даром слова и чувством стиля. Это обстоятельство, конечно, еще больше проблематизирует концепцию обыкновенности и провоцирует вопрос о том, может ли обыкновенный человек обладать индивидуальным стилем, собственным голосом или через него, «им» говорят доминантные дискурсы?

Автор Дневника — дочь профессора права Сергея Петровича Покровского (1880–1939), а по материнской линии внучка доктора права, заслуженного профессора Российской империи, основателя Демидовского лицея в Ярославле Владимира Георгиевича Щеглова (1954–1927)³. Такая родословная, как и упомянутая образованность, казалось бы, настойчиво подталкивают читателя и исследователя к тому, чтобы отнести автора Дневника к когорте, по выражению Ирины Паперно, «любимцев истории — русских интеллигентов» [Паперно 2004: 104], многие из которых написали дневниковые и автобиографические тексты о своем советском опыте. Однако в записках Лашиной мы находим немного следов того «осмысления жизни в терминах катастрофического историзма» [Там же: 110], которое, как показала Ирина Паперно, было свойственно автобиографическим проектам интеллигентов советского периода. Трудно интерпретировать дневники Лашиной и в том ключе, как это делает Йохен Хелльбек, когда, анализируя дневник Зинаиды Денисьевской — представительницы провинциальной интеллигенции 1910-х годов, он показывает, как автор дневника через поведенческие стратегии и тактики самоописания рационализирует и «присваивает» коммунистическую идеологию, делая ее частью самостроения и одновременно участвуя в процессе «строительства» и функционирования идеологии ([Хелльбек 2012]; более подробно см.: [Hellbeck 2009: 115–164]).

Нина Лашина, так же как Руфь Зернова, Лидия Либединская, Людмила Алексеева и другие героини исследования Ирины Паперно [Паперно 2004; Паперно 2009], принадлежала к «образованной», «культурной», «интеллигентной» среде, но ее Дневник написан с иной позиции, чем тексты названных авторов. Подобно З. Денисьевской, она жила и писала внутри советского контекста; более того, в 1945 г., сделав сознательный и добровольный выбор, вступила в коммунистическую партию. Однако интерпретировать ее многостраничные дневниковые записи как нарратив о взаимоотношениях человека и Истории или о преобразовании себя в субъекта с ясно значимыми биографическими характеристиками советского человека, как мне кажется, было бы насилием над текстом.

Модели самоидентификации и структурирующие нарративное «я» биографические образцы, а также легитимирующие нарративы в Дневнике Нины Лашиной отличны от таковых у героев работ Ирины Паперно и Йохена Хелльбека.

³ Более подробно детство и семейный круг Н. С. Лашиной описаны в ее воспоминаниях, написанных в 1952 г. [Покровская 2013].

«Я же — человек обыкновенный»

Дневниковое повествование, как и любой другой рассказ о собственной жизни, является местом, где осуществляется никогда не завершающийся процесс самоидентификации. В процессе повествования автор фиксирует, называет свою принадлежность к определенной общности и одновременно обсуждает ее, переоценивает ранее сформированные идентичности в делящемся и противоречивом процессе нарративной самоидентификации [Bruner 2004; Chamberlain, Thompson 1998]. Однако при всех тенденциях к обсуждению и переоценке все равно существуют какие-то ключевые или лейтмотивные идентификационные модели и биографические схемы, внутри которых человек описывает и репрезентирует себя в автонарративе.

Лашина сама на протяжении всего Дневника довольно последовательно позиционирует себя как обыкновенного, рядового, частного человека:

21.04.1942. Может быть, были и другие люди, чувствующие героический подъем <...> Я же человек обыкновенный и вокруг себя вижу людей таких же простых и обыкновенных, которым свойственны все человеческие слабости и чувства [Лашина 2011 (1): 28]⁴.

4.03.1955. Я же должна признать, что я самый средний человек [2: 308].

Конечно, переживая такие «большие» исторические события, как Великая Отечественная война или разоблачение культа личности Сталина, автор Дневника осознает их историческую значимость и свидетельствует — фиксирует, восхищается, критикует, анализирует, но при этом очень трезво оценивает границы собственных возможностей:

7.06.1945. Моя попытка в этом направлении была бы подобна детскому лепету. Ведь я так мало знаю и понимаю. Да и не к чему. История будет написана умелыми руками специалистов [2: 7].

Если Лашина в своем Дневнике и пишет историю, то это история с маленькой буквы, изображенная снизу, изнутри, представленная через описание «повседневности дней» [1: 342], рутинных дел и реакций, составляющих суть фоновых практик поведения, переживания и восприятия/воссоздания реальности. Важно подчеркнуть, что такой модус взгляда и письма интерпретируется ею как сознательный выбор:

26.04.1940. Почему я об этом пишу? Потому что это и есть наша жизнь. Если вести дневник честно, то нельзя описывать только события чрезвычайные. Обычная, повседневная жизнь наша ведь занимает 90% дней и лет. И мне думается, что когда я умру, и дети, и внуки мои прочтут мои простые записки, они многое поймут глубже и будут благодарны мне [1: 179].

⁴ Далее все цитаты по этому изданию приводятся с указанием в квадратных скобках номера тома и страниц.

Повседневность, которую описывает в своем Дневнике Лашина, имеет ясно маркированные социальное и гендерное измерения: это женская повседневность и повседневность слабых, тех, кто внизу, внутри потока жизни. В акте письма автор Дневника последовательно отождествляет себя с обычными, «маленькими» людьми, жертвами власти; она их агент, их голос, им она сопереживает и сочувствует. При этом идеологическая принадлежность этих обыкновенных людей для автора второстепенна: равную жалость у нее вызывают предприниматели-узбеки, «антисоветчики», простые герои войны, немецкие обыватели — жертвы войны, рабочие люди и «безродные космополиты»:

15.02.1930. Работа в ОКРФО⁵ наполняет меня смятением <...>. Доверчивые и темные люди (самаркандские узбеки — мелкие предприниматели. — И. С.), они не думали о бумажках <...> И целые вереницы ответчиков <...> Такие беспомощные и растерянные люди, большей частью совсем не понимающие, что происходит, и почему у них отнимают дом, сад, одеяла, казаны, халаты, почему их сажают в тюрьму, берут под конвой [1: 35–36].

20.09.1940. [Лашина участвовала в качестве народного заседателя в судебном процессе, где трех человек обвиняли в агитации против власти, и всем дали 10 лет тюрьмы плюс 5 лет ссылки.] Мне стало жутко. Вправе ли мы судить людей за то, в чем виноваты все, и виноваты ли люди в том, что осуждают такую тяжелую жизнь. Ведь человек прежде всего хочет есть, хочет накормить своих детей, и только потом он носитель идей [1: 190].

27.11.1942. Конечно, командование, приказы, всякая стратегия и все такое <...> Но ведь ни в одном приказе не может быть написано: «Тебе, Ваня, закрыть грудью дзот, тебе, Коля, на горящем самолете кинуться на немецкие цистерны <...> А вам, Саша и Степа, драться с немцами на кулаках, сбросить их с крыши и умереть от пуль!» <...> Генералы наши умные люди, честь им и хвала! Но что были бы их приказы, не будь такого народа, таких «обыкновенных», ничем не примечательных людей. Вижу я их перед собой всех, как живых [1: 265].

21.08.1945. [Муж присылает с фронта несколько ящиков трофеев.] Два-три дня я ходила ошеломленная. Различные чувства боролись во мне. Царапали по сердцу некоторые мелочи, вроде тех, что в кармане пиджака я обнаружила раздавленные очки в золотой оправе и детские перчатки. Жалость к маленькому, униженному и оскорбленному человеку забралась в мое сердце, ведь не все же в Германии фашисты и злодеи [2: 21].

27.12.1947. В общежитиях грязно, нехорошо. Внимания к человеку мало <...> в цехах нет душевых, раздевалок. Рабочие постоянно нахо-

⁵ Окружной финансовый отдел. — Прим. ред.

дятся в своих спецовках, от сала, копоти и грязи похожих на рыжую кожу [2: 117].

2.04.1953. [Разгар кампании по борьбе с «космополитизмом».] Ну и пусть даже виноват и большой виной виноват. Так что? Добывать, что ли? [Собирается навестить изгнанного и подвергнутого остракизму коллегу.] Ни о каких политических, редакционных делах, тем более о предъявленных ему обвинениях я говорить с ним не буду. Я просто пойду к Ефиму Мироновичу Весенину, страдающему, большому старику. Вот и все! [2: 228].

Обыкновенные люди, жертвы и объект манипуляций власти для автора Дневника — это *мы*, а те, кто «откормлен на славу, вымыт не наспех, а тщательно и со смыслом» [2: 290] — это *они*. Именно так Лашина последовательно позиционирует себя в акте письма, при том что в реальных ситуациях, о которых идет речь в приведенных цитатах, она как раз действует от лица тех, кто имеет власть: она начисляет налоги, судит, проверяет общежития как «представитель министерства», разбирает жалобы как зав. отделом писем «Крокодила». Возможно, в жизни она ведет себя иногда как власть имеющий, о чем изредка проговаривается и в Дневнике, например, при описании разговора с одним из тех, на кого жалуются читатели журнала «Крокодил»:

12.10.1953. Остапенко сидел на диване весь красный, а я говорила и ходила перед ним по ковру. И говорили мы как друзья. Его взгляд сопровождал мои движения [2: 265].

Описанная сцена — когда один сидит, весь красный, и снизу следит взглядом за расхаживающей перед ним по ковру начальницей — опровергает определение разговора как дружеского. В Дневнике упоминается, что в 1940–1950-е годы Лашина прибегает к выступлениям на партсобраниях и письмам в ЦК как средству борьбы за справедливость, т. е. в своих поведенческих практиках пользуется властью и использует власть. Но в дневниковом автонаративе она последовательно на стороне жертв власти.

Отношения нарративного «я» и других обыкновенных людей с властью строятся в Дневнике как сюжет непонимания. «Не знаю, не понимаю» — таким рефреном на протяжении всего текста Дневника сопровождаются описания и комментарии действий власти.

15.02.1930. Работа в ОКРФО наполняет меня смятением. Я не понимаю того, что делается, не могу разобраться во всем, что на меня налетело, не знаю, какой позиции держаться [1: 35–36].

20.02.1937. Умер Орджоникидзе. Недавно прошелестели слухи, что застрелился Ломинадзе. Не знаю. В газетах ничего нет. Коммунисты молчат. Спросить не у кого [1: 138].

15.04.1937. И снова мне хочется сравнить всех нас со слепыми котятками. Мы, беспартийные, ничего не знаем. Коммунисты, может

быть, что-то знают, но молчат <...> Совсем не верить тоже трудно [1: 139].

25.05.1937. Ничего не понимаю. Я не одна в смятении. Лидия Павловна вчера сидела у нас до часу ночи <...>. И она не понимает. И Костя не понимает. <...> Что происходит? [1: 142].

31.07.1942. Из Москвы писем нет никому. Сидим в своем глухом Рождестве, как слепые котята [1: 261].

18.12.1950. [Двоюродная сестра Ольга рассказывает, как ее принуждают к доносительству и предательству.] И вот прошло уже два дня, а все хожу под впечатлением этого ужаса и сама не знаю, что делать, как быть Ольге, как помочь ей. Только я ничего не понимаю, что делается на земле [2: 149].

4.04.1953. Кто и как ответит за все, как это распутается, ничего не ясно. Голое сообщение, и все тут! Ничего я не понимаю [2: 231].

Два момента в этой позиции обыкновенного человека здесь ясно маркированы. Во-первых, отчуждение от власти, которая всегда изображается как нечто непостижное уму, она никогда не часть *нас*, это *они*, действующие в каких-то своих, неясных для людей интересах. Влиять на нее или участвовать в ее выборах непосредственно невозможно. Второе — это функция информации как властного ресурса, как способа разделения на доминирующих и доминируемых («слепых котят»). Изолирование от информации, конечно, и является основой для манипулятивных пропагандистских стратегий. Об этом писал социолог Ю. А. Левада, отмечая, что изолированность от информации порождает у «простого советского человека» боязнь информации, «нежелание ее иметь, неумение ее понимать, более того, готовность воспринимать любое новое знание с помощью “старых”, традиционных стереотипов» [Левада 2001: 8]. Однако Дневник Лашиной демонстрирует не только и даже не столько подчинение обыкновенного человека манипуляциям власти, сколько тактики ускользания от нее.

Ресурсы, которыми пользуется в этой ситуации обыкновенный человек, — это собственные каналы информации (слухи), проявляемая автором Дневника эмпатия, солидарность и нарративная⁶ идентификация с жертвами власти. Последнее, наверное, можно рассматривать как одну из тех тактик повседневности (в терминах де Серто), которые вызывают отклонения в функционировании власти.

В случае Лашиной мы видим попытку сделать такую позицию, отрефлексированную в акте письма, публичной, вынести ее за рамки дневникового дис-

⁶ Речь не идет, конечно, о том, что в своем Дневнике Лашина на стороне жертв, а в реальных практиках жизни на стороне власти. Из ее дневников узнаем массу примеров, когда Лашина сама была жертвой и оказывала реальную, ощутимую помощь «слабым», особенно во время своей работы в «Крокодиле». Речь идет о том, что нарративная «местоположенность» автора Дневника гораздо более последовательна, чем ее реальное жизненное поведение, что вполне объяснимо.

курса. Как уже упоминалось, в 1949 г. она уходит со службы для того, чтобы посвятить себя литературному труду, пишет несколько романов и повестей и предпринимает попытки их издания. Как можно понять из Дневника, это повествования о перипетиях частной жизни людей, написанные на автобиографическом материале. Они не были опубликованы, так как большая часть издательских и журнальных рецензий на рукописи была отрицательной.

Из пристрастного пересказа и комментариев в Дневнике мы можем судить о существовании претензий рецензентов. Главная из них состояла в том, что тексты Лашиной страдают, как тогда говорилось, «мелкотемьем», слишком прозаически изображают советскую жизнь и советских людей. Рецензенты ждали и требовали от текстов агиографий «замечательных советских людей», героических мужчин и «новых женщин», написанных в соответствии с соцреалистическим каноном [Кларк 2002], в то время как автор стремилась изобразить реальную жизнь обыкновенных людей⁷:

29.11.1950. Консультант «Нового мира» заканчивает рецензию такими словами: «Произведение печатать нельзя. Автору не удалось создать роман, отвечающий высоким требованиям, которые партия и советский народ предъявляют к произведениям литературы» «...» Выходит, что нет у нас таких людей, как [герои романа]. Да они не только есть, их много. Они обыкновенные люди. «...» «Прямые пути» — сама жизнь. Только ведь жизнь не проходит в непрерывных триумфах и победах, она идет в обычных делах среди будничного и черного труда. И люди далеко не все герои [2: 145].

12.09.1954. По Горбунову выходит, что советский человек живет для общества, решительно отменяя на задний план все личное. Он может быть только сильным, умным, трезво рассуждающим, ошибки ему не свойственны, он чужд им по своей природе. А отсюда ему не знакомы и не должны быть знакомы страдания, тоска. Серенького, будничного в нем ничего нет. А в «Прямых путях» жизнь простых обыкновенных людей, ошибающихся, страдающих. В ней много простых будней нашей жизни, черновой ее стороны, трудностей, забот, сомнений, маленьких, простых радостей [2: 289].

Уже упоминавшийся американский историк Йохен Хелльбек, исследуя дневники сталинского времени, пишет, что «почти вся логика основных революционных нарративов преобразования (преобразования себя и социального пространства), коллективизации (коллективизации индивидуальных производителей и самого себя) и очищения (политические чистки и акты личного усовершенствования) производились и воспроизводились самими советскими гражданами, которые неустанно рационализировали непроницаемые политические программы и таким образом являлись идеологической силой, действующей наравне с лидерами партии и государства» [Хелльбек 2010].

⁷ Я оставляю в стороне вопрос о художественном качестве текстов, который невозможно обсуждать, не прочитав их. Но основная часть претензий рецензентов, как следует из их изложения в Дневнике, связана с идеологическими, а не эстетическими недостатками.

Случай Лашиной демонстрирует иные сознательные и бессознательные практики отношения с идеологическими метанарративами. И в сталинское время, и позже она отказывается рационализировать непроницаемые политические программы, фиксируя свое непонимание, и предпочитает размещать себя на полях, за пределами владений власти. И в стратегиях дневникового письма, и в своих художественных текстах Лашина отвергает легитимирующий нарратив официального дискурса, она не рассматривает воспроизводящую этот нарратив схему соцреалистического романа как значимую для себя и своих героев, не описывает их (и себя) как исторических субъектов в процессе становления. Маргинализуя собственное «я» через понятие обыкновенности и изображая своих персонажей как частных людей, она воплощает в своем письме одну из тех описанных де Серто тактик «ускользания от власти», которые «переопределяют ее институциональные усилия» [Козлова 2005: 175].

Еще раз хочу подчеркнуть, что все вышесказанное не означает, что дневниковый нарратив Лашиной свободен от принуждений господствующего идеологического дискурса — это, конечно, не так. Но выбранная автором Дневника позиция — на периферии, «на полях» позволяет ей смотреть «косым (косящим) взглядом»⁸ — не только через линзы официальной идеологии, но и со стороны, из маргиналии. Этот «сбитый фокус» парадоксальным образом делает взгляд зорче и позволяет сохранять способность к рефлексии, иногда открыто деконструируя формы дискурсивного принуждения, как в записи от 2 апреля 1956 г.:

...без клочки кулаков и мироедов они оказались просто русскими крестьянами с их женами, детьми, стариками — крестьянами, по чьему-то произволу лишенными избы, коровы, всего имущества и выгнанными с позорными клочками в вековую жестокую ссылку [2: 322].

«Наши дети! Это наша жизнь и наша жертва»

Термин *обыкновенный человек*, который использовался при описании ключевой позиции нарративного «я» Дневника Нины Лашиной, на самом деле не совсем точен и нуждается в корректировке. Позиция автора, конечно, как уже отмечалось, изменчива, нестабильна, но главное — она не является нейтральной в национальном, возрастном и гендерном аспектах. Повседневность, на описании которой сосредоточен дневник, — это женская повседневность, легитимирующие биографические паттерны гендерно маркированы, письмо во многих местах вполне поддается анализу с помощью разработанной в феминистской критике категории «женского языка». Упомянутый выше «косой взгляд», по мысли немецкого феминистского критика Зигрид Вайгель, отражает особенность женской творческой «оптики».

Интересно отметить, что и те претензии, которые предъявляет критика романам Лашиной, почти полностью совпадают с упреками женской прозе — повестям и романам Веры Пановой начала 1950-х годов или появившимся не-

⁸ Der schielende Blick — термин немецкой феминистской исследовательницы Зигрид Вайгель [Weigel 1988a].

сколько позже произведениям И. Грековой, Ирины Велембовской и Натальи Баранской (см.: [Skomp 2015]), в центре которых — изображение катастрофического напряжения и конфликта между идеалом советской семьи и «новой женщины» (активной работницы и ответственной матери) и реальным положением дел.

Названная проблема — ключевая и для дневников Лашиной. Последней безусловно близка мысль о семье нового, непатриархатного типа (см.: [Градскова 1999; Gradskova 2007]), основанной на дружбе и равноправии, равном участии супругов в домашних делах и воспитании детей. Об этом она много пишет еще в 1920-е годы во времена первого брака, когда живет в Ташкенте. Жизнь «несчастливых узбекских женщин» «за глухими стенами дувалов», где они «варят шурпу и плов, стирают, моют и вышивают в ожидании супруга — повелителя, властителя их жизни и судеб» (12.04.1930) [1: 39], вызывает у нее ужас; она хотела бы, чтобы муж, Семен, «любил [ее] и детей, как друг, как помощник, чтоб семья для него была радостью, потребностью» (25.02.1929) [1: 9].

Но в реальности все обстоит иначе: муж гуляет, пьет, играет в карты, ощущает себя свободным от многих семейных обязанностей, бьет жену и агрессивен по отношению к детям. Все это доставляет ей страдание и вызывает протест, о чем она пишет в Дневнике. Собственно, потребность артикулировать свои «бунтарские чувства» мотивирует в этот период сам акт ведения дневника, потому что поведенческая стратегия автора до поры до времени противоположна: прощение, терпение и стремление сохранить семью, построенную в общем как патриархатный садомазохистский союз.

Второй брак, начавшийся как идеальный, соединяющий страстную любовь и дружбу, взаимопомощь, в конце концов тоже кончается изменой, враждой, насилием и разрывом. В третьем браке она соглашается на компромисс, на частичное взаимопонимание с мужем, не предъявляя ему максималистских требований эмоционального и финансового соучастия в жизни семьи. В описании Лашиной все трое ее мужей хотят сохранения брака при условии собственной свободы, перекладывая финансовые проблемы, ответственность за принятие решений и воспитание детей на плечи жены:

11.06.1947. Снова встали мы перед вопросом безденежья и отсутствия продуктов <...> И снова Костя уклонился от всякого желания мне помочь. <...> Снова я продала в скупочном магазине за бесценок только что полученную материю на платье. Новое, черное, приличное платье. Я так о нем мечтала <...> И так мне печально! И хотелось бы пожаловаться, да некому. Если Косте сказать, он с раздражением спросит: «Это что, мне упрек?» [2: 88]

В этой ситуации для того чтобы выжить и сохранить семью, как следует из Дневника, возможны две тактики. Первая — это тактика матриархатного контроля, которую подробно излагает сестра третьего мужа — Вячеслава Лашина:

20.02.1954. Зина считает, что жена должна держать мужа в руках, для его же блага ограничивать его во всем, в случае проявления первых

признаков лжи немедленно установить за ним контроль, проверять каждый его шаг, пресекать всякие его злоупотребления в самом начале, касается ли это вина или женщин. Она утверждала, что во всем, что произошло, виновата я сама, потому что не руководствовалась этими мудрыми правилами, бросила вожжи и пустила события на самотек [2: 283].

Возражение, что «единственные возможные отношения между супругами <...>, — это полное и безусловное доверие», Зина парирует словами: «Лишнее доверие к мужу есть проявление эгоизма, потому что надо было думать о нем и об его будущем» [2: 283].

Примеров семей, где есть такая властная, контролирующая жена и мать (при отсутствии мужчины или его безволии, пьянстве и т. п.), немало в Дневнике. Например, потенциальный тесть старшего сына Лашиной, удивляющегося женскому диктату в семье, советует: «Терпи, Сашенька, я всю жизнь терплю» [2: 91].

Тактики скрытого лидерства зачастую использует и сама Лашина, однако в акте письма она подчеркивает свою приверженность другой модели женского поведения, связанной с концептом не «новой», а традиционной, патриархальной семьи: она описывает себя как всепрощающую и жертвующую собой женщину. В этом смысле идеальным образцом для нее является собственная мать, которая была оставлена мужем с тремя маленькими детьми на руках (кроме их общего младшего сына, это был ребенок мужа от другой женщины и племянница), безропотно их растила и самоотверженно принимала участие в воспитании внуков, одновременно до глубокой старости работая в школе:

5.04.1932. Все отношения мамы к родным и чужим, и животным, и ко всем явлениям жизни — это любовь. Часто эта любовь остается безответной, но от этого она не пропадает. Как терпеливо и кротко она относится к обоим сыновьям, таким грубым с нею! Как ласково и безотказно ухаживает за внучатами, жертвуя сном и отдыхом <...> И при всем этом ни одной мысли о себе, для себя <...> она может спать не на кровати, если кровать кому-то понадобится, а на стульях, может не обедать, если не хватило другим. Она никогда не задумывается над своими собственными нуждами, просто отказывая себе во всем, и ничто не вызывает ее недовольства, раздражения. Напротив, во всех случаях она очень довольна [1: 57–58].

Меряя свою жизнь максималистским идеалом жертвенного самоотречения, Лашина ощущает непреходящее чувство вины перед всеми своими домашними, но в первую очередь — перед детьми. Если в ее отношениях с мужчинами две модели жены (старая и новая) конкурируют между собой, то по отношению к детям она последовательно стремится выполнять роль ответственной, жертвующей матери. Дети для нее — безусловная и главная ценность и цель; им, подробно и весьма беспристрастному описанию их характеров и проблем, посвящена большая часть Дневника.

8.05.1933. Дети, которым я практически отдаю всю свою жизнь, время, труд, являются для меня неиссякаемым источником радости. Счастье для меня и в страданиях за них, в лишениях, которые я сознательно терплю из-за них [1: 98].

Как обыкновенная советская женщина, Лашина живет в ситуации, когда она принуждена выполнять гендерный контракт «работающей матери», который предполагает совмещение традиционной патриархальной роли женщины в рамках семьи с одновременной занятостью на производстве и в общественной жизни [Темкина, Роткирх 2002; Айвазова 1998]. Причем требования к женщине и как к работнице, и как к гражданке и — особенно — как к матери, ответственной за здоровье и воспитание детей, постоянно возрастают начиная с конца 1930-х годов, когда в установках власти начинается патриархальный ренессанс. Хотя Лашиной много помогает мать, в довоенное время в семье есть няньки и помощницы по хозяйству, младшие дети посещают ясли и детский сад, но двойная нагрузка при максималистских требованиях к собственной материнской роли последовательно описывается ею как непосильная и деконструктивная:

5.04.1934. Но во всех моих исканиях только два берега. Одни мой берег — моя семья, мой дом, муж, дети. Другой берег — работа, общественный успех, увлечение собой <...> Совместить в себе и настоящего, полноценного работника и хорошую семьянинку я не смогу. Потому что и тому и другому надо принадлежать до конца <...> А такого неисчерпаемого количества сил, способностей и времени, чтобы быть сразу всем и для всех, у меня нет [1: 109–110].

28.04.1940. Я не хочу работать, я хочу жить с детьми! Чтобы Котик был здоров, чтобы Шурик не был одинок, чтобы малыши высыпались, чтобы и Косте и детям жилось тепло и уютно. Но что же мы будем есть? Жуткая моя жизнь, горькая моя судьба! До слез, до боли жалко детей! [1: 182].

2.01.1944 ...я чувствую себя такой перед ними (детьми. — И. С.) виноватой. Не надо было их иметь! Действительно, что я им дала? Кроме самой жизни, ничего! А так хотелось бы дать им все! И теплый дом, и внимание, и настоящее образование, и показать и мир, и познакомить со всем прекрасным на земле... [1: 317].

7.01.1944. Имеющая детей женщина не должна работать где-то в стороне от семьи, если дети ее не устроены как следует. Ее труд должен принадлежать ее детям так же, как принадлежит ее душа. Ее повседневное влияние, любовь, забота должны окружать их ежедневно и ежечасно. Не дело матери сидеть с утра до ночи в стороне от детей и, не зная, не чувствуя их жизни, писать всякие отчеты и сводки, а думать о детях и чувствовать себя несчастной, потому что ты не с ними [1: 320].

Идеал жертвенного материнства, глубоко укорененный в культурной традиции⁹, имеет сильные религиозные, христианские коннотации, но в то же время концепция жертвоприношения и самоотречения (во имя будущего, коммунизма и в интересах государства) характерна и для советской идеологии¹⁰. Для героини целе- и жизнеобразующая идея самопожертвования несомненно является одним из влиятельных образов жизнеосмысления; жертвенность становится универсальным объяснительным кодом. Собственная жизнь интерпретируется через понятие жертвенности и жертвы.

25.12.1945. Для того чтобы жить, надо иметь определенную цель¹¹. А теперь? В чем цель? В потребительском отношении к жизни? В воспитании своих детенышей <...>? В квартире? В зарплате? До чего же пустое!! <...> Это все не цель. Нужна жертва! Сильная, поглощающая силы и волю. Такую жертву можно принять как цель¹² [2: 46].

Но одновременно, как можно видеть из приведенных выше цитат, Дневник описывает гигантское, невыносимое напряжение автора в попытках соответствовать идеалу жертвенной матери при необходимости работать — в ситуации, когда мужчины по объективным и субъективным причинам не способны обеспечить семью, а государство принуждает к трудовой деятельности, иногда напоминаящей рабский труд:

7.01.1944. Вообще установилась какая-то дикая практика. Работай не только день, но и вечер. И в Наркомате во всех комнатах люди продолжают работать до позднего вечера. Женщины, матери нервничают, но если начальство приказало, остаются и работают [1: 318]¹³.

Постоянное напряжение и неизбывное чувство вины приводят к ситуациям бунта — словом и «телом». Дневник становится местом, где можно выплеснуть, выкричать свои страдания и усталость и нарушить табу (например, подвергнуть сомнению святость и неизбежность материнства):

7.06.1937. У меня неприятность и я, в противоречие всем своим прежним настроениям, так пишу. Три месяца беременности! А я не хочу иметь четвертого ребенка. Я так устала! Я так устала <...> Я начала уставать и от труда, и от забот, и от тяжелых раздумий, и от всей, всей жизни! [1: 143].

Бунт телом проявляется в депрессиях, нервных срывах, тяжелых нервных болезнях, которые также описываются в Дневнике:

⁹ Речь идет не только о русской, но и об общеевропейской культурной традиции. См., например: [Weigel 1988b].

¹⁰ Об образе матери в соцреализме см., например: [Рамм-Вебер 2003].

¹¹ Такой целью для Лашиной была победа и возвращение мужа с войны.

¹² Речь идет о решении усыновить ребенка, оставшегося во время войны сиротой.

¹³ Необходимость для служащих наркоматов трудиться до позднего вечера и даже ночью была вызвана тем, что Сталин предпочитал работать по ночам, и все сотрудники ЦК и наркоматов (министерств) должны были находиться в круглосуточной «боевой готовности», чтобы ответить на любой его запрос.

10.02.1945. На почве неврастения и истощения я почти потеряла зрение. Не могла ни писать, ни читать, ни шить [1: 343].

3.12.1952. Всю ночь я продолжала плакать. Слезы, продолжавшиеся больше 30-ти часов, уносят душу, и это так и было [2: 211].

Материнская жертвенность, выбранная как желаемая модель самоосуществления и представленная в Дневнике через фаталистический концепт женской судьбы, не подвергается ревизии, но акцент часто сдвигается с героического на страдательный, на ощущение себя не жертвующей, а жертвой:

12.01.1951. Вся моя жизнь упирается в интересы детей. И так из года в год. И не было случая, чтобы я отказала кому-нибудь из них в реальной помощи <...> Отнять у себя, и отдать им, и сделать вид, что мне-то как раз не надо. Работать всю жизнь и приносить домой весь заработок все для того же и для того же. Накормить, одеть, купить им и снова им. И душевная жизнь моя. Вечная тревога <...> и забота. Конечно, у меня нет сил купить, например, пианино или предоставить им по комнате. Откуда им взяться, если с 41-го года фактически одна я несу все заботы. Костя, что ли, делит эти заботы со мной? У него какие-то иные заботы, скользящие мимо меня, семьи, детей [2: 151].

Самоосуществление через детей и самоотверженное материнство парадоксальным образом соединяются с мыслью о потере себя, об отсутствии собственного пространства душевной жизни, о самонеосуществлении. И в этом случае символическая идея отсутствия пространства женской самореализации в патриархатном социуме¹⁴ воплощается в дискурсе повседневности, органически закольцовываясь в Дневнике Лашиной с пресловутым «квартирным вопросом». Описанию коммунального советского быта (см.: [Бойм 2002; Утехин 2001]) посвящено много страниц Дневника:

1.04.1932. Теперь в двух комнатах живут 11 человек, плюс мокрые пеленки и детский крик с утра до вечера [1: 56].

26.09.1944. Повернуться невозможно. Чтобы выйти из комнаты, нужно всех потревожить. Кто-то должен подвинуться, кто-то встать со стула [1: 341].

23.08.1958. [О работе в отделе писем «Крокодила»] В основном же люди просят о том, о чем просить бы и не следовало, о том, что каждый человек иметь должен уж в силу одного того, что он живет. О жилье. Живут люди по 5, по 7 человек в одной комнате [2: 348].

11.10.1958. Но представив себе, что в одной нашей комнате, где живет совсем старенькая мама, 23-летняя девушка и 18-летний парень, где ни у кого нет собственного уголка, где спят они все вокруг одного

¹⁴ Об этом не раз писала феминистская критика начиная с вышедшего в 1928 г. знаменитого эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» («A room of one's own»).

стола, представив, что здесь будет жить еще неизвестная нам женщина с грудным ребенком, что все это ляжет на неопределенный срок на мои плечи, я стала думать и думать [2: 362].

«Принудительная социальность» [Левада 2001: 11] советского быта, отсутствие частного пространства у автора Дневника, как и у всех остальных членов семьи, не только делает невозможной интимную супружескую жизнь, но выхолащивает само содержание понятия семьи: внутри этого коллективизированного быта невозможно быть дочерью, матерью, женой в том смысле, который представляется Лашиной правильным и естественным:

21.02.1945. А меня утомила наша жизнь, коксовая пыль, жаркая печурка и бесконечное скопление людей у маленького стола. Так хочется побыть одной в комнате хоть час в день. Посидеть за столом молча, ни с кем не разговаривая, выпить стакан горячего чая и в этой же тишине лечь спать в чистую, свежую постель и проснуться без напряжения, без спешки [1: 347].

22.03.1945. Недавно я шла с работы и поняла, что самое любимое время для меня это тогда, когда я иду домой с работы, потому что эти 40 минут я нахожусь одна. Я думаю о своем <...> Быть всегда обязанной находиться с людьми, в Наркомате с чужими, дома со своими! Всегда, всегда днем и ночью, видеть перед собою другие лица, подчиняться их настроению, слушать их разговоры, сглаживать всякие вспышки [1: 359].

29.09.1945. Я люблю его (мужа, Костю. — И. С.) не только женской любовью, но и материнской <...> Нам с ним обоим тяжело живется. Мы никогда не бываем вдвоем. Поговорить нам друг с другом не представляется возможным. Мои и его желания сразу получают отзвук, оценки, вопросы других людей. <...> Я страдаю. В нынешней обстановке наша любовь и дружба обречены на чахлае и жалкое существование. Я даже не могу по-настоящему рассмотреть, каким он стал после войны [2: 23–24].

Чтобы в таких обстоятельствах просто жить, «обывать», быть обыкновенной, нормальной женщиной, существовать в тех материальных и духовных условиях, которые «каждый человек иметь должен уж в силу одного того, что он живет», нужно совершать какие-то героические усилия самопожертвования, иногда непосильные. Идея героического и агиографического модели биографического нарратива используются в Дневнике Лашиной не для описания ситуации «жизнь за царя» (за родину, за коммунизм) или религиозного духовного подвига; в этой парадигме описывается обыкновенное женское существование в непрерывных усилиях по обузданию хаоса, энтропии повседневной, бытовой жизни.

Практика ведения дневника тоже становится одним из таких усилий. Очевидно, что Дневник Лашиной, как и другие женские дневники (см.: [Савкина 2007: 95–190]), выполняет функцию виртуальной «своей комнаты», что Дневник для нее, как для многих женщин, — практика не самоописания, а самопи-

сания, самоструктурирования, возможности быть одной и «думать о своем». Эта функция Дневника сохраняется на всем протяжении его ведения¹⁵, хотя, конечно, структура Дневника не гомогенна — в разном возрасте, в разных жизненных обстоятельствах он осмысливается по-разному: в тысячестраничном тексте можно найти и свидетельство, и мемории, и истерику, и молитву, и очерки нравов. Безусловно и то, что модели «обыкновенного человека» и «жертвенной матери», о которых шла речь в этой статье, не являются единственными и неизменными для автора. Можно найти немало моментов, где автор Дневника выступает с позиции «исторического персонажа», сознательно, аналитически участвующего «в изобретении истории».

Позиция жертвенности тоже имеет свои трещины: Лашина совершает (и описывает) нарциссические поступки (изменяет первому мужу, флиртует с коллегами, оставляет детей бабушке, уходит с работы, чтобы заняться творчеством). Можно было бы обратить внимание и на то, что паттерны жертвенной жены и матери и властного, контролирующего матриарха в реальности не являются взаимоисключающими, и в тексте Дневника мы можем встретить описание ситуаций, когда жертвенность оборачивается контролем, излишней опекой, желанием принимать решения за детей и манипулировать их жизнью, провоцирует эгоизм и иждивенчество¹⁶. Лашина сама об этом много размышляет на последних страницах Дневника в записях о неудачной и трагической судьбе любимого сына Кости, об отчуждении других сыновей. Интересно, что публикаторы обрывают текст Дневника на очень символическом эпизоде: после гибели сына Лашина удочеряет его дочь и получает новое свидетельство о рождении девочки. «В новой метрике было написано: “Мать — Лашина Нина Сергеевна, отец — Покровский Константин Константинович”» [2: 486], т. е. роли жертвенной матери и жены соединяются в каком-то символическом неестественном, «инцестном» акте.

«Движение жизни...»

Огромный, многостраничный Дневник Нины Сергеевны Лашиной оставляет много возможностей для других исследовательских подходов, но в этой статье я стремилась сосредоточиться на выявлении того, что, на мой взгляд, является лейтмотивным, к чему автор постоянно возвращается, что обнаруживается в структурирующих повествование стратегиях самоидентификации, в сознательных и бессознательных повторах, в рефлексии над собственной позицией.

Автор Дневника, как мы могли видеть, имела писательские амбиции и верила, что, написав свои романы и повести, «создала живую, неуничтожимую летопись наших горьких и трудных дней (...)» И убеждена, что придет день, когда они будут изданы и оценены» [2: 408]. Эти надежды не сбылись.

¹⁵ Последняя запись в Дневнике датирована 5 июля 1966 г., но по информации публикаторов Лашина вела Дневник и позже — хотя не так регулярно (электронное письмо автору статьи от Александры Колымагиной от 4 апреля 2015 г.).

¹⁶ Рефлексию этой оборотной стороны материнской жертвенности можно ясно видеть в российской женской прозе конца XX в. — в текстах Людмилы Петрушевской, Татьяны Толстой, Марины Вишневецкой и др.

Но публикация ее Дневника позволила услышать это «послание» обычной женщины, чья «обыкновенность» оказалась захватывающе интересной.

15 марта 1941 г. Нина Сергеевна Лашина записала в Дневнике:

И я прошу тебя, мой далекий, добрый друг, в чьи руки попадут мои записки, не изгоняй из них движения жизни, не заглушай биения моего сердца в погоне за какой-то своей, мне не известной целью [1: 200].

Очень хотелось бы надеяться, что эта просьба хоть частично выполнена в данной статье.

Литература

- Айвазова 1998 — Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М.: РИК Русанова, 1998.
- Белова 2013 — Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений / Отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 25–67.
- Бойм 2002 — Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Нов. лит. обозрение, 2002.
- Волков 1997 — Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
- Градскова 1999 — Градскова Ю. «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М.: Sputnik, 1999.
- Кларк 2002 — Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Козлова 1996 — Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.
- Козлова 2005 — Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
- Королев 2013 — Королев С. А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // Философская мысль. 2013. № 8. Цит. по электрон. версии. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_709.html.
- Лашина 2011 — Лашина Н. С. Дневник русской женщины: В 2 т. Т. 1: 1929–1945 гг. Т. 2: 1946–1967 гг. М.: КПЦ «Преображение», 2011.
- Лебина 2015 — Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Нов. лит. обозрение, 2015.
- Левада 1993 — Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993.
- Левада 2001 — Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 10–12.
- Паперно 2004 — Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. № 68. 2004. С. 102–127.
- Покровская 2013 — Покровская Н. С. Так начиналась жизнь: воспоминания внуки директора Демидовского юридического лица. Ярославль: ЯрГУ, 2013.

- Рамм-Вебер 2003 — *Рамм-Вебер С.* Искусство сталинской эпохи: материнский архетип и соцреализм // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2003. С. 267–286.
- Савкина 2007 — *Савкина И. Л.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Нов. лит. обозрение, 2007.
- Серто де 2013 — *Серто де М.* Изобретение повседневности. 1: Искусство делать. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
- Темкина, Роткирх 2002 — *Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
- Утехин 2001 — *Утехин И. В.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.
- Фицпатрик 2008 — *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. М: РОССПЭН, 2008.
- Хелльбек 2010 — *Хелльбек Й.* Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). Цит. по электрон. версии. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html>.
- Хелльбек 2012 — *Хелльбек Й.* Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900–1933) // Новое литературное обозрение. № 116. 2012. С. 374–384.
- Bruner 2004 — *Bruner J.* Life as narrative // Social Research. Vol. 71. No 3. 2004. P. 691–710.
- Chamberlain, Thompson 1998 — *Chamberlain M., Thompson P.* Introduction: Genre and narrative in life stories // Narrative and Genre / Ed. by M. Chamberlain, P. Thompson. London; New York: Routledge, 1998. P. 1–22.
- Hellbeck 2009 — *Hellbeck J.* Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2009.
- Gradskova 2007 — *Gradskova Yu.* Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Stockholm: Stockholm University: Almqvist & Wiksell International, 2007.
- Paperno 2009 — *Paperno I.* Stories of the Soviet experience. Memoirs, diaries, dreams. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2009.
- Ransel 2015 — *Ransel D. L.* The scholarship of everyday life // Everyday life in Russia past and present / Ed. by C. Chatterjee, D. L. Ransel, M. Cavender, K. Petroine. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2015. P. 17–34.
- Skomp 2015 — *Skomp E.* The literature of everyday life and popular representations of motherhood in Brezhnev's time // Everyday life in Russia past and present / Ed. by C. Chatterjee, D. L. Ransel, M. Cavender, K. Petroine. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2015. P. 118–139.
- Weigel 1988a — *Weigel S.* Der schielende Blick: Thesen zur Geschichte weiblicher Schreibpraxis // Die verborgene Frau: Sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft. / Hrsg. I. Stephan, S. Weigel. Berlin: Argument-Sonderband AS, 1988. S. 83–137.
- Weigel 1988b — *Weigel S.* Die geopferte Heldin und das Opfer als Heldin: Zum Entwurf weiblicher Helden in der Literatur von Männern und Frauen // Die verborgene Frau: Sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft / Hrsg. I. Stephan, S. Weigel. Berlin: Argument-Sonderband AS, 1988. S. 138–152.

“MY SIMPLE NOTES”:
PATTERNS OF SELF-IDENTITY IN THE DIARY OF NINA LASHINA

Savkina, Irina L.

PhD

University Lecturer, School of Language, Translation and Literary Studies,
University of Tampere (Finland)

333014, Tampereen yliopisto, Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö,
Tampere, Finland

Tel.: +358442548988

E-mail: irina.savkina@staff.uta.fi

Abstract. This article analyses the diary of Nina Lashina (1906–1990), which was published in 2011. This work could be termed a diary of “everyday life” or a “diary of an ordinary woman”. When analyzing this text, the author presupposes that a diary narrative is a space where an ongoing process of self-identification is taking place. However, this narrative always involves leitmotif models and biographical schemes that are essential for the author of the diary, and self-description and self-representation are carried out within this framework. The article demonstrates that the key concepts in Lashina’s diary are those of “ordinary life” and “women’s everyday life”, and a central legitimizing metanarrative is the history of a mother’s self-sacrifice.

We interpret deliberate marginalizing of one’s own Self through the concept of “ordinariness” as one of the tactics of “wandering out”, according Michel de Certeau’s terminology. These tactics manage to redefine the institutional efforts implemented by the Power. At the same time, Lashina’s diary demonstrates her deep dependence on dominant notions of the woman’s role — self-sacrificing mother and responsible wife, one who constantly controls the life of her husband and family. Such matriarchal practices are depicted by the author of the diary as inevitable and necessary for survival. On the other hand, the idea of “heroic life” and the hagiographical model of biographical narrative are used in this text not to describe civic virtues or or a religious spiritual exploit, but rather to represent the everyday female existence engaged in ceaseless efforts to overcome chaos, the entropy of everyday life.

Keywords: diary, women’s writing, diary narrative, identity, ordinariness, history of everyday life, gender relations, Soviet subject

References

- Aivazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality]. Moscow: RIK Rusanova. (In Russian).
- Belova, A. V. (2013). Zhenskaia povsednevnost’ kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskii i metodologicheskii aspekty [Female everyday life as a subject of history of everyday life: Historiographic and methodological aspects]. In N. L. Pushkareva (Ed.). *Rossiiskaia povsednevnost’ v zerkale gendernykh otnoshenii* [Russian everyday life in the mirror of gender relations], 25–67. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Boim, S. (2002). *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoi zhizni* [Transl. and enl. from Boym, S. (1994). *Common places. Mythologies of everyday life in Russia*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bruner, J. (1998). Life as narrative. *Social Research*, 71(3), 691–710.
- Chamberlain, M., Thompson, P. (1998). Introduction: Genre and narrative. In M. Chamberlain, P. Thompson (Eds.). *Narrative and genre*, 1–22. London; New York: Routledge.
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm* [Transl. from Fitzpatrick, Sh. (1999). *Everyday Stalinism: Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford: Oxford Univ. Press]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Gradskova, Yu. (1999). “Obychnaia” sovetskaia zhenshina — obzor opisaniia identichnosti. [An “ordinary” Soviet woman — a review of descriptions of identity]. Moscow: Sputnik. (In Russian).
- Gradskova, Yu. (2007). *Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s*. Stockholm: Stockholm University: Almqvist & Wiksell International.
- Hellbeck, J. (2009). *Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Khell’bek, I. [Hellbeck, J.] (2010). Povsednevnaia ideologiya: zhizn’ pri stalinizme [Everyday ideology: Life during Stalinism]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], 2010(4) (=72). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html>. (In Russian).
- Khell’bek, I. [Hellbeck, J.] (2012). Zhizn’, prochtennaia zanovo: samosoznanie russkogo intelligenta v revoliutsionnoi epokhu (1900–1933) [Life, read again: self-consciousness of the Russian intelligentsia in a revolutionary period (1900–1933)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 2012(4) (= no.116), 374–384. (In Russian).
- Klark, K. (2002). *Sovetskii roman: istoriia kak ritual* [Transl. from: Clark, K. (1981). *The Soviet novel: History as ritual*. Chicago: Univ. of Chicago Press]. Yekaterinburg: Izdatel’svo Ural’skogo universiteta. (In Russian).
- Korolev, S. A. (2013). Povsednevnost’ kak emanatsiia sotsial’nosti: transformatsii i trendy [Everyday life as an emanation of sociality: transformations and trends]. *Filosofskaia mysl’* [Philosophical thought], 2013(8). Retrieved from http://e-notabene.ru/fr/article_709.html. (In Russian).
- Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie liudi. Sseny iz istorii* [Soviet people: Scenes from history]. Moscow: Evropa. (In Russian).
- Kozlova, N. N. (1996). *Gorizonty povsednevnosti sovetskoi epokhi: Golosa iz khora* [The horizons of everyday life in the Soviet era: Voices from the choir]. Moscow: IF RAN. (In Russian).
- Lashina, N. S. (2011). *Dnevnik russkoi zhenshchiny* [Diary of a Russian woman]. Vol. 1 (1929–1945), Vol. 2 (1946–1967). Moscow: KPI “Preobrazhenie”. (In Russian).
- Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaia povsednevnost’: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol’shomu stilu*. [Soviet everyday life: Norms and anomalies. From War Communism to the Grand Style]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Levada, Iu. (2001). “Chelovek sovetskii”: problema rekonstruktsii iskhodnykh form [“Homo Sovieticus”: The problem of reconstructing the initial forms]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 2001(2), 7–16. (In Russian).
- Levada, Iu. A. (1993) (Ed.). *Sovetskii prostoi chelovek: Opyt sotsial’nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Ordinary Soviet person: An attempt at a social portrait at the turn of the 1990s]. Moscow: Mirovoi okean. (In Russian).

- Paperno, I. (2004). Sovetskii opyt, avtobiograficheskoe pis'mo i istoricheskoe soznanie: Ginzburg, Gertsen, Gegel' [Soviet experience, autobiographical writing and historical consciousness: Ginzburg, Herzen, Hegel]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 68, 102–127. (In Russian).
- Paperno, I. (2009). *Stories of the Soviet experience. Memoirs, diaries, dreams*. Ithaca; London: Cornell Univ. Press.
- Pokrovskaja, N. S. (2013). *Tak nachinalas' zhizn': vospominaniia vnuchki direktora Demidovskogo iuridicheskogo litseia* [Thus life began: Memoirs of the granddaughter of the director of the Demidov Juridical Lyceum]. Yaroslavl: IarGU. (In Russian).
- Ramm-Weber, S. (2003). Iskustvo stalinskoi epokhi: materinskii arkhetyip i sotsrealizm [The art of the Stalinist era: The mother archetype and socialist realism]. In E. Cheauré, C. Heyder (Eds.). *Pol. Gender. Kul'tura. Nemetskie i russkie issledovaniia* (Sex. Gender. Culture. German and Russian studies), 267–286. Moscow: RGGU. (In Russian).
- Ransel, D. L. (2015). The scholarship of everyday life. In C. Chatterjee, D. L. Ransel, M. Cavender, K. Petroine (Eds.). *Everyday life in Russia Past and Present*, 17–34. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Savkina, I. L. (2007). *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [Conversations with the mirror and the world behind it: Autobiographical women's texts in Russian literature in the first half of the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Serto, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'* [Invention of the everyday life. Part 1. Art of doing] (Transl. from de Certeau, M. (1990). *L'invention du quotidien. 1. Arts de faire*. Paris: Gallimard). St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Skomp, E. (2015). The literature of everyday life and popular representations of motherhood in Brezhnev's time. In C. Chatterjee, D. L. Ransel, M. Cavender, K. Petroine (Eds.). *Everyday life in Russia past and present*, 118–139. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Temkina, A. A., Rotkirch, A. [Rotkirch, A] (2002). Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2002(11), 4–15. (In Russian).
- Utekhin, I. V. (2001). *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on communal everyday life]. Moscow: OGI. (In Russian).
- Volkov, V. V. (1997). O kontseptsii praktik(i) v sotsial'nykh naukakh [On the conception of practice[s] in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies], 1997(6), 9–23. (In Russian).
- Weigel, S. (1988a). Der schielende Blick: Thesen zur Geschichte weiblicher Schreibpraxis. In I. Stephan, S. Weigel (Eds.). *Die verborgene Frau: Sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft*, 83–137. Berlin: Argument-Sonderband AS. (In German).
- Weigel, S. (1988b). Die geopfert Heldenin und das Opfer als Heldenin: Zum Entwurf weiblicher Helden in der Literatur von Männern und Frauen. In I. Stephan, S. Weigel (Eds.). *Die verborgene Frau: Sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft*, 138–152. Berlin: Argument-Sonderband AS. (In German).

SAVKINA, I. L. (2017). "MY SIMPLE NOTES": PATTERNS OF SELF-IDENTITY IN THE DIARY OF NINA LASHINA. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 136–157

МÉNAGE À TROIS КАК (НЕ)ВОЗМОЖНЫЙ СЮЖЕТ у Руссо и Гончарова: от «Юлии, или Новой Элоизы» к «Обломову»

Аннотация. В статье рассматривается функционирование в романе Ивана Гончарова «Обломов» мотива «жизни вдвоем» главных героев. Этот мотив является важным аспектом осуществленной в романе многосторонней рецепции романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В качестве промежуточных звеньев обозначенной рецептивной связки (Руссо–Гончаров) рассматриваются различные обстоятельства восприятия первой и второй частей романа Руссо в европейском и русском литературном и культурном контекстах, а также те литературные и исторические прецеденты из истории русской культуры XVIII–XIX вв., в основе которых лежит идея (не)возможности реализации любовно-семейной утопии в форме *ménage à trois*.

Ключевые слова: «жизнь вдвоем» (*ménage à trois*), эмоциональная утопия, семейная утопия, эмоциональный репертуар, эмоциональные матрицы, эмоциональное сообщество, русский роман, эпистолярный роман, переписка, «возможный сюжет», «Юлия, или Новая Элоиза», Руссо, «Обломов», Гончаров

1

В последней части романа «Обломов» И. А. Гончаров намечает мимолетный, но крайне значимый «возможный сюжет» (термин С. Г. Бочарова [Бочаров 1999]) — возможность «жизни вдвоем» (*ménage à trois*) для главных героев¹. Женившийся на Ольге Ильинской Андрей Штольц решитель-

¹ См., например: «Ольга зовет тебя в деревню к себе гостить; любовь твоя простыла, неопасно: ревновать не станешь. Поедем» (434); «...я приехал за тобой, с тем чтоб увезти туда, к нам, в деревню... <...> Ты должен жить с нами, вблизи нас: мы с Ольгой так решили, так и будет... <...> Едем же!.. Я готов силой увезти тебя!» (481). Здесь и далее все ссылки на роман И. А. Гончарова «Обломов» приводятся по изданию [Гончаров 1998]. Страницы по этому изданию указываются в скобках после цитаты.

но настаивает на необходимости для Обломова присоединиться к их с женой жизни в деревне. Несмотря на охвативший Обломова энтузиазм, связанный с известием о счастливом замужестве бывшей возлюбленной и с освобождением от мучившего его чувства вины по отношению к Ольге, он решительно отказывается принять приглашение Штольцев; сюжетный мотив «жизни вторым» тем самым не реализуется. Однако наличие такой сюжетной возможности в романе Гончарова значимо в контексте выявления и осмысления новых аспектов рецепции (в частности, перечитывания и переписывания) романа Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» в рамках русской культурной традиции.

Во второй части «Юлии, или Новой Элоизы» сюжетно утверждается амбициозная семейная утопия как физическое, телесное воплощение — в виде совместного повседневного существования в имении Кларан главных героев: Юлии, ее супруга Вольмара и ее бывшего возлюбленного Сен-Пре (и их друзей, родных и доверенных лиц) — той виртуальной, точнее, эпистолярной эмоциональной утопии, которая изображена в первой части романа, где второстепенные герои объединяются вокруг истории несчастной любви Юлии и Сен-Пре, активно участвуя в переписке и принимая самое непосредственное участие в развитии их отношений. Под эмоциональной утопией здесь понимается изображение группы людей, отношения внутри которой становятся реализацией идеала, эксплицитно описанного в романе. «Таким образом участники переписки составляют своего рода эмоциональное сообщество, полностью прозрачное для его членов, делящихся друг с другом тончайшими движениями души и стремящихся действовать в унисон» [Зорин 2016: 346–347]². Жанр эпистолярного романа подчеркивает утопический характер взаимоотношений героев: действие почти полностью ограничено кругом корреспондентов, в письмах четко распределены психологические роли, и, наконец, персонажи успешно и последовательно влияют друг на друга, что опять-таки можно видеть по их самоотчетам в переписке³.

Рецепция первой части романа Руссо его русскими читателями, в частности как воплощение идеи эмоциональной утопии в практиках жизнестроительства, изучены очень подробно ([Розова 1969; Лотман 1992] и др.). Из новейших исследований необходимо отметить монографию [Зорин 2016], в которой на примере биографической истории рано умершего поэта Андрея Ивановича Тургенева (1781–1803) и его близкого круга подробнейшим образом рассматривается влияние упомянутого романа Руссо на формирование эмоционального репертуара и поведенческих практик русского дворянства. А. Л. Зорин описывает многостороннюю переписку Тургенева и его конфиденентов, основанную на принципах открытости и прозрачности, как попытку построения эмоциональной утопии по модели, описанной в «Юлии, или Новой Элоизе». Для нашей темы особенно важен тезис Зорина об отсутствии «между переживанием и его выражением необходимого “структурного един-

² О более поздних этапах развития эмоциональной утопии в русской культуре см.: [Матич 2008].

³ Всесторонний анализ, показывающий, как образ поместья Кларан из «Новой Элоизы» связан с утопической традицией, можно найти в [Jones 1978: 43–70]. О сознательной «сконструированности» романа Руссо см. цитату из его «Исповеди», приводимую далее.

ства”. Это несовпадение позволяет исследователю увидеть переживание через оптику множественных культурных форм как на входе (“эмоциональные матрицы”), так и на выходе (поведенческие акты). Их столкновения дают нам возможность косвенно представить себе динамику переживания, а порой приводят к появлению новых культурных форм и эмоциональных матриц [Зорин 2016: 36]. В подробно рассматриваемой исследователем эксцентричной и трагической любовной истории А. И. Тургенева имело место постоянное обновление эмоционального репертуара: «составлявшие его матрицы взаимодействовали друг с другом, определяя прихотливую, а порой и загадочную логику его (Андрея Тургенева. — *О. Р.*) решений, оценок и настроений» [Там же: 38], — что, в частности, породило существенный разрыв между формами интенсивного существования как внутри эмоциональной утопии дружеской и любовной переписки, так и в реальном (материальном) жизненном измерении. Так, одной из главных интриг в эмоциональной истории главного героя монографии Зорина является ситуация параллельного участия Тургенева в интенсивной переписке с доверенными лицами (с которыми, однако, он не мог поделиться переживаниями, выходящими за рамки закрепленных в культурной традиции актуальных эмоциональных матриц) и ведения им личного дневника более открытого свойства. «[Тургенев] вновь чувствовал необходимость собрать свою личность в единое целое и разобратся в противоречиях. Интимный дружеский кружок “Новой Элоизы” “кристаллизовывался”, по определению Жана Старобинского, вокруг любви главных героев этого романа. Андрею Ивановичу удалось сформировать подобное сообщество пылких сердец вокруг собственного романа с Екатериной Соковниной. Он находился в центре этого мира и один оставался холодным» [Там же: 366]. Романы Руссо и Гончарова значимы именно потому, что в них хорошо видно, как авторы проблематизируют связь между двумя формами жизнестроительства — «эмоциональной» и «поведенческой», — показывая неудачные попытки материализовать, осуществить в формах совместного проживания идеи эмоциональной утопии⁴.

Жизнь большим кругом и открытым домом — мифологизированный элемент повседневной жизни русского дворянства, очень значимый для русской культуры (см., например: [Дмитриева, Купцова 2003]). Тем более значимым оказывается отказ от сюжетной возможности создать образ открытой семьи в романе Гончарова с его ориентацией на уровне сюжетосложения на «Новую Элоизу». Этот минус-прием становится тем более заметным, что начинается роман с изображения дома Обломова именно как открытого, куда может прийти кто угодно, — но в финале герои одиноки. Именно эта скрытая полемика Гончарова с Руссо и является предметом осмысления в настоящей статье. Влияние романа Руссо на Гончарова достаточно полно исследовано⁵, однако попыток охарактеризовать несложившиеся тройственные взаимоотношения Ольги, Обломова и Штольца как русский вариант описанного у Руссо тройственного союза Юлии, Вольмара и Сен-Пре, насколько нам известно, не предпринималось.

⁴ Жан Старобинский в своей классической монографии о романе Руссо, к которой неоднократно апеллирует и Зорин, описывает его устройство через оппозицию прозрачности и препятствия, подчеркивая как раз структурообразующее значение подобных разрывов [Starobinski 1971].

⁵ См., в частности: [Отрадин 1994: 127–133; Гродецкая 2013].

2

Одной из ключевых читательских и исследовательских интриг, связанных с «Новой Элоизой», является вопрос о ее двухчастной структуре. Действительно, книга содержит в себе две отдельные, хотя и связанные друг с другом истории. Первая — рассказ о запретной любви: аристократка Юлия пламенно любит своего учителя Сен-Пре и тайно становится его любовницей; воссоединению героев мешают сословные предрассудки, но и сама Юлия сознательно отказывается от бегства с возлюбленным из родительского дома. Этой истории посвящена первая половина романа, и именно она стала прообразом универсального сентиментально-романтического любовного сюжета, закрепившегося в литературе и культуре Нового времени и усиленного значимым повтором, осуществленным Гёте в «Страданиях молодого Вертера». Сюжет этого романа варьирует первую половину «Новой Элоизы», однако у Гёте главный герой кончает с собой, что у Руссо было лишь намечено как одна из возможностей развития сюжета (подробнее см. статью [Faubert 2015], автор которой, Мишель Фобер, даже утверждает, что Руссо в «Новой Элоизе» дал начало романтической концепции самоубийства). Это позволило Гёте сконцентрировать сюжет вокруг образа главного героя. У Руссо главных героев, точнее — субъектов любовного дискурса, даже в первой части романа по меньшей мере двое⁶.

Юлию выдают замуж за пятидесятилетнего друга отца, почтенного господина де Вольмара. Вторая половина «Новой Элоизы» посвящена семейной утопии, в основе которой лежит идея победы двух главных героев не столько над общественными и социальными предрассудками, сколько над собственными чувствами как проявлением душевной слабости героев, претендующих на возрождение в ином социальном и человеческом качестве: Юлия уважает святыню брака и увлечена собственным подвижничеством как новой жизненной ролью, а Сен-Пре, победив свою страсть, становится преданным другом семейства.

Семейная утопия⁷ в ходе развития сюжета трансформируется в утопию социальную и даже, как отмечает Ирина Паперно, эмоциональную: «...учитель-любовник (Сен-Пре), муж (Вольмар), кузина (Клер, двойник Юлии) и даже отец (разрушивший союз Юлии и Сен-Пре) собираются вместе вокруг объединяющего их и гармонизирующего центра — Юлии. Гармония, царящая среди взрослых, распространяется и на детей, долг воспитания которых лежит на Сен-Пре» [Паперно 1996: 120]. Сюжет развивается таким образом, что неотъемлемой частью реализованной семейной утопии оказывается концепт «жизни втроем», воплощенный в частности иконографически, в одной из гравюр, созданных художником Гравелло под руководством автора в качестве иллюстраций к роману. Это гравюра седьмая, с подписью «Доверие прекрасных душ», сюжет которой описывается Руссо следующим образом:

⁶ Подробней о связи романов Руссо и Гёте см.: [Funke 1983].

⁷ Большинство исследователей отмечает в описании Кларана влияние идиллической традиции (см. подробнее: [Лукиянец 1999: 64–73], также см.: [Забабурова 1999]). Нам, однако, вслед за Ириной Паперно [Паперно 1996] важно подчеркнуть утопический (сконструированный, искусственный, моралистически-умозрительный) характер атмосферы всеобщего счастья, царящей в имении Вольмаров.

Расположение фигур в этой гравюре очень простое и все же требует большой выразительности <...> Друг Юлии возвращается из долгого путешествия, и, хотя муж знает, что до его женитьбы Сен-Пре был счастливым любовником Юлии, он так доверяет благородству их обоих, что сам пригласил Сен-Пре в свой дом. Минута прибытия Сен-Пре и служит сюжетом гравюры. Поцеловав друга, Юлия берет его за руку и представляет своему мужу, который подходит к ним, желая, в свою очередь, обнять Сен-Пре <...> Юлия должна смотреть на мужа со скромной уверенностью, во взгляде ее — умиленная признательность за великое доказательство уважения, которое он дал ей, и сознание, что она того достойна (697–698)⁸.

Важно отметить, что Гёте в своем романе полемически выступает против утопической веры Руссо в возможность победы героя над собственными чувствами и, в частности, подчеркивает на сюжетном уровне принципиальную невозможность реализации жизненного проекта жизни втроем, маркируя саму эту возможность как проявление мелкобуржуазного отношения к жизни. «Суть его [Вертера] проблем — в панической боязни попасть в плен буржуазных правил и ограничений» [Юханнисон 2011: 131]. Лотта и ее супруг выражают надежду, что Вертер сможет включиться в их семейную жизнь на правах близкого друга, но Вертер игнорирует эту возможность и навещает Лотту только в отсутствие мужа, более того — не пытаясь преодолеть чувственного влечения к ней, которое лишь усиливается осознанием недостижимости желаемого.

3

Ю. М. Лотман констатирует избирательный характер чтения романа Руссо его первыми русскими читателями, когда «снялся» тот пласт структуры романа, который оказывался читателю понятным и доступным. «В большинстве случаев это приводило к истолкованию “Новой Элоизы” как психологического романа, повествующего о страстной любви. Так воспринимала роман пушкинская Татьяна, для которой это была “опасная книга”» [Лотман 1992: 98]⁹. В этой же работе приведен еще один яркий пример. Исследователь упоминает вышедшую в 1804 г. в Москве книгу «Роман моих ближних. Российское сочинение», героиня которого по имени Юлия (sic!), прежде чем изменить мужу, «была в спальне и занималась “Новой Элоизой”» [Там же: 97]. Очевидно, что на измену героиню сподвигла именно первая часть романа Руссо.

Говоря о Татьяне как читательнице «Новой Элоизы», Лотман имеет в виду вторую и третью главы романа. Думается, однако, что Татьяна восьмой главы, приносящая свою любовь к Онегину в жертву супружеской верности, заявляет о себе как о внимательной читательнице и второй половины романа Руссо. Она ориентируется не столько на влюбленную Юлию Д’Этанж первой половины романа, сколько на Юлию Вольмар — жену и мать, в прошлом у которой

⁸ Здесь и далее все цитаты из «Юлии, или Новой Элоизы» Руссо приводятся по изданию [Руссо 1961a] с указанием в скобках страницы.

⁹ Об увлечении других пушкинских героев, точнее героинь, романом Руссо см.: [Невская 2004].

(как и у Татьяны) была страстная история любви. Владимир Набоков в своих комментариях к «Евгению Онегину», анализируя сконструированный Пушкиным список чтения Татьяны, замечает: «В связи с этим и другими читанными Татьяной романами следует отметить, что их героини — Юлия (несмотря на ее добрачный *fausse-couche* (выкидыш. — О. Р.)), Валери и Лотта (невзирая на вырванный у нее силой поцелуй) — остаются такими же верными своим мужьям, как княгиня N. (урожденная Татьяна Ларина) — своему, да и Кларисса отказывается выйти замуж за своего соблазнителя. Обратите также внимание на чувство едва ли не патологического уважения и своеобразную экзальтированную сыновнюю любовь, которую испытывают юные герои этих произведений к зрелым и необщительным супругам молодых героинь» [Набоков 1998: 298]. Развивая блестящее наблюдение Набокова, хочется подчеркнуть, что и сами героини в их замужнем состоянии изображены как более зрелые, мудрые и сильные, чем их бывшие возлюбленные, и элемент материнской нежности и заботы героини по отношению к герою можно обнаружить и тут.

Подчеркнуто двухчастная структура пушкинского романа (две разведенные во времени встречи главных героев, между которыми находятся путешествия Онегина и замужество Татьяны) оказывается прямым воспроизведением структуры романа Руссо — с кругосветным путешествием Сен-Пре и замужеством Юлии в самой середине романа, на границе между двумя его частями. В дальнейшем эту композиционную структуру воспроизводит в своем романе Гончаров, еще более усилив композиционно-сюжетное сходство с романом Руссо построением всего его сюжета вокруг трех основных главных героев. И Пушкин, и Гончаров в двухчастной структуре своих романов независимо друг от друга «отвечают» Руссо, вступают с ним в диалог, но по-разному: Пушкин — отказываясь от описания «жизни втроем» (в описанном им мире, где столь велика роль светских условностей, это было бы невозможно) и одновременно исключая самоубийство в результате несчастной любви по типу вертеровского (можно представить себе самоубийство Онегина за пределами романа — но по совершенно иным причинам, чем у Вертера: Евгений мог бы наложить на себя руки от понимания, что сам виноват в случившемся¹⁰); у Гончарова Обломов не просто отказывается последовать за Штольцем и Ольгой, но и женится, тем самым Гончаров разрушает вообще всю эстетику «открытого дома» и превращает общество в пространство замкнутых семейных пар, по отношению к Руссо — постутопическое¹¹.

¹⁰ Любопытно, что режиссер Марта Файнс в британской экранизации «Онегина» (1999) домысливает пушкинский сюжет, изображая в финале главного героя одиноким, тоскующим и умирающим от чахотки.

¹¹ Важно при этом отметить, что сюжет «жизни втроем» намечается как возможный и не реализуется в «Обломове» дважды. Эффект комического удвоения этого мотива возникает, когда Обломов, в свою очередь, предлагает Штольцу и Ольге присоединиться к его совместной жизни с Агафьей Матвеевной: «Да выпей, Андрей, право, выпей: славная водка! Ольга Сергевна тебе этакое не сделает! — говорил он нетвердо. — Она сплет “*Casta diva*”, а водки сделать не умеет так! И пирога такого с цыплятами и грибами не сделает! <...> Славная баба Агафья Матвевна! Эх, Андрей! Переезжай-ко сюда с Ольгой Сергевной, найми здесь дачу: то-то бы зажили! В роще чай бы стали пить, в Ильинскую пятницу на Пороховые бы Заводы пошли, за нами бы телега с припасами да с самоваром ехала. Там, на траве, на ковре легли бы! Агафья Матвевна выучила бы и Ольгу Сергевну хозяйничать, право, выучила бы...» (436). Ср. интерпретацию сюжета романа Гончарова, предложен-

Пушкин намечает эту сюжетную возможность в самом конце романа, когда покинувшую место объяснения Татьяну сменяет ее муж, и все три героя оказываются иконографически (точнее, «кинематографически»: одна персонажная пара, Татьяна — Онегин, сменяется другой, Онегин — князь N) объединены одной сюжетной ситуацией и одним пространством. Пушкин оставляет финал романа открытым, при этом значимым представляется обращенный эксплицитно к Онегину и имплицитно — к самой себе призыв Татьяны не оказаться рабами «мелкого чувства» взаимной любви, заставляющий читателя вспомнить о героических сверхусилиях, направленных на победу над собственными (не до конца угасшими) чувствами, которые предпринимают герои Руссо в подобной ситуации. Татьяна говорит «Я вас люблю (к чему лукавить?)» — как и Юлия в прощальном предсмертном письме признается в любви Сен-Пре:

Может быть, слишком уж откровенно я говорю, но в такую минуту сердце ничего не может скрыть. Да и что мне бояться сказать то, что я чувствую? Это ведь не я с тобою говорю — я уже в объятиях смерти. Когда ты увидишь сии строки, черви будут глотать и лицо твоей возлюбленной, и сердце ее, где тебя уже не будет. Но разве без тебя душа моя может существовать?.. <...> Какое счастье, что я ценою жизни покупаю право любить тебя любовью вечной, в которой нет греха, и право сказать в последний раз: «Люблю тебя» (659).

В обоих случаях это сознательное противозаконное признание в своих чувствах усиливает эффект предпринятого аскетического воздержания от возможных чувственных отношений с героем. Юлия при этом — безжалостно по отношению к остающимся жить — уточняет, лишая их каких бы то ни было иллюзий, связанных с коллективным усилием по выстраиванию семейной и эмоциональной утопии:

Добродетель, разлучившая нас на земле, соединит нас в вечной жизни. В сем сладостном ожидании я и умру (659).

Татьяна же, напротив, является транслятором утопического посыла романа Руссо, пытаясь руссоистской логикой укротить вынужденного смирять свое честолюбие Онегина, который, безусловно, оскорблен необходимостью такой аскезы.

В книге 11-й своей «Исповеди» Руссо замечает по поводу своего романа:

Наименее замеченным <...> осталось то, что всегда будет делать эту книгу произведением единственным: простота сюжета и цельность интриги, которая сосредоточена в трех лицах и поддерживается на протяжении шести томов, без эпизодов, без романических приключений, без каких-либо злодейств в характере лиц или в действиях.

ную М. Литовской и Е. Созиной: «Потенциальный треугольник в романе “Обломов”: Илья Ильич — Ольга Ильинская — Андрей Штольц — успешно для всех его сторон (хотя и не без потерь!) достраивается до новой фигуры, благодаря введению новой стороны — Агафьи Матвеевны Пшеницыной и благодаря двум бракам, которые, в общем, нельзя не признать благополучными» [Литовская, Созина: 265].

«...» Нетрудно возбудить внимание, беспрестанно рисуя неслыханные события и новые лица, проходящие наподобие фигур в волшебном фонаре; гораздо труднее все время поддерживать это внимание на одних и тех же предметах и притом без чудесных приключений [Руссо 1961б: 475].

«Обломов» Гончарова как никакой другой русский роман подходит под такую характеристику. Его сюжет завязан на трех главных героях, отношения между которыми формально составляют любовный треугольник и которые так или иначе обсуждают перспективу реализации утопической модели «тройственного союза», напоминающей тот образ совместной жизни, который так провокативно-вызывающе был сконструирован Руссо в «Новой Элоизе».

4

При анализе проблематики второй части романа Руссо часто остается без должного внимания ряд сюжетных подробностей, связанных с возникновением и реализацией идеи привлечения Сен-Пре к «общей жизни» в Кларане и с отчаянно-героическими, нарочито-пафосными амбициями главных героев, направленными на победу над собственным прошлым и на обновление языка и риторики, которые позволяют героям описывать свой жизненный опыт и моделировать проживание собственной жизни. Эпистолярная форма романа Руссо как никакая другая актуализирует эту проблему обновления языка и его ключевых метафор¹². Поль де Ман замечает, что вторая часть романа Руссо является по отношению к первой повтором: «Повторение отличается от своей ранней версии не структурой, но сменой темы: совершается переход от эротического словаря к этическому и религиозному, что приводит к странному наложению практического, прагматического разума, говорящего на языке высокой морали, на желание... «...» Добродетель рассматривается самым практическим образом, и все же о ней также говорится на языке религиозного трепета» [Ман 1999: 258]. Инициатором приглашения Сен-Пре в Кларан является господин де Вольмар, выступающий в роли целителя, уверенно и последовательно излечивающего своих «пациентов» от гнетущего их душевного недуга. Клара пишет в письме к Сен-Пре:

...Он хочет исцелить вас и говорит, что иначе ни Юлия, ни он, ни вы, ни я не можем быть вполне счастливы (355).

Сам Вольмар обращается к бывшему любовнику своей жены:

Хотя мы еще не знакомы, мне поручено писать вам. Самая разумная и самая любимая из всех женщин открыла свое сердце своему счаст-

¹² Элизабет Джейн Макартур рассматривает роман Руссо как один из примеров «экстравагантного эпистолярного нарратива», при описании которого она использует оппозицию *closure vs dynamics* (завершенность/динамичность); см. об этом подробнее в главе «The open dynamic of narrative: Metaphor and metonymy in Rousseau's *Julie*» [MacArthur 1990: 185–270].

ливому супругу. Он считает, что вы были достойны ее любви, и предлагает вам приют в своем доме. В нем царят невинность и мир; вы найдете в нем дружбу, гостеприимство, свои взгляды на перспективу их совместного проживания (354).

Обращаясь к Сен-Пре и Юлии, Вольмар восклицает:

Дети мои, я убеждаюсь, что планы мои совсем не напрасны, и нас троих может связать долгая прочная привязанность, которая сделает нас счастливыми и будет мне утешением на старости... (421).

Частью воспитательно-исцеляющей программы Вольмара является устроенная им провокация, когда Юлия и Сен-Пре остаются вдвоем — в отсутствие других домочадцев — в Кларане в течение недели и в какой-то момент совершают уединенную прогулку по местам прошлой любви. В письме к Кларе он пишет:

Я, думается, хорошо знаю силы и Юлии и Сен-Пре, а посему подвергаю их лишь тем испытаниям, какие им по плечу... (440).

В ответ на протесты Юлии, расстроенной предстоящим отъездом мужа, он недовольно восклицает:

Неужто я бесполезно защищал от вас самих вашу дружбу? Ужели для добродетели моей жены необходимы какие-то особые обстоятельства? Что до меня, то я более требователен, я хочу, чтобы верностью моей Юлии я обязан был лишь ее сердцу, а не обстоятельствам, и мне мало того, что она блюдет свою честь, — для меня оскорбительно, что она сомневается в себе (428).

Вольмар у Руссо занимает репрессивно-дидактическую позицию по отношению к молодым героям (отношения власти и подчинения вообще начинают преобладать во второй части романа), накладывая на них тяжелейшие морально-нравственные обязательства:

Ах, Юлия! Да разве я поверю, что после стольких мучений и горя, и слез, пролитых за двенадцать лет, и славы, сиявшей шесть лет, ты боишься недельного испытания? Короче говоря, будь искренней сама с собою; если опасность существует, спасайся и красней за свое сердце; если опасности нет, то страшиться опасности, для которой ты недостижима, — значит, оскорблять свой рассудок, порочить свою добродетель. Разве ты не знаешь, что есть позорные соблазны, от коих благородная душа всегда будет далека, — соблазны, которые даже стыдно побеждать, и предосторожности против них не столько смиряют, сколько унижают человека (433).

Показательно репрессивный характер имеет демонстрация Вольмаром бывшим любовникам их писем (написанных ими друг другу в период их страсти и переданных в руки Вольмара бароном Д'Этанжем, отцом Юлии) со словами «...вот залог моего спокойствия» (428) — отъезд Вольмара предваряется именно этим жестом.

Молодые герои оказываются прилежными учениками старшего друга. Сен-Пре пишет милорду Эдуарду:

Вот, дорогой друг, подробный отчет о том дне моей жизни, когда я, бесспорно, пережил самые сильные волнения. Надеюсь, что то был перелом, после коего я окончательно приду в себя. Кстати, должен сказать вам, что сие приключение, более чем любые доводы, убедило меня в свободе воли нашей и в силе добродетели. Сколько людей готовы пасть, поддавшись даже слабому искушению! А Юлия!.. Глаза мои видели и сердце мое чувствовало, что в тот день она выдержала жесточайшую борьбу, какую может вести человеческая душа, и вышла из нее победительницей. Но я? Что удержало меня на далеком расстоянии от нее? О Эдуард, когда тебя соблазняла любовница и ты нашел в себе силы восторжествовать над своим собственным и над ее вождением, разве не был ты воистину человеком? Не будь такого примера, меня, быть может, ждала бы гибель. Сто раз в тот страшный день я вспоминал о твоей добродетели, — ты возвратил на путь добродетели и меня (449).

Показательно, что этот эпизод и это письмо завершают четвертую книгу, открывая возможность выстраивания в двух последующих частях утопического романного дискурса.

Реализация нового проекта коллективной жизни оказывается возможна, по замыслу Вольмара, только при условии жесткой этической оценки героями своей прошлой жизни и решительного отказа от нее:

...лишь одно можно поставить вам в упрек: зачем так живы у вас воспоминания о былых ваших ошибках? Вместо того чтобы принимать оскорбительные предосторожности против самой себя, научитесь полагаться на свои силы, и тогда ваша уверенность в себе возрастет (426).

Юлия называет свое прошлое преступлением, «мерзкой тайной» (339), испытывает при мыслях о нем чувство отвращения и мерзости (297–307). Не годяся, она раскаивается в ошибках юности. Атеист Вольмар соблазняет своих молодых подопечных идеей добродетели, которая, как и влюбленность, является страстью, но положительной, а не отрицательной:

Только пламенные души умеют бороться и побеждать. Все великие усилия, все высокие действия доступны им, холодный разум никогда не сделал ничего достойного славы, и над страстями можно восторжествовать, лишь противопоставляя их одну другой. Когда возносит свою силу страсть к добродетели, она господствует одна и все держит в равновесии. Вот так человек и становится мудрецом, — ибо и мудрец не свободен от страстей, но умеет побеждать одни страсти другими, уподобляясь лоцману, который ведет корабль, пользуясь противными ветрами (424)¹³.

¹³ Эта идея была совершенно усвоена первыми читателями Руссо. «Конечно, “Новая Элоиза” — рассказ о любви, но когда читатели Руссо пытались передать чувства, которые

В результате успешно пройденного испытания Сен-Пре становится воспитателем детей супругов де Вольмар, и тут уже Юлия принимает на себя властные амбиции, задумав его женить на овдовевшей и переехавшей в Кларан Кларе¹⁴. Эта попытка представляла собой сначала (на уровне возникновения намерения) претензию Юлии на победу над эгоистической составляющей ее отношения к Сен-Пре, а затем — последовательные усилия Клары (любящей Сен-Пре) и самого Сен-Пре над преодолением соблазна приобщения к обычному человеческому счастью, не требующего соответствия позе героического самопреодоления. Таким образом, вне пафоса героизма во второй части «Новой Элоизы» не реализуется ни один поступок персонажей. Показательна и история любви лорда Эдуарда, полюбившего куртизанку Лауру: она завершается не присоединением к обитателям Кларана новой пары счастливых, презревших сословно-моральные предрассудки возлюбленных, а спровоцированным Сен-Пре (с подачи Вольмара) уходом Клары в монастырь: требование самопожертвования и отказа от чувственных удовольствий в пользу идеи платонического союза родственных душ оказывается абсолютной нормой для всех собравшихся в Кларане вокруг Юлии¹⁵.

Разрушение сложившейся утопии начинается через импульс выхода (порыва) за пределы замкнутого благополучия, закрепленного, поддерживаемого в том числе и абсолютизацией эпистолярности в романе Руссо: искренность в отношении одного адресата оборачивается автоматическим предательством (объективацией) кого-то другого¹⁶. Обращаясь к Сен-Пре в завершающей части романа, Юлия признается:

она в них всколыхнула, они говорили о любви к добродетели. <...> [Читатели в своих письмах] стремились рассказать ему, что отождествляют себя с его героями, что и они любили, грешили, страдали и решились вновь стать добродетельными в порочном и глухом к их несчастьям мире» [Дарнтон 2002: 287].

¹⁴ Юлия приглашает недавно овдовевшую Клару, свою самую близкую подругу, адресата большей части ее писем, присоединиться к их с Вольмаром семейной жизни в Кларане, мотивируя это тем, что совместно можно лучше исполнять долг материнства: «Приезжай же, моя ненаглядная, мой ангел-хранитель, доверши дело рук твоих, порадуйся плодам твоих благодеяний. Будем жить одной семьей, ведь у нас с тобою одна душа, — самое дорогое наше достояние; ты будешь следить за воспитанием моих сыновей, а я за воспитанием твоей дочери. <...> Вместе мы вознесем сердца наши к тому, кто твоим предательством вернул чистоту моей душе (имеется в виду господин Вольмар, муж Юлии. — *О. Р.*); и, не имея более никаких желаний в этом мире, мы в лоне семьи, исполненной невинности и дружбы, будем в спокойствии душевном ожидать перехода в иную жизнь» (343). Госпожа Д'Орб с дочерью переезжает к супругам де Вольмар. В дальнейшем и милорд Эдуард принимает предложение господина де Вольмара переехать в Кларан и жить там со своими друзьями «до конца дней своих».

¹⁵ А. Л. Зорин отмечает взаимный характер принесенных жертв всех участников запутанной истории любви и дружбы братьев Тургеневых и сестер Соковниных: «Количество взаимных пожертвований в этом небольшом кружке оказалось исключительно высоким и достойным персонажей “Новой Элоизы”, тоже постоянно приносивших себя и свои чувства в жертву друг другу» [Зорин 2016: 355].

¹⁶ Ср. с анализом обстоятельств одновременного ведения Андреем Тургеневым личного дневника и интенсивной переписки, в частности факта включения им в свой дневник личных писем Екатерины Соковниной в ситуации обладания самими письмами в оригинале [Зорин 2016: 366]. Если оглядываться на подобные реальные случаи, то отсутствие в романе Руссо личных дневников героев оказывается значимым.

Жить без борения человеку не свойственно, такая жизнь все равно что смерть. Тот, кто, не будучи богом, обладал бы всемогуществом, оказался бы несчастнейшим созданием, — он лишился бы удовольствия желать, а легче перенести всякое иное лишение. Вот и я со времени моего замужества и со дня возвращения вашего испытываю отчасти то же самое. Все вокруг должно меня радовать, а радоваться не могу. Тайная тоска закралась в душу, такая в ней пустота и сердце все щемит, — словом, то же, что вы говорили о себе. Привязанности моей ко всем дорогим мне существам недостаточно, чтобы она целиком захватила меня, — еще остается у меня бесполезная сила, и я не знаю, куда девать ее. Непонятное горе, — сознаюсь в этом, но я действительно страдаю, друг мой, я слишком счастлива, счастье наскучило мне (614–615)¹⁷.

С этим монологом явно перекликается самоописание Ольги в романе Гончарова, пытающейся рассказать Штольцу о проявлениях своей тоски. Для контекста романа Гончарова также ключевым является мотив жизненной борьбы как важнейшей составляющей смысла жизни для его героев — Ольги и Штольца.

Чувство тоски на протяжении всей «Новой Элоизы» испытывает и Сен-Пре. Израиль Верцман назвал этого героя «предтечей романтического скитальца» [Верцман 1971: 80]. В целом мотив охватившей обоих главных героев скуки, сопряженной с острым ощущением нерастрченных жизненных сил, целесообразно идентифицировать как предвосхищение романтической эмоциональной матрицы. «Я не стал бы безоговорочно утверждать, что скука появилась в определенном месте, в определенный промежуток истории, но могу констатировать: скука была более или менее подробно охарактеризована не ранее чем на переходе к романтизму. В эпоху романтизма скука, если можно так выразиться, демократизировалась и обрела широкую популярность» [Свендсен 2003].

Собственно, сама смерть Юлии, описанная в романе как смерть случайная, задумана автором глубоко закономерной. Так, спасением от наступившего героиню ощущения абсолютного счастья и сопряженной с ним скуки оказывается молитвенный восторг — «состояние это сладостно <...> оно заменяет иссякающее чувство счастья, заполняет пустоту в душе и бросает новый свет на прожитую жизнь» (656). Если в начале второй части романа Юлия признавалась Кларе в чувстве одиночества, и именно возвращение мыслями в прошлое и, соответственно, романтизация (в исторической перспективе) образа Юлии не давали в полной мере состояться утопическому проекту Кларана, то в финале на смену преодоленной элегичности приходит скука совершенства и беспамятства, а утопия оборачивается своей антиутопической противоположностью¹⁸.

¹⁷ См. о проявлениях (женской) ипохондрии в культурной ситуации XVIII в. в главе «*Hypochondria and hysteria: Sensibility and the physicians*» в [Mullan 1988].

¹⁸ Трудно избежать читательского и исследовательского соблазна представить, каким могло бы быть продолжение романа, посвященное описанию жизни в Кларане всех его обитателей в отсутствие Юлии, объединенных памятью об умершей. В логике историко-литературных типологий (в частности, в романтической перспективе) вполне просматрива-

В рассмотренных примерах из романа Руссо возникает важнейшая тема непреодолимого разрыва между правом человека на личную тайну и сознательной установкой героев (просветительской по своему происхождению) на организацию и обустройство совместной жизни на основе идеи воплощения эмоциональной утопии — дружеского сообщества полностью открытых друг другу душ¹⁹. Именно эту интуицию Руссо — по поводу неизбежности конфликта между этими началами — и будет всячески испытывать позднейшая литературная традиция.

5

В истории русской литературы первой попыткой «перечитать» вторую часть романа Руссо был роман Николая Эмина «Игра случая» (1789) — беспрецедентная для того времени попытка изобразить счастливый *ménage à trois*: «... влюбленный герой нанимается слугой в дом мужа возлюбленной. Заметив взаимную страсть своей жены и камердинера, старик муж подвергает их чувство испытаниям. В это время героиня заболевает оспой и теряет красоту. Увидев, что и это не охладило героя и что, следовательно, перед ним настоящее и глубокое чувство, муж приглашает соперника в свою семью, но не для того, чтобы он, как у Руссо, победил свою страсть, стал другом дома, а чтобы, в духе морали Гельвеция-Чернышевского, уступить ему жену» [Лотман 1992: 99].

Ирина Паперно подробно рассматривает, как именно Чернышевский — под влиянием Руссо (в существенно большей степени, чем под впечатлением от эмансипационных идей Жорж Санд) — переформулировал и радикализировал традиционную для литературы романтизма проблему супружеской измены, разрабатывая следующую сюжетную ситуацию: «женщина одновременно любит обоих, и для счастья ей нужны оба» [Паперно 1996: 119]. По мнению исследовательницы, «для Руссо тройственные отношения — это иллюстрация его идеи о плюралистичности любви: разные компоненты этого чувства могут быть (одновременно) направлены на разные объекты (Руссо проводит эту идею гораздо дальше традиционной дихотомии плотского вожделения и чистой любви). Поэтому тройственный любовный союз — это совершенно естественные отношения» [Там же: 119]. Паперно приводит пример описания тройственных отношений Руссо, мадам де Варанс и Клода Ане в «Исповеди» и в то же время ссылается на вторую часть «Новой Элоизы», не оговаривая, однако, существенное различие двух этих примеров: если в «Исповеди» описан пример тройственного союза, в основе которого лежат телесно-чувственные отношения между его участниками («свободная любовь»), то «общая жизнь» в имении Вольмаров предполагает тотальный отказ от этой сферы взаимоотношений между мужчиной и женщиной вне пределов узаконенных браком от-

ется печальная жизнь все больше и больше разобщающихся, отчуждающихся друг от друга и впадающих в меланхолию и волевое бессилие героев.

¹⁹ Аналогичный эффект фиксирует А. Л. Зорин в истории Тургенева: «Андрей Иванович не мог по-настоящему открыть свое сердце ни Анне Михайловне, выступавшей в роли confidentки своей сестры, ни друзьям, которые были поверенными его тайн. Чем большее количество близких людей оказывались посвящены в его отношения с Екатериной Михайловной, тем глубже ему надо было таить свои истинные чувства» [Зорин 2016: 368].

ношений. Думается, речь вообще может идти о двух парадигмах осмысления сюжетной ситуации «жизни втроем» в литературе — ситуации, включающей телесно-чувственный аспект взаимоотношений героев и, напротив, преодолевающей его. Тогда главными произведениями русской литературы, в которых осуществляется попытка «перечитать» «Новую Элоизу», следует считать «Евгения Онегина» (см. об этом выше) и «Обломова»²⁰.

Роман Гончарова «Обломов» композиционно построен сходным с «Новой Элоизой» образом, хоть и не столь гармонично: в центре первой собственно сюжетной части романа оказывается история любовных взаимоотношений Ольги и Обломова, которая затем сменяется рассказом о зарождении на новых основаниях семейного союза Ольги и Штольца, оттененного историей брака Обломова. При этом главным субъектом любовных переживаний и композиционным центром в обеих сюжетных частях романа оказывается Ольга — как и Юлия в романе Руссо.

Юлия, являясь абсолютным центром системы персонажей в «Новой Элоизе», во многом руководит чувствами и действиями Сен-Пре, обозначает те нравственные ориентиры, на которые он должен равняться, и обладает даром всепрощения, в отличие от обидчивого Сен-Пре. Не случайно в финале романа именно Юлия принимает на себя миссию избавления Вольмара от его атеистических взглядов. Ольга, в свою очередь, строит отношения с Обломовым, приняв на себя роль врачевателя и спасительницы:

Она мечтала, как «прикажет ему прочесть книги», которые оставил Штольц, потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать в деревню письма, дописывать план устройства имения, приготовиться ехать за границу, — словом, он не задремлет у нее; она укажет ему цель, заставит полюбить опять все, что он разлюбил, и Штольц не узнает его, воротясь. И все это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить! Она — виновница такого превращения!.. (205).

В дальнейшем в романе возникнет и мотив взыскующей требовательности Ольги по отношению к супругу: Штольц знает, что Ольга не простит ему малейшего отклонения от соответствия тому идеалу, который она создала в своем уме и воображении.

²⁰ Любопытно, что в знаменитой драматической истории взаимоотношений Наталии Герцен с мужем, Александром Герценом, и Георгом Гервегом Натали, признававшая, что тень Жан-Жака витала над сценой, и перечитывавшая в самый разгар событий «Новую Элоизу», вначале мечтала превратить две семьи в коммуны и поселиться всем вместе где-нибудь в укромном уголке, желательно — на Женевском озере. Помешало осуществлению этих планов неожиданное для его участников развитие событий: Натали и Гервег стали любовниками (подробней об этом см.: [Паперно 1996: 121–122; Литовская, Созина 2004: 258–262]). Рахметов в романе Чернышевского «Что делать?» удивляется тому, что Вере Павловне так трудно решиться на жизнь втроем, предложенную ей Лопуховым: «Из-за каких пустяков какой тяжелый шум! Сколько расстройств для всех троих, особенно для вас, Вера Павловна! Между тем как очень спокойно могли бы вы все трое жить по-прежнему, как жили за год, или как-нибудь переместиться всем на одну квартиру, или иначе переместиться, или как бы там пришлось, только совершенно без всякого расстройства, и по-прежнему пить чай втроем, и по-прежнему ездить в оперу втроем. К чему эти мученья? К чему эти катастрофы?» [Чернышевский 1975: 227].

В преддверии решающего объяснения со Штольцем Ольга предается самоуглубленной рефлексии, касающейся ее прошлого, а именно природы ее любви к Обломову. В этом отношении Ольга, пожалуй, самая рефлексирующая, склонная к самоанализу и самобичеванию героиня русской литературы; подобных развернутых аналитических внутренних женских монологов нет ни у Тургенева, ни у Достоевского, ни у Толстого. Мы склонны видеть здесь влияние романа Руссо, эпистолярная форма которого и центральный характер образа героини сформировали столь развитую дискурсивную составляющую ее образа.

Гончаров не использует эпистолярную форму как композиционный прием, однако в романе сохраняется «память жанра»: «процитировано» письмо, написанное Обломовым Ольге. Его появление мотивировано сюжетно: Обломов проговаривает в письме то, о чем ему трудно говорить в присутствии Ольги — ср. функции писем в эпистолярных романах, в которых письма, напротив, дублируют (посредством пересказа и рефлексии) уже сказанное и осуществленное в жизни. Но самая главная его функция, на наш взгляд, состоит в прямой отсылке к традиции эпистолярного романа — как ни странно, отсылке гораздо менее иронической, чем в написанном раньше «Онегине» (на которого Гончаров явно оглядывается: Обломов убеждает Ольгу, что ее чувство лишь случайно оказалось направлено на него, как и Онегин — Татьяну). Письмо Татьяны слегка пародийно (включая «уверения» рассказчика в том, что оно переведено с французского), однако сложность психологического анализа в письме Обломова, кажется, исключает мысль о пародии²¹.

По-видимому, еще один след этой «памяти жанра» — присущая Ольге склонность к «проговариванию» (вслух в разговоре с Обломовым или Штольцем или про себя) той или иной жизненной ситуации. В романе это «проговаривание» дается в форме несобственно-прямой речи, едва заметно окрашенной авторской иронией (см. особенно последнюю фразу приведенной далее цитаты):

Если она любит Штольца, что же такое была та любовь? — кокетство, ветренность или хуже? Ее бросало в жар и краску стыда при этой мысли. Такого обвинения она не взведет на себя. Если же то была первая, чистая любовь, что такое ее отношения к Штольцу? — Опять игра, обман, тонкий расчет, чтоб увлечь его к замужеству и покрыть этим ветренность своего поведения?.. Ее бросало в холод, и она бледнела от одной мысли. А не игра, не обман, не расчет — так... опять любовь? От этого предположения она терялась: вторая любовь — через семь, восемь месяцев после первой! Кто ж ей поверит? Как она заикнется о ней, не вызвав изумления, может быть... презрения! Она и подумать не смеет, не имеет права! Она порывалась в своей опытности: там о второй любви никакого сведения не отыскалось... (407).

²¹ О других аспектах жанра письма в произведениях Гончарова см., например: [Недзвецкий 2000].

Подобного рода внутренние монологи легко представить изложенными в эпистолярной форме — скажем, в виде письма Ольги, адресованного своей близкой подруге (ср. функции обмена письмами между Юлией и Кларой), а в целом сюжет «Обломова» — как представленный в жанре романа в письмах. В романе Гончарова практически отсутствуют эпизоды, в которых бы встречались все трое главных персонажей (за исключением начального этапа общения Обломова и Ольги, посредником знакомства которых является Штольц), — автор, опять-таки как будто в память о жанре эпистолярного романа, прописывает большую часть романских сцен как диалоги-поединки²².

Ключевое сходство Юлии и Ольги выражается в том, как эти героини осмысливают свое прошлое. Несмотря на отсутствие в любовной истории Обломова и Ольги эпизода соблазнения, нравственного падения героини, ее рефлексия относительно прошлой любви связана с невозможностью избавиться от чувства греха, ощущения нечистоты и нравственного несовершенства. Особенно усиливаются эти чувства в момент, когда Ольга смотрит на себя словно бы осуждающими глазами Штольца:

Ей было стыдно, больно. Страннее всего то, что она перестала уважать свое прошедшее, даже стала его стыдиться с тех пор, как стала неразлучна с Штольцем, как он овладел ее жизнью <...> Она с ужасом представляла себе, что выразится у него на лице, как он взглянет на нее, что скажет, что будет думать потом? Она вдруг покажется ему такой ничтожной, слабой, мелкой. Нет, нет, ни за что! (409).

Ей хотелось, чтобы Штольц узнал все не из ее уст, а каким-нибудь чудом <...> «Боже мой! Как я должна быть виновата, если мне так стыдно, больно! — мучилась она внутренне» (415).

Столь же значимым в романе Руссо является страх Юлии перед тем, что Вольмар узнает об ошибках ее молодости. Мужские персонажи принимают на себя, таким образом, функцию надзирателя, судьи и палача в одном лице.

Показателен параллелизм реакции Вольмара и Штольца на события прошлой жизни соответственно Юлии и Ольги — оба они с легкостью и даже радостью снимают налет проблематичности с того, что героиням кажется непреодолимой преградой для зарождения новых, искренних личных отношений:

— Боже мой, если б я знал, что дело идет об Обломове, мучился ли бы я так! — сказал он, глядя на нее так ласково, с такою доверчивостью, как будто у ней не было этого ужасного прошедшего. На сердце у ней так повеселело, стало празднично. Ей было легко. Ей стало ясно, что она стыдилась его одного, а он не казнит ее, не бежит!.. (418).

²² Ср. с опытом визуализации сюжета этого произведения, предпринятого Никитой Михалковым в фильме-экранизации «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» (1979), отличительной чертой которого является как раз сознательное усиление мотива жизни вторым и преобладания ситуаций, при которых в кадре одновременно оказываются все трое персонажей.

Как и в романе Руссо, где связка любовных писем Юлии и Сен-Пре в руках Вольмара, предъявленная героям, предстает залогом счастливого течения событий во второй части романа, так и в романе Гончарова письмо Обломова, адресованное Ольге, снова становится частью сюжета во время решающего разговора Ольги и Штольца. Появление письма предворяется еще одним радикальным сюжетным ходом и очередным сюжетным параллелизмом по отношению к роману Руссо: Ольга подробно рассказывает Штольцу историю своей любви к Обломову, тем самым лишая эту часть своей прошлой жизни статуса личного, приватного, интимного события:

Началась исповедь Ольги, длинная, подробная. Она отчетливо, слово за словом, перекладывала из своего ума в чужой все, что ее так долго грызло, чего она краснела. Чем прежде умилялась, была счастлива, а потом вдруг упала в омут горя и сомнений <...> Она кончила и ждала приговора <...> — Все? — спросил он тихо. — Все! — сказала она. — А письмо его? Она вынула из портфеля письмо и подала ему (418).

Мотив чтения вслух личного (как правило — любовного) письма третьим лицом и спровоцированной этим жестом неловкости (а нередко и публичного скандала) является частым и влиятельным сюжетным мотивом романа в письмах. В романах Руссо и Гончарова значимым оказывается отсутствие в данном случае мотива неловкости — участники той любовной истории, которая отражена в предъявляемых третьему лицу письмах, не высказывают в связи с этим протеста и возмущения и добровольно соглашаются на такой акт насилия над собственным прошлым:

...говорила она, чтоб смотреть дело со всех сторон, чтоб не осталось ни малейшего пятна, никакой загадки (420).

В романе Руссо признание Юлии существует в статусе «отложенного», в связи с этим возникает эпический эффект ретардации. Героиня хочет рассказать Вольмару о своем прошлом, но хочет сначала получить разрешение Сен-Пре. В письме Сен-Пре она пишет:

Заканчивая, я прошу вас о милости. Мучительное бремя отягчает мое сердце. Господин Вольмар не знает о моем прошлом, а ведь безграничная откровенность — неперемное условие верности, в коей я поклялась ему. Много раз я была готова признаться ему во всем, но меня удерживает мысль о вас. Хотя г-н Вольмар благоразумен и сдержан, но, назвав ваше имя, я все же поставлю вас в неловкое положение, — я не хочу говорить о вас без вашего согласия. Быть может, моя просьба будет вам неприятна, и я самонадеянно полагаюсь на вас, да и на себя, уповаю на ваше согласие? Но поймите, умоляю вас, что моя скрытность непростительна, с каждым днем она меня все более мучит, и, покуда я не получу от вас ответа, у меня не будет ни минуты покоя (307).

Сен-Пре оскорблен подобной просьбой своей бывшей возлюбленной и не дает требуемого согласия. Юлия в течение нескольких лет хранит молчание из страха перед разрушением той атмосферы покоя и счастья, которая царит в семье.

Вспомни, как мало во мне скрытности, а меж тем <...> я непрестанно должна принуждать себя к сдержанности, ибо не смею открыться человеку, самому дорогому для меня на свете. Моя мерзкая тайна все больше печалит меня, но с каждым днем я все больше убеждаюсь, что должна молчать. Честность требует признаться, а благоразумие вынуждает хранить молчание (письмо к Кларе, 339).

В результате Юлия рассказывает Вольмару о своем прошлом только на шестом году их брака, после приезда Сен-Пре в Кларан.

Ты знаешь, с какой снисходительностью г-н де Вольмар встретил запоздалое признание, к коему принудило меня неожиданное возвращение Сен-Пре. Ты видела, как ласково сумел он осушить мои слезы и рассеять мой страх позора. То ли действительно ему все уже было известно <...>, то он был тронут моим признанием, понимая, что этот шаг продиктован раскаянием; как бы то ни было, он продолжал относиться ко мне так же, как прежде, и, казалось, его заботы, его доверие и уважение ко мне даже возросли, — он словно хотел вознаградить меня за то, что я преодолела мучительный стыд, которого стоили мне мои признания (письмо к Кларе, 366).

У Гончарова Штольц сначала читает письмо Обломова про себя (в присутствии Ольги), а затем зачитывает его вслух и комментирует, постепенно освобождаясь от груза собственных сомнений и освобождая Ольгу от гнета воспоминаний о прошлом:

— Ах, какое счастье выздоравливать, — медленно произнесла она, как будто расцветая, и обратила к нему взгляд такой глубокой признательности, такой горячей, небывалой дружбы, что в этом взгляде почудилась ему искра, которую он напрасно ловил почти год. По нем пробежала радостная дрожь. — Нет, выздоравливаю я! (420).

У Руссо момент признания Юлии лишь упомянут, но не описан, более того, аспект этической неоднозначности здесь подчеркивается и бурной реакцией несогласия со стороны Сен-Пре, и сомнениями, которые мучают Юлию²³. Радикальность этой сюжетной ситуации у Гончарова подчеркивается изображением взаимного и почти бесстыдного удовольствия, которое испытывают Ольга и Штольц, решительно риторически расправляясь с Ольгиной историей прошлой любви. На уровне же повествования она представлена как напряженная драматическая сцена, разворачивающаяся в режиме настоящего

²³ О двойной зависимости Юлии — одновременно от Вольмара и от Сен-Пре — как о типичной для статуса женщины в европейской культурной ситуации XVIII в. см. остроумную статью Надин Беренгье [Béranguier 1997].

времени. Как и Вольмар Юлию, Штольц выбирает Ольгу в супруги подчеркнуто осознанно и ответственно, осмысляя женитьбу на ней — и именно на ней — как последнее, итоговое счастье своей жизни.

— Нашел свое, — думал он <...> — Дождался! Столько лет жажды чувства, терпения, экономии сил души! Как долго я ждал — все награждено: вот оно, последнее счастье человека! (422).

Сюжетный мотив существенной возрастной разницы между Вольмаром и Юлией (Вольмар — друг и ровесник отца Юлии), заданный в романе Руссо, не воспроизводится у Гончарова буквально (Штольц и Обломов — ровесники и друзья, и оба лишь немного старше Ольги), но зрелое отношение Штольца к жизни всячески подчеркивается. Не случайно и Ольга, и Обломов ищут в Штольце опору и защиту, что проявляется в том числе и на уровне жеста: к примеру, Ольга во время решающего объяснения кладет голову ему на грудь, «как матери» (422). Думается, этот момент иерархической дистанции и авторитетности, превращающей персонажей Вольмара и Штольца в фигуры власти, у гончаровского героя подчеркивается его происхождением: отец Штольца — немец, и это резко отчуждает его от Ольги и Обломова, чьи образы были задуманы Гончаровым и восприняты современниками как истинно национальные. Отчуждающую функцию в случае Вольмара несет, помимо возраста, еще и его загадочное прошлое и как следствие полученного жизненного опыта — его атеизм, так мучающий Юлию.

Эффект хрупкости завоеванного счастья усиливается страхом Штольца перед физической, телесной уязвимостью Ольги:

Его тревожило более всего здоровье Ольги: она долго оправлялась после родов, и хотя оправилась, но он не переставал этим тревожиться... (455).

Дай бог, чтоб эта грусть твоя была то, что я думаю, а не признак какой-нибудь болезни... то хуже. Вот горе, перед которым я упаду без защиты, без силы... (462).

Если обратить внимание на родство образов Юлии и Ольги (вспомним о сходстве их монологов о невыносимости эгоистического счастья), то восприятие этой хрупкости еще и усиливается — благодаря неявной отсылке к мотиву преждевременной смерти героини, оставляющей после себя счастливого мужа и маленьких детей. В романе Гончарова этот мотив дан как нереализованная сюжетная возможность, заявленная в открытом финале.

6

Мотив победы над прошлым влечет за собой у Гончарова (как и в романе Руссо) появление мотива «жизни втроем» как возможной жизненной перспективы для главных героев. В эпизоде предпоследнего разговора между Обломовым и Штольцем возникает почти пародийная перекличка с предшествующим ему эпизодом решающего объяснения Ольги и Штольца. В обоих эпизодах подчеркивается уникальность тройственного союза главных героев, который сложился

благодаря жизненным обстоятельствам, невозможность осуществления в нем каких-либо замен. Так, Штольц восклицает: «Боже мой, если б я знал, что дело идет об Обломове, мучился ли бы я так!» (418), а в дальнейшем уточняет:

Я бы и не шутил, если б дело шло не об Илье, а о другом <...> там ошибка могла бы кончиться... бедой: но я знаю Обломова... <...> То есть если б на его месте был другой человек <...> нет сомнения, ваши отношения разыгрались бы в любовь, упрочились, и тогда... Но это другой роман и другой герой, до которого нам дела нет (420).

Во втором эпизоде Обломов, узнав о том, что именно Штольц женился на Ольге, в свою очередь замыкает историю их тройственных взаимоотношений, исключая возможность участия в них другого:

— Что, если б другой... — с ужасом прибавил он, — а теперь, — весело заключил он — я не краснею своей роли, не каюсь; с души тяжесть спала; там ясно, и я счастлив. Боже! Благодарю тебя! (433).

Интересна ответная реакция Штольца, а именно невольное проявление глубоко запрятанного страха потери Ольгиной любви («— Все скажу Ольге, все! — говорил Штольц. — Недаром она забыть не может тебя...» (433)) и переоценка личности друга и его роли в любовной истории с Ольгой («Нет, ты стоил ее: у тебя сердце как колодезь глубоко!» (433))²⁴.

Во время последних встреч с Обломовым Штольц решительно настаивает на необходимости для друга присоединиться к их с Ольгой жизни в деревне, наполняя свою речь элементами суггестии и почти внушения:

Ольга зовет тебя в деревню к себе гостить; любовь твоя простыла, неопасно: ревновать не станешь. Поедем (434).

...я приехал за тобой, с тем чтоб увезти туда, к нам, в деревню <...> Ты должен жить с нами, вблизи нас: мы с Ольгой так решили, так и будет <...> Едем же!.. Я готов силой увезти тебя! Надо жить иначе, ты понимаешь как... (481).

Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь! (482).

Штольц рисует перед Обломовым картины их совместной жизни, показательно напоминающие утопию Кларана:

Полно, милый Илья! Нехотя станешь жить, как живут около тебя. Будешь считать, хозяйничать, читать, слушать музыку... (434).

Однако, в отличие от аналогичной сюжетной ситуации в романе Руссо, здесь приглашающая сторона руководствуется во многом задачей спасения

²⁴ Взаимное признание исключительных нравственных качеств друг друга имеет место и в отношениях Сен-Пре и Вольмара в романе Руссо (см., например: 354, 361–362).

Обломова, необходимости вырвать его из той жизненной ситуации, в которой он оказался. Не случайно Ольга напоминает Штольцу о своей прежней роли спасительницы в отношении Обломова:

Он будет не в грязи, а близ равных себе, с нами. Я только появилась тогда — и он в одну минуту очнулся и застыдил... (467).

Вспоминая Обломова, она испытывает чувство жалости:

В ее воспоминании воскресло кроткое, задумчивое лицо Обломова, его нежный взгляд, покорность, потом его жалкая, стыдливая улыбка, которою он при разлуке ответил на ее упрек... и ей стало так больно, так жаль его... (468).

Несмотря на охвативший Обломова энтузиазм, связанный с известием о замужестве своей бывшей возлюбленной, освобождение от чувства вины и даже принятие на себя определенной миссии:

— Милый Андрей! — произнес Обломов, обнимая его. — Милая Ольга... Сергеевна! — прибавил потом, сдержав восторг. — Вас благословил сам Бог! Боже мой! Как я счастлив! Скажи же ей... <...> Нет, скажи, напомни, что я встретился ей затем, чтоб вывести ее на путь, и что я благословляю эту встречу, благословляю ее и на новом пути! (433), —

герой Гончарова решительно отказывается принять приглашение Штольцев — и объясняет свою позицию тем, что не может забыть прошлое, которое причиняет боль:

— Нет, Андрей, нет, не поминай, не шевели, ради Бога! — серьезно перебил его Обломов. — Мне больно от этого, а не отрадно. Воспоминания — или величайшая поэзия, когда они — воспоминания о живом счастье, или — жгучая боль, когда они касаются засохших ран... Поговорим о другом (434), —

и в целом — уже произошедшим разрывом с тем миром, к которому принадлежат Штольц и Ольга:

— Что ты хочешь делать со мной? С тем миром, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь две разорванные половины. Я прирос к этой яме больным местом: попробуй оторвать — будет смерть <...> Ах, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мне давно совестно жить на свете! Но не могу идти с тобой твоей дорогой, если б даже захотел... (482).

Отказ Обломова присоединиться к Штольцу и Ольге, усиливший мотив одиночества всех главных героев романа, парадоксальным образом делает особенно уязвимым семейное счастье последних. Действительно, отличитель-

ная черта семейной утопии Штольцев — ее «малонаселенность». Крупным планом изображены (а не просто упомянуты) только сами Андрей и Ольга, и лишь мельком и безымянными упомянуты дети. В альтернативной семейной утопии — жизни Обломова на Выборгской стороне — напротив, можно увидеть подробно изображенными не только Илью Ильича и Агафью Матвеевну, но и Захара, Анисью, Акулину, детей Пшеницыной — Ваню и Машеньку, потом — маленького Андрюшу. Многие современные Гончарову критики обвиняли автора в схематичности и нежизненности фигуры Штольца. Однако дело здесь, безусловно, в сознательном замысле автора, замыкающего Штольца и Ольгу исключительно друг на друге и тем самым — особенно в отсутствие мотива религиозной веры (ср. с Руссо) и в качестве ее замещения — усиливающего мотивы героического подвижничества и самопожертвования.

Сама возможность укоренения Обломова в иной реальности, чем совместная жизнь его близких друзей, показательна на фоне неспособности Сен-Пре стать частью какого-либо иного социального пространства, чем утопический мир Кларана. Это «странничество» особенно подчеркнуто историей пространственных перемещений Сен-Пре, рассказом о его жизни в Париже и о его кругосветном путешествии, в котором он испытывает постоянную тоску по Юлии. Поэтому история брака Обломова может быть интерпретирована как преодоление сюжетного канона, основанного на идее незаменимости единственного опыта любви (ср. также испуг Ольги по поводу мысли о второй любви — описание этого страха окрашено явственной авторской иронией). Этот тип сюжета намечается у Руссо и становится исключительно важным в последующих произведениях европейского романтизма. Гончаров подхватывает мотивы эмоциональной утопии в ее сентиментально-идиллическом варианте, но последовательно демонстрирует, что реализация такой утопии (в частности, в форме «жизни втроем») принципиально невозможна. Изображая же сентиментально-идиллическую утопию как сбывшуюся — в описании сна Обломова, — Гончаров описывает ее и как о б р е ч е н н у ю, происходящую в постоянном присутствии страшного «оврага»; описания Обломовым своего будущего в письме к Ольге («когда я буду лежать на дне этой пропасти...») вызывают прямые ассоциации с тем самым падением в овраг, которого так боялась мать маленького Илюши.

Диалог, в который вступает Гончаров с романом Руссо, демонстрирует нам эпохальную смену эмоциональных матриц. Новая матрица, которая представлена в романе Гончарова, будет определять новые жизнестроительные сюжеты, для которых окажутся более влиятельными модели сингулярного любовного и семейного союза. «Жизнь втроем» на этом новом этапе будет либо связываться с революционным переустройством всей социальной действительности, как у Чернышевского и во многом у авторов «серебряного века» [Матич 2008], либо представлять как д и с т о п и я, или, иначе говоря, как реальная, но пугающая перспектива, в которой нет места добровольной аскезе. Здесь можно вспомнить финал романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1869) с его inferнальной реализацией мотива «жизни втроем» или эпилог «Войны и мира» Л. Н. Толстого (1869), где в качестве приживалов в большой семье Ростовых–Безуховых оказываются и бывшая возлюбленная Николая Соня, и Денисов, когда-то влюбленный в Наташу.

Литература

- Бочаров 1999 — *Бочаров С. Г.* О возможном сюжете: «Евгений Онегин» // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 17–46.
- Верцман 1971 — *Верцман И. Е.* Жан-Жак Руссо и романтизм // Проблемы романтизма: Сб. ст. Вып. 2 / Сост. А. М. Гуревич. М.: Искусство, 1971. С. 64–99.
- Гончаров 1998 — *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях. СПб.: Наука, 1998.
- Гродецкая 2013 — *Гродецкая А. Г.* Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще раз о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 31. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга»; Воронеж. гос. ун-т, 2013. С. 39–49.
- Дарнтон 2002 — *Дарнтон Р.* Читатели Руссо откликаются // Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Пер. с англ. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. С. 250–299.
- Дмитриева, Купцова 2003 — *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: О.Г.И., 2003.
- Забабурова 1999 — *Забабурова Н. В.* Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры / Под ред. Н. Т. Пахсарьян. М.: УРАО, 1999. С. 94–104.
- Зорин 2016 — *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Литовская, Созина 2004 — *Литовская М., Созина Е.* От «семейного ковчега» к «красному треугольнику»: адюльтер в русской литературе // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. ст. Кн. 1 / Сост. и ред. С. Ушакин. М.: Нов. лит. обозрение, 2004. С. 248–291.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллинн: Александра, 1992. С. 40–99.
- Лукьянец 1999 — *Лукьянец И. В.* Французский роман второй половины XVIII века: автор, герой, сюжет. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры, 1999.
- Ман 1999 — *Ман П. де.* Аллегии чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / Пер. с англ., примеч., послесл. С. А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Матич 2008 — *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России / Авториз. пер. с англ. Е. Островской. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
- Набоков 1998 — *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб.: Искусство—СПБ; Набоковский фонд, 1998.
- Невская 2004 — *Невская В. А.* Юлия Вольмар // Онегинская энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Михайловой: В 2 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2004. С. 762–763.
- Недзвецкий 2000 — *Недзвецкий В. А.* Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН; Наследие. С. 327–335 (Лит. наследство; Т. 102).
- Отрадин 1994 — *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994.
- Паперно 1996 — *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Нов. лит. обозрение, 1996.
- Розова 1969 — *Розова З. Г.* «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина // XVIII век: Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. С. 259–268.

- Руссо 1961a — *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: В 3 т. Т. 2: Юлия, или Новая Элоиза. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961.
- Руссо 1961b — *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: В 3 т. Т. 3: Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961.
- Свендсен 2003 — *Свендсен Л.* Философия скуки / Пер. с норв. К. Мурадян. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Чернышевский 1975 — *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях / Под ред. Т. И. Орнатской и С. А. Рейсера. Л.: Наука, 1975 (Лит. памятники).
- Юханнисон 2011 — *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / Пер. со швед. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- Béranguier 1997 — *Béranguier N.* Le “dangereux depot”: virginité et contrat dans *Julie ou la nouvelle Héloïse* // *Eighteenth-Century Fiction*. Vol. 9. No. 4. 1997. P. 447–463.
- Faubert 2015 — *Faubert M.* Romantic suicide, contagion, and Rousseau’s *Julie* // *Romanticism, Rousseau, Switzerland: New prospects* / Ed. by A. Esterhammer, D. Piccitto, P. H. Vincent. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 38–53.
- Funke 1983 — *Funke M. R.* From saint to psychotic: The crisis of human identity in the late 18th century: A comparative study of *Clarissa*, *La Nouvelle Héloïse*, *Die Leiden des jungen Werthers*. New York: P. Lang, 1983.
- Jones 1978 — *Jones J. F.* *La Nouvelle Héloïse: Rousseau and utopia*. Genève; Paris: Librairie Droz, 1978.
- MacArthur 1990 — *MacArthur E. J.* Extravagant narratives. Closure and dynamics in the epistolary form. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990.
- Mullan 1988 — *Mullan J.* Sentiment and sociability. The language of feeling in the Eighteenth Century. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford Univ. Press, 1988.
- Starobinski 1971 — *Starobinski J.* Jean-Jacques Rousseau: La transparence et l’obstacle. Paris: Gallimard, 1971.

MÉNAGE À TROIS AS (IM)POSSIBLE PLOT IN ROUSSEAU’S AND GONCHAROV’S WORKS: FROM “JULIE, OR THE NEW HELOISE” TO “OBLOMOV”

Roginskaya, Olga O.

PhD (Candidate of Science in Philology)

Associate Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities,

National Research University “Higher School of Economics”

Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya, 21/4, Office 416B

*Tel. +9(495)7729590*22694*

E-mail: olgaroginskaya@gmail.com

Abstract. The article discusses how “ménage à trois” as a literary motif functions in Ivan Goncharov’s novel *Oblomov*. This motif is an important aspect of the many-sided reception of Rousseau’s *Julie, or the New Heloise* in the Russian novel. As intermediate links of this receptive couple (Rousseau — Goncharov) we consider different circumstances of how the first and the second halves of Rousseau’s novel were perceived in European and Russian literary and cultural contexts. We also discuss those literary and historical instances in XVIIIth — XIXth Russian culture that were based on the idea of that it was (im)possible to find love and create a family utopia in the form of a ménage à trois.

Keywords: ménage à trois, emotional utopia, family utopia, emotional repertoire, emotional matrices, emotional community, Russian novel, epistolary novel, correspondence, “potential plot”, *Julie, or the New Heloise*, Rousseau, *Oblomov*, Goncharov

References

- Bérenguier, N. (1997). Le “dangereux dépôt”: virginité et contrat dans *Julie ou la nouvelle Héloïse*. *Eighteenth-Century Fiction*, 9(4), 447–463. (In French).
- Bocharov, S. G. (1999). O vozmozhnom siuzhete: “Evgenii Onegin” [About a potential plot: “Eugene Onegin”]. In S. G. Bocharov. *Siuzhety russkoi literatury* [The plots of Russian literature], 17–46. Moscow: “Iazyki russkoi kul’tury”. (In Russian).
- Chernyshevskii, N. G. (1975). *Chto delat’? Iz rasskazov o novykh liudiakh* [What is to be done? From the stories about new people]. T. I. Ornatskaia, S. A. Reiser. (Eds.). Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Darnton, R. (2002). *Velikoe koshach’e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoi kul’tury* [Transl. from Darnton, R. (1984). The great cat massacre and other episodes in French cultural history. New York: Basic Books]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Dmitrieva, E. E., Kuptsova, O. N. (2003). *Zhizn’ usadbnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [The life of the country estate myth: Paradise lost and regained]. Moscow: O.G.I. (In Russian).
- Faubert, M. (2015) Romantic Suicide, Contagion, and Rousseau’s *Julie*. In A. Esterhammer, D. Piccitto, P. Vincent (Eds.). *Romanticism, Rousseau, Switzerland: New prospects*, 38–53. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
- Funke, M. R. (1983). *From saint to psychotic: The crisis of human identity in the late 18th century: A comparative study of Clarissa, La Nouvelle Héloïse, Die Leiden des jungen Werthers*. New York: P. Lang.
- Goncharov, I. A. (1998). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Collected works and letters] (Vols. 1–20). Vol. 4: *Oblomov: Roman v chetyrekh chastiakh* [Oblomov: A novel in four parts]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Grodetskaia, A. G. (2013). Reministsentsii “Novoi Eloizy” v final’nykh glavakh “Oblomova” i “Chto delat’?” (eshche raz o “toske” Ol’gi Il’inskoi v “krymskoi” glave romana Goncharova) [Reminiscences of *New Heloise* in the final chapters of *Oblomov* and *What is to be done?* (one more time about Olga Il’inskaia’s “yearning” in the “Crimean” chapter of Goncharov’s novel)]. In *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaniiia* [Philological notes: Bulletin of literary criticism and linguistics] (Vol. 31), 39–49. Voronezh: Izdatel’sko-poligraficheskii tsentr “Nauchnaia kniga”; Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
- Iukhannison, K. (2011). *Istoriia melankholii. O strakhe, skuke i chuvstvitel’nosti v prezhnie vremena i teper’* [The history of melancholia. About fear, boredom and sadness in times gone by and nowadays. Transl. from Johannisson, K. (2009). *Melankoliska rum. Om ångest, leda och sårbarhet i förfutten tid och nutid*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Jones, J. F. (1978). *La Nouvelle Héloïse: Rousseau and utopia*. Genève; Paris: Librairie Droz.
- Litovskaia, M., Sozina, E. (2004). Ot “semeinogo kovchega” k “krasnomu treugol’niku”: adiul’ter v russkoi literature [From “family ark” to “red triangle”: Adultery in Russian culture]. In S. Ushakin (Ed.). *Semeinye uzy: Modeli dlia sborki* [Family ties: Models to assemble]. (Vol. 1), 248–291. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Lotman, Iu. M. (1992). Russo i russkaia kul'tura XVIII — nachala XIX veka [Rousseau and Russian culture of the XVIIIth — the beginning of the XIXth centuries]. In Iu. M. Lotman. *Izbrannye stat'i* [Selected articles] (Vol. 1–3). Vol. 2: *Stat'i po istorii russkoi literatury XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [Articles on the history of Russian literature of the XVIIIth — the first half of the XIXth centuries], 40–99. Tallinn: Aleksandra. (In Russian).
- Luk'ianets, I. V. (1999). *Frantsuzskii roman vtoroi poloviny XVIII veka: avtor, geroi, siuzhet* [The French novel of the second half of the XVIIIth century: Author, character, plot]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury. (In Russian).
- MacArthur, E. J. (1990). *Extravagant narratives. Closure and dynamics in the epistolary form*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- de Man, P. (1999). *Allegorii chteniia: Figural'nyi iazyk Russo, Nitsche, Ril'ke i Prusta* [Transl. from de Man, P. (1979). *Allegories of reading: Figural language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust*. New Haven: Yale Univ. Press]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Matich, O. (2008). *Eroticheskaia utopiia: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic utopia: New religious consciousness and fin de siècle in Russia. Transl. from Matich, O. (2005). *Erotic utopia: The decadent imagination in Russia's fin de siècle*. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Mullan, J. (1988). *Sentiment and sociability. The language of feeling in the Eighteenth Century*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford Univ. Press.
- Nabokov, V. (1998). *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin"* [Transl. from: Nabokov, V. (1964). *Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin*. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. New York: Bollingen Foundation]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB; Nabokovskii fond. (In Russian).
- Nedzvetskii, V. A. (2000). Epistoliarnyi zhanr v tvorchestve i v zhizni Goncharova [The epistolary genre in Goncharov's works and life]. In I. A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniia* [I. A. Goncharov. New materials and research studies], 327–335. Moscow: IMLI RAN; Nasledie. (In Russian).
- Nevskaia, V. A. (2004). Iuliia Vol'mar [Julie Volmar]. In N. I. Mikhailova (Ed.). *Oneginskaia entsiklopediia* [Onegin Encyclopedia] (Vols. 1–2) (Vol. 2), 762–763. Moscow: Russkii put'. (In Russian).
- Otradin, M. V. (1994). *Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste* [I. A. Goncharov's prose in literary context]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Paperno, I. (1998). *Semiotika povedeniia: Nikolai Chernyshevskii — chelovek epokhi realizma* [Transl. from Paperno, I. (1988). *Chernyshevsky and the age of realism: A study in the semiotics of behavior*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Rozova, Z. G. (1969). "Novaia Eloiza" Russo i "Bednaia Liza" Karamzina [Rousseau's *New Heloise* and Karamzin's "Poor Lisa"]. In *XVIII vek* [The XVIIIth century]. Vol. 8: *Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII — nachala XIX veka* [Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the XVIIIth — beginning of the XIXth century], 259–268. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
- Russo, Zh.-Zh. (1961a). *Izbrannye sochineniia* [Selected works] (Vols. 1–3). Vol. 2: *Iuliia, ili Novaia Eloiza* [Transl. from Rousseau, J. J. *Julie, ou la Nouvelle Héloïse*]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian).
- Russo, Zh.-Zh. (1961b). *Izbrannye sochineniia* [Selected works] (Vols. 1–3). Vol. 3: *Ispoved'. Progulki odinokogo mechtatel'ia* [Transl. from Rousseau, J. J. *Les confessions. Les Réveries du promeneur solitaire*]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian).

- Starobinski, J. (1971). *Jean-Jacques Rousseau: La transparence et l'obstacle*. Paris: Gallimard. (In French).
- Svendsen, L. (2003). *Filosofia skuki* [The philosophy of boredom. Transl. from Svendsen, L. Fr. H. (1999). *Kjedsomhetens filosofi*. Oslo: Universitetsforlaget]. Moscow: Progress-Traditsiia. (In Russian).
- Vertsman, I. E. (1971). Zhan-Zhak Russo i romantizm [Jean-Jacques Rousseau and Romanticism]. In A. M. Gurevich (Ed.). *Problemy romantizma* [Problems of Romanticism]. Issue 2, 64–99. Moscow: Iskustvo. (In Russian).
- Zababurova, N. V. (1999). Frantsuzskii filosofskii roman XVIII veka: samosoznanie zhanra [French philosophical novel of the XVIIIth century]. In N. T. Pakhsar'ian (Ed.). *XVIII vek: literatura v kontekste kul'tury* [The XVIIIth century: Literature in the context of culture], 94–104. Moscow: URAO. (In Russian).
- Zorin, A. L. (2016). *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka* [The hero's appearance: From the history of Russian emotional culture of the end of the XVIIIth — beginning of the XIXth centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

ROGINSKAYA, O. O. (2017). MÉNAGE À TROIS AS (IM)POSSIBLE PLOT IN ROUSSEAU'S AND GONCHAROV'S WORKS: FROM "JULIE, OR THE NEW HELOISE" TO "OBLOMOV". *SHAGI / STEPS*, 3(1), 158–184

НЕПРОЧИТАННАЯ ПАНТОМИМА: ДИССЕРТАЦИЯ ЕВГЕНИЯ ХАРИТОНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И СОВЕТСКИХ ТЕОРИЙ ТАНЦА

Аннотация. Статья посвящена кандидатской диссертации «Пантомима в обучении киноактера» Е. В. Харитонova (1941–1981), известного как прозаик, поэт и драматург. Рассматривается место исследования Харитонova в ряду других текстов о пантомиме 1960–1980-х годов (книги и методические пособия Александра Румнева, Елены Макаровой, Ильи Рутберга и др.): в отличие от других авторов, Харитонов использовал для ее изучения структурно-семиотический метод. С другой стороны, анализируется потенциал диссертации Харитонova как свое-образного манифеста ненормативного движения, которое формировалось внутри пантомимы и главным образом соцреалистического кинематографа учителем Харитонova, актером и мимом Александром Румневым. Кроме того, в статье намечается способ рассмотрения пантомимы и диссертации в первую очередь Харитонova в контексте советского гендерного порядка.

Ключевые слова: пантомима, знак, жест, социалистический реализм, пластическое действие, Александр Румнев

Пантомима в творчестве писателя

Евгений Владимирович Харитонов (1941–1981) — один из значимых авторов советской неподцензурной литературы 1960–1980-х годов. Его тексты и личность прямо или косвенно повлияли как на сверстников, так и на авторов, дебютировавших уже в 1990-е и даже 2000-е годы. Его произведения были известны лишь в узком кругу его друзей, а первые заметные публикации в ленинградских самиздатовских журналах «Часы» и «37» состоялись лишь за несколько лет до его безвременной кончины. В 1981 г. Харитонову была посмертно присуждена премия Андрея Белого (единственная в позднесоветский период независимая литературная премия, вручавшаяся под-

польно с 1978 г.). В 1993 г. в издательстве «Глагол» вышла составленная Харитоновым незадолго до смерти книга «Под домашним арестом», включившая почти все его художественные произведения, научные статьи, а также воспоминания о нем, собранные редактором книги Ярославом Могутиным. В 1990-е годы был написан и центральный для «харитоноведения» текст — статья Кирилла Рогова «Экзистенциальный герой и “невозможное слово” Евгения Харитонova», ставшая предисловием ко второму изданию книги «Под домашним арестом» (2005).

В своей статье Рогов обозначает ряд основных пунктов, позволяющих адекватно прочесть написанные в 1960–1980-е годы тексты Харитонova в изменившихся социальных и культурных обстоятельствах 1990-х и 2000-х годов. Прежде всего это «честная маргинальность», выявляемая на уровне как стилистики, так и тематики его текстов: «экспериментирование с графическим расположением текста на странице, перевернутые и выпадающие буквы в словах, воспроизведение зачеркиваний — все это вписывается в общую идею “непечатности”, ручной работы». Рогов обратил внимание на «соседство пластики и пантомимы с экспериментами в области “другой” прозы». По мнению исследователя, эстетику пантомимы и прозу Харитонova объединяет принцип «освобождения от драматической рутины <...> где смыслы не пересказываются со сцены, но как бы непосредственно рождаются из чистой эмоциональности движения и сценической атмосферы» [Рогов 2005: 6–7].

Действительно, основным и постоянным мотивом литературного творчества Харитонova было эмоциональное переживание собственной и чужой (прежде всего мужской) телесности:

мальчик,
прильнуть и погибнуть,
ребро акробата
не исчезай бесхитростный развязный
гибкие кости
я не прощупал
давай как два голубя как никто
[Харитонов 2005: 52].

Описание мужской телесности — кроме описаний страдающего тела героя или жертвы войны — в 1950–1980-е годы было почти вытеснено из подцензурной советской литературы, но даже в неподцензурной словесности столь сосредоточенное внимание к этому аспекту человеческого существования, как в произведениях Харитонova, встречалось довольно редко. Более того, Харитонов в своих произведениях делал объектом травестирования многочисленные культурные запреты и ограничения на изображения телесности, характерные для русской и особенно для советской культуры:

Напр[имер], — до сколько лет стоит хуй (вопрос в «Вечернюю Москву»). Отвечаем, товарищи. Хуй стоит минус 10 лет от года естественной смерти. То есть, если вам суждено прожить до ста, так он и будет стоять у вас до 90-ста [Харитонов 2005: 329].

В научной же деятельности Харитонов как одну из важнейших задач ставил изучение семиотических аспектов телесных практик, особенно перформативных.

Уникальная «стереоскопия» научного исследования и эстетической рефлексии делает Харитонова ключевой фигурой для изучения того, как в позднесоветской культуре изменялись представления о перформансах тела: писатель-театровед в своих работах радикально расширил круг этих представлений и отрефлексировал собственные открытия, однако современниками они замечены не были. Наша статья является первым шагом к попытке «стереоскопического» рассмотрения научных и художественных текстов Харитонова.

Сегодня имеет смысл заново контекстуализировать — на фоне литературных произведений Харитонова и научных парадигм 1970-х — его кандидатскую диссертацию «Пантомима в обучении киноактера» (1972), до настоящего времени почти не привлекавшую внимания исследователей, за исключением психолога танца и телесности Аиды Айламазян [Айламазян 2009; 2012]. Однако Айламазян использует методологию Харитонова для анализа пантомимы и танца XX в., например творчества Айседоры Дункан. Здесь же эта диссертация будет проанализирована для понимания того, как в творчестве Харитонова взаимодействовало «научное» и «художественное».

На одном из дарственных экземпляров своей кандидатской диссертации Харитонов охарактеризовал ее как «вещь о жизни на грани и для отвода глаз в жанре автореферата с оживляющими отпечатками на мертвом, но долговечном клише» [Харитонов 1993: 11]. Этот инскрипт делает статус диссертации двойственным, неопределенным: получается, академический текст решает чуть ли не художественные задачи. Дарственная надпись демонстрирует отмеченное Полем де Маном «навязчивое внимание к самому себе, использующему язык концептуальных обобщений» [Ман 1999: 162]. Язык, созданный Харитоновым, сегодня требует реконструкции. Позволим себе начать эту реконструкцию с объяснения нашей собственной точки зрения на пантомиму.

В нашем понимании пантомима — прежде всего антропологическая практика, связанная с определенным типом субъекта и экономикой его отношений с другими субъектами («сознание себя как тела, вовлеченного в драму телесных столкновений» [Харитонов 1972: 14]). Пантомиму можно уподобить искусству античных танцовщиков, которые «посредством выразительных ритмических движений воспроизводят характеры, душевные состояния и действия» [Аристотель 2008: 24]. Режиссеры и актеры пантомимы XX в. используют жесты, которые несут «сингулярные», одиночные смыслы, не расшифровываемые полностью на основе предзаданной семантической парадигмы. Интерпретация таких жестов — серьезная проблема для структуралистской методологии, которую использовал Харитонов. То, как Харитонов переосмысливал структурализм, позволяет увидеть особенности его представлений о пантомиме и о ее связи с языком тела.

Пантомима и семиотика

В 1972 г. Евгений Харитонов успешно защитил на кафедре искусствоведения ВГИК кандидатскую диссертацию «Пантомима в обучении киноактера». Подобная тема была для той эпохи довольно актуальной и в то же время

необычной. В СССР 1960–1980-х годов пантомима пользовалась большой популярностью среди любителей искусства, однако развитие этого вида искусства и его изучение отнюдь не поощрялись, оказываясь делом отдельных энтузиастов, так или иначе связанных с театром и/или кинематографом, — Ильи Рутберга, Елены Марковой, Вячеслава Полунина. Характерно, что научным руководителем Харитоновой выступил известный кинорежиссер Михаил Ромм, а сама диссертация была представлена как имевшая сугубо практическое значение, хотя по своим теоретическим интенциям выходила далеко за пределы заявленной темы: Харитонов попытался создать собственную концепцию искусства пантомимы, для того времени глубоко новаторскую.

Используемая Харитоновым структуралистская методология выделяла его диссертацию на фоне других советских работ как предшествующих его диссертации [Славский 1962; Румнев 1966], так и опубликованных после нее [Рутберг 1981; Маркова 1985]. Различающиеся по глубине и подходу, эти работы в первую очередь имели пропедевтическое значение, их авторы стремились познакомить с достаточно трудным предметом более или менее широко читателя. К тому же, повторим, почти все названные авторы были практикующими артистами цирка (Славский), театра (Маркова) и кино (Рутберг). Поэтому в каждой из названных выше книг мы найдем множество описаний как уже состоявшихся пластических спектаклей, так и оригинальных сценариев будущих пантомим. Аналогично в третьей главе диссертации («Примеры») Харитонов представляет восемь уже поставленных и ожидающих постановки либретто, в которых «использованы узнаваемые сюжетные ходы мифологии, фольклора, литературы...» [Харитонов 1972: 110]. Тем не менее эта часть диссертации, на наш взгляд, скорее иллюстративна по отношению к его теоретическим построениям.

Ближе всего к диссертации Харитоновой находятся работы Ильи Рутберга, в частности его небольшое методическое пособие «Пантомима. Движение и образ». В нем исследователь вводит понятия, которые можно встретить и в работе Харитоновой: образ, ритм, стиль, движение, жест и т. д. Рутберг использует и понятие знака, но трактует его скорее в общекультурном, а не в семиотическом смысле. Ссылаясь на Франсуа Дельсарта, он утверждает, что «пантомима соткана из знаков, они составляют материал её языка», что «знаки — главный материал пантомимы, <...> так как впрямую характеризуют индивидуальность человека» [Рутберг 1981: 111]. Из такого прочтения знака вытекает и соответствующее понимание жеста как «вызванного непосредственно, сию минуту рождённого эмоциональным посылом <...>, “выдающего”, а не показывающего» элемента пантомимического действия [Там же: 113].

Харитоновская концепция знака была гораздо более проработанной. Вяч. Вс. Иванов, выступивший официальным оппонентом на защите Харитоновой, в своем отзыве писал, что в диссертации «сжато и ясно изложена оригинальная концепция пантомимы, основанная на глубоком изучении <...> работ по эстетике и семиотике» [Харитонов 2005: 546]. В библиографии диссертации заметное место занимают работы Ю. М. Лотмана, В. Я. Проппа и того же Вяч. Вс. Иванова.

По-видимому, для Харитоновой было важно, чтобы предложенная им концепция пантомимы одинаково коррелировала с установкой К. С. Станислав-

ского на то, что «актёр не отчуждает то, что он играет, каким-либо рациональным отношением к играемому в сам момент игры, но непосредственно существует в новых игровых условиях» [Харитонов 1972: 4], и с описанным Ю. М. Лотманом особым типом семиотических систем, в которых знак обретает значение только в результате соотнесенности с другими знаками той же системы [Там же: 20]. К примерам подобных систем Лотман относит алгебру и академическую непрограммную музыку — значения в них могут носить сугубо реляционный характер. Такой же системой, по мнению Харитонова, является и пантомима, «значение в которой мы устанавливаем из внутрикомпозиционной роли знака, как если бы он не мог соотноситься ни с чем вне пластической композиции» [Там же: 21].

Согласно Харитонову, задача постановщика пантомимы и танцора — «выявить противодвижение в теле, дать ему такой перекося, при котором направление одних частей тела противопоставляется движению других» [Там же: 25]. Автор предполагает, что в основе пантомимы лежит «канон динамического противопоставления» — общая система движений, при котором принимающие участие в движении части тела (руки, ноги, плечевой пояс, корпус) находятся в измененном, асимметричном положении. В таком положении всегда находится человек, делающий спонтанные жесты. «Канон динамического противопоставления (...) намеренно выявляет тело в природной рефлекторной координации» [Там же: 25]. Напротив, балет или военная строевая подготовка всегда слишком эстетизируют человеческое тело и поэтому «неприродны». Однако движения пантомимы, с социальной точки зрения, «слишком» спонтанны и поэтому нарушают подразумеваемую норму.

Согласно Харитонову, актер-мим играет в предельно ограниченных пластических условиях. Пространство, в котором разворачивается пластический жест, словно подвергается своеобразному аналогу феноменологической редукции, «чтобы безусловным образом осуществлялось чувство» [Там же: 9]. При этом поведение мима рассматривается «исключительно в (...) раскрепощённой, рефлекторной пластике, ибо в пределах своего пантомимного бытия он не знает никаких воздействий на себя, кроме воздействий телесных; поведение его целиком основывается на этом обострённом ощущении себя как тела» [Там же: 14].

Харитонов сделал предметом своего исследования не только историю и теорию пантомимы, но и эстетическую активность человека, понятию как совокупность ненормативных телесных практик: почти каждое описанное им движение отклоняется от предполагаемого пластического образца, в качестве которого выступает симметрия классического балета (однако античная скульптура, с его точки зрения, не противоречит эстетике пантомимы). Введенный Харитоновым «канон динамического противопоставления» не имеет предписывающего характера, но создается режиссером-исследователем каждый раз для своих целей, ср. постановку спектакля Харитонова «Очарованный остров» (Театр мимики и жеста, 1972). Конечно, такая ситуация вовсе не отменяет того, что канон динамического противопоставления может быть использован в дальнейшем, однако это будет совсем иное произведение, т. е. каждая новая вариация неизбежно будет оставаться ненормативной.

В советской ситуации начала 1970-х годов диссертация Харитонов была не только новаторской, но и нарушала ряд неписаных правил. Семиотика тогда была методологией, находившейся под явным идеологическим подозрением у властей. Харитонов описывает пантомиму как искусство, в котором значения сугубо реляционны, — иначе говоря, как такой тип искусства, в котором произведения нельзя объяснить или пересказать. Идея «чистого» искусства, выражавшего освобожденную от социальных значений эмоцию, противоречила фундаментальному советскому эстетическому принципу, согласно которому даже музыка требовала объяснения и пересказа [Раку 2016]. Наконец, апология «природности» как освобождения эмоции у Харитонova неявно предполагает, что не только в балете, но и в повседневной жизни телесные движения противоречат природному состоянию человека. За харитоновским пониманием балета проступает критика общества в руссоистском духе. Идея «природности» была скрытополемична и по отношению к структурализму, который был построен как панкультуралистская теория.

Харитоновская концепция пантомимы, по-видимому, была частично реализована в его режиссерской работе с коллективом московского Театра мимики и жеста, с рок-группой «Последний шанс» и в студии пантомимы в доме культуры «Москворечье». Наиболее известной постановкой Харитонova в Театре мимики и жеста был спектакль «Очарованный остров», ставившийся около десяти лет после того, как Харитонов уже покинул театр. Анастасия Кайятос подробно описывает спектакль, сценарий которого был написан по мотивам шекспировской «Бури» и «Метаморфоз» Овидия [Kaiyatos 2012]. Насколько можно судить по другим либретто (написанным, в том числе, на материале собственной прозы Харитонova), у писателя был ряд пластических замыслов, которые могли бы быть реализованы в рамках работы с группой «Последний шанс», однако взаимодействие режиссера с этой группой по различным причинам прекратилось.

Воскрешение «ненормативной» пластики: от Румнева к Харитонову

Можно предположить, что в целом работа Харитонova — не только диссертация о пантомиме, но и описание маргинальных «техник тела» [Мосс 1996], отторгнутых в процессе социальной нормализации. Конкретнее, кандидатскую диссертацию Харитонova следует воспринимать как часть постепенного процесса по реабилитации пластических и жестовых практик в советском искусстве.

Как известно, в 1930–1950-е годы пластические искусства (за исключением балета) или запрещались, или подвергались принудительной нормализации. Только в последнем случае они могли стать составной частью соцреалистического искусства, в том числе кинематографа, выполнявшего, по словам киноведа и антрополога Оксаны Булгаковой, «роль средства “консервации”, медиума трансляции и популяризатора более высоких искусств — литературы, театра, оперы, балета, музыки» [Булгакова 2005: 255]. В качестве примера можно привести использование танцев в фильмах таких классиков соцреалистического кинематографа, как Иван Пырьев или Григорий Александров.

Кроме «консервирующей», соцреалистическое кино выполняло еще воспитательную или, говоря языком критической теории, субординирующую функцию. Оксана Булгакова убедительно показывает, каким образом такие важные составляющие пластического искусства (в первую очередь пантомимы), как движения и жесты, становятся на советском экране 1930-х годов более конвенциональными, подвергаются своеобразному «окультурированию». По мнению исследовательницы, «именно кино предлагает наиболее осязаемое воплощение (курсив автора. — Д. Л.) процесса цивилизации (модернизации, в рамках которой постулирует себя советское общество)» [Там же: 205].

«Цивилизация социалистического реализма» — эта параллельная реальность, созданная кинематографом, — формировала советских субъектов в том числе и тем, что избавляла их от слишком «диких», двусмысленных, эротических или гротескных жестов.

В этом смысле показательна творческая и личная судьба одного из главных учителей Харитонова, танцора и режиссера Александра Александровича Румнева (Зякина) (1899–1965), который прошел путь от звезды постановок А. Я. Таирова до актера эпизодических ролей, игравшего разного рода необычных персонажей в лентах сталинского периода — например, маркиза Па-де-Труа в «Золушке» (1947) Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро или иностранного посла в первой серии «Ивана Грозного» (1945) Сергея Эйзенштейна.

Об Александре Румневе в ранний, «пластический» период его творчества кратко рассказано в работе Ирины Сироткиной «Свободное движение и пластический танец в России». Исследовательница цитирует слова балерины Н. Е. Шереметьевской о нем как «о слишком изысканном, чрезмерно изящно двигающемся, подчеркнуто часто взмахивающем аристократическими тонкими кистями, поражающем изломанными движениями рук и ног»: для современников все это «выглядело анахронизмом» [Сироткина 2012: 55]. Сам Харитонов говорил, что в молодости Румнев «был красив вычурной красотой» [Харитонов 2005: 490].

Анастасия Кайятос пишет о Румневе как о представителе нового для 1920-х годов поколения хореографов, которые делали мужское тело эротическим и даже гомозротическим зрелищем [Kaiyatatos 2012]. Действительно, пластическое мастерство Александра Румнева в 1920-е годы имело выражено гомозротический характер, что для советской культуры 1930–1950-х годов было неприемлемо как по эстетическим, так и по биополитическим причинам. Согласно Кайятос, присущие танцу Румнева движения, нарушающие определенность сексуальной идентификации (*gender-transgressing gestures*), делали его гендерную идентичность «мерцающей» (*emergent*), а его самого — потенциально опасным для коллективного тела, формирование которого входило в имплицитные задачи соцреалистического кинематографа.

То, что ранее могло казаться анахронизмом, в 1930-е годы могло стать опасным не только для репутации, но и для жизни; «в 1933 году, по видимому, спасаясь от репрессий, Румнев покинул Москву» [Сироткина 2012: 55]. Румнев уехал на другой конец страны (на Дальний Восток), стремясь не попасть под облавы на геев в Москве и Ленинграде 1933–1934 гг., завершившиеся введением уголовной ответственности за «мужеложство» — статьи 154-а УК РСФСР, принятой 7 марта 1934 г. (подробнее об этом см.: [Кон 2010; Ролдугина 2016]).

В работах 1930–1950-х годов в движениях Александра Румнева появилось, как Харитонов говорил на вечере его памяти в Центральном доме работников искусства в 1980 г., «много жанрового, реалистического, со снисходительной улыбкой к курьезам жизни, с показом житейского, с любовью к житейскому» [Харитонов 2005: 491]. По предположению Харитонova, это произошло в результате органической эволюции Румнева, но на самом деле подобная трансформация была вынужденной (скорее всего Харитонов и сам это понимал, но не мог сказать вслух на публичном мероприятии). Раньше, чем многие из его коллег, Румнев стал переносить на территорию соцреалистического кинематографа чуждую ему чувственность и «неуместную» телесность. Для того чтобы не выглядеть «ненормальным»¹, стареющий актер старался находить для себя «странные», ненормативные образы, возможные в рамках «не совсем соцреалистических» произведений, какими были фильмы Эйзенштейна или Кошеверовой. В упомянутых выше эпизодическим ролях нюансированное тело Румнева выделялось или даже сопротивлялось тем атрибутам власти или враждебности, которые на него были «нацеplены». Можно сказать, что его минутное появление в том или ином фильме было почти вызовом соцреалистическому кино, которое, по мнению Оксаны Булгаковой, отказалось от приемов «метонимизации» жеста в пользу тела, которое не фрагментировано [Булгакова 2005: 205]

В 1960-е годы, когда отношение к пластическим искусствам смягчилось, Александру Румневу удалось собрать во ВГИКе заинтересованную в пантомиме молодежь и организовать ЭКТЕМИМ (Экспериментальный театр пантомимы), в который, кроме Евгения Харитонova, входили известные сегодня актеры Валерий Носик и Игорь Ясулович.

Одной из причин невероятной популярности пантомимы в СССР 1960-х было общее «потепление» политического и главным образом общественного климата; благодаря этому потеплению и большей эстетической открытости стали возможны и гастроль в СССР Марселя Марсо, и выступления клоуна-мима Леонида Енгибарова, и создание театра ЭКТЕМИМ. Анализ важнейших кинофильмов того периода показывает, что человеческое тело освобождается от строгости сформированного в 1930-е годы канона, движение раскрепощается, эротизируется. В искусстве «оттепели» неформальные отношения преобладают над формальными, это касается и такой прежде «официозной» микрогруппы, как рабочий коллектив [Булгакова 2005: 273–279].

Начиная с 1930-х годов пантомима и близкие к ней пластические искусства были в СССР своеобразным «резервуаром», в котором только лишь и могли сохраниться присущие авангардному танцу и пантомиме ненормативные, трансгрессивные жесты. Их мастером был Александр Румнев, которому удалось репрезентировать свою пластическую индивидуальность даже в кинема-

¹ Я трактую здесь «ненормальность» по Мишелю Фуко. В своем курсе лекций «Ненормальные» он вводит три типа субъектов, которые в XVIII в. воспринимались как подлежащие контролю: «монстры», т. е. люди с неконвенциональными телесными особенностями, например гермафродиты; онанисты; и, наконец, «люди, подлежавшие исправлению», т. е. люди с «неправильным» поведением, от умственно отсталых до «неуравновешенных» [Фуко 2005: 385]. Все это показывает инструментализацию социальной нормы как мощного механизма управления. С точки зрения советской нормы, наделенный странной изысканной пластикой гей Александр Румнев несомненно был «ненормальным».

тографе соцреализма. После его работ подробнейшее описание пантомимы у Харитонова может рассматриваться как своеобразный манифест ненормативного жеста в обществе контроля, в том числе контроля над ненормативными сексуальными практиками и идентичностью, которая им соответствует.

Однако социальное раскрепощение, по Фуко, неотделимо от новых процедур исключения. Либерализация в СССР касалась исключительно нормативных практик тела и мысли, тогда как, например, гомосексуальное поведение оставалась под запретом, а соответствующее влечение стигматизировалось. Более того, по данным Дэна Хили в 1960-е годы репрессивные меры по отношению к гомосексуальным гражданам были не менее жестки, чем в 1930-е: их выслеживали, помещали под арест или иными способами изолировали от общества. Подобная работа проводилась «из страха привнесения в общество “психического заражения” возвратившимися после жестокой лагерной жизни людьми» [Хили 2008: 288].

Такова была (био)политическая ситуация, в которой Харитонов начинал как писатель и как ученый. По-видимому, он достаточно рано осознал себя геем и уже в первых стихотворениях, написанных как раз в 1960-е годы, стремился найти более или менее конвенциональный язык для описания отчужденности и раздвоенности субъекта между «своим» и «чужим» (для советской культуры и общества). Таким конвенциональным языком стал усредненный язык русского модернизма, своеобразный «экстракт» из классических модернистских текстов. Вот характерный пример, развивающий «звездные» образы из классического стихотворения Бориса Пастернака (см.: [Гаспаров, Поливанов 2005]); близнецы Кастор и Поллукс становятся у Харитонова анонимными возлюбленными и в то же время двумя ипостасями одного и того же человека:

Знал один прирученный зверек,
Как, от глаз посторонних кидаясь,
Два приемыша крымских дорог
По гостиницам тайно скитались;
Из оконца, сквозь раму и плющ,
Озарялись рассеянным светом,
Ждали ночь и, закрывшись на ключ,
Становились одним человеком.
<...>
Разве странным покажется им,
Для чего — за собой удалиться
Сразу смерть приказала двоим,
В разных гнездах, в двух разных столицах!
А теперь — в небеса погляди,
Задержишь на эклиптике дольше;
Видишь: Малого Пса посреди
На одну звезду стало больше.
<...>
И глядит на нее все светлей
Та, с полоской слегка раскаленной,
Что когда-то была на земле
На тебя и меня разделенной;

У которой почти не болит
Шрам, отметивший место сращения...
[Харитонов 2005: 345–346].

Позднее Харитонов отказался от языка модернизма начала XX в., а его ранние стихи были опубликованы только через тридцать лет после смерти. Харитонов стал писать во все более неприемлемом для советской печати духе, обращаясь к эллиптическому внутреннему монологу гея («Духовка») или к напоминающей авторские книги кубофутуристов форме расположения текста на странице («Роман»). Но комплекс проблем, интересующих Харитонova, в целом не изменился. Обобщая, можно описать этот комплекс как проблематику конфликта внутри «я» между нормативной и ненормативной субъективностью, «запрещенным» самосознанием; Харитонов показывает, что этот конфликт является частным случаем множественности внутри любой человеческой субъективности. Он не устает показывать эту множественность как через образы (пост)романтического двойника-возлюбленного (ранние тексты, «Духовка»), так и через коллажное совмещение в рамках одного повествования различных анонимных голосов — возможно, являющихся проекциями одного осциллирующего, внутренне разобщенного субъекта («Роман», «Слезы об убитом и задушенном», «В холодном высшем смысле»).

Этому противопоставлению нормативного и антинормативного субъекта в стихах и прозе Харитонova соответствует систематическая антинормативность движения в разработанной им эстетике пантомимы. Понять характер этого соответствия позволяет одна из записей, включенная в цикл короткой лирической прозы «Слезы на цветах». В ней Харитонов различает два вида искусства — «дробное» и «песню», причем из соседних записей понятно, что под «дробным» он имеет в виду собственное творчество:

А в композициях я стремлюсь по капле собрать побольше, чтобы получилось зрелище тугой насыщенной скрученной в комок концентрированной уплотненной жизни в утешение себе и показать людям, как я круто туго напряженно упруго как будто живу.

Бывает искусство дробное, нарезное, много много кусочков, все подклеены один к другому и во что-то соединены; набрать разрозненных кусочков и туда еще что-то навставлять. А то выдох! песня! как-то так ах! и все, как-то так одним махом, — и вот это талант...

<...>

Тут что-то такое, диковинка, должно завораживать как жизнь рыбок в аквариуме. Вот, мол, какая разновидность. На это смотрят или слушают как на что-то от себя отдельное. А там что-то тебя захватившее в круг, заражающее, исторгающее слезы, заставляющее танцевать и петь вместе. То обращено и вызывает к людям, а это отделено от людей, само погружено в свой дивный потаенный узор и должно заколдовать людей, глядящих на него сквозь стекло. А то срывает людей с места, заставляет биться сильнее сердце. В это надо проникать, и удовольствие сам процесс чтения и проникновения. А там оно само в вас проникает, хватает, пронзает и тащит с собой; а потом, может, и кажется пустым [Харитонов 2005: 298–299].

«Дробность» связывается для Харитонова с экзотичностью и ненормативностью («жизнь рыбок в аквариуме», «что-то (...) отдельное»). «Дробное» искусство суггестивно, как жест пантомимы: оно должно «заколдовать» тех, кто смотрит со стороны. К подобной суггестивности Харитонов стремился в собственных литературных произведениях и, по-видимому, воспринимал ее как особое эстетическое качество пантомимы. В своей диссертации он дал собственную концепцию, почему искусство современной пантомимы, состоящей из отдельных, «дробных» жестов, представляет собой единую эстетическую систему.

Литература

- Айламазьян 2009 — Айламазьян А. М. Новая культура танца XX века и проблема персональности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 4. URL: <http://psyanima.ru/wp-content/uploads/issues/2009n4a3.pdf>.
- Айламазьян 2012 — Айламазьян А. М. Эстетика свободного танца // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 43–51.
- Аристотель 2008 — Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Булгакова 2005 — Булгакова О. Фабрика жестов. М.: Нов. лит. обозрение, 2005.
- Гаспаров, Поливанов 2005 — Гаспаров М. Л., Поливанов К. М. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М.: РИТУ, 2005 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 47).
- Кон 2010 — Кон И. С. Клубничка на березе: сексуальная культура в России. 3-е изд. М.: Время, 2010.
- Ман 1999 — Ман де П. Аллегии чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / Пер. с англ., примеч., послесл. С. А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Маркова 1985 — Маркова Е. Современная зарубежная пантомима. М.: Искусство, 1985.
- Мосс 1996 — Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Тр. по социальной антропологии / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Вост. лит. РАН, 1996. С. 242–263.
- Раку 2016 — Раку М. Социальное конструирование «советского музыковедения»: рождение метода // Новое литературное обозрение. № 137. 2016. С. 39–57.
- Рогов 2005 — Рогов К. Экзистенциальный герой и «невозможное слово» Евгения Харитонова // Харитонов Е. Под домашним арестом: Собр. произв. М.: Глагол, 2005. С. 5–18.
- Ролдугина 2016 — Ролдугина И. «Почему мы такие люди?»: Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России // Ab Imperio. 2016. № 2. С. 183–216.
- Румнев 1966 — Румнев А. Пантомима и ее возможности. М.: Знание, 1966.
- Рутберг 1981 — Рутберг И. Г. Пантомима. Движение и образ. М.: Сов. Россия, 1981 (Библиотечка «В помощь художественной самодеятельности». № 24).
- Славский 1962 — Славский Р. Е. Искусство пантомимы. М.: Искусство, 1962.
- Сироткина 2012 — Сироткина И. Свободное движение и пластический танец в России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Нов. лит. обозрение, 2012.
- Фуко 2005 — Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2005.
- Харитонов 1972 — Харитонов Е. В. Пантомима в обучении киноактера. Дис. ... канд. искусств. / Всесоюзный государственный институт кинематографии. М., 1972.

- Харитонов 1993 — Харитонов Е. Слезы на цветах: Сочинения: В 2 кн. Кн. 2: Дополнения и приложения. М.: Ж-л «Глагол», 1993.
- Харитонов 2005 — Харитонов Е. Под домашним арестом: Собр. произв. М.: Глагол, 2005.
- Хили 2008 — Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: Регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Пер. с англ. Т. Ю. Логачевой, В. И. Новикова; Под ред. Л. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2008.
- Kayiatos 2012 — Kayiatos A. Silent plasticity: Reenchanting Soviet stagnation // Women's Studies Quarterly. Vol. 40. No. 3–4. 2012. P. 105–125.

UNREAD PANTOMIME: EVGENII KHARITONOV'S DISSERTATION IN THE CONTEXT OF HIS ARTISTIC CREATIVITY AND SOVIET THEORIES OF DANCE

Larionov, Denis V.

*PhD Student, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science
Russia, 109240, Moscow, Goncharnaia str., 12, building 1
Tel.: (495) 697-91-09
E-mail: vseimena79@gmail.com*

Abstract: This article focuses on Evgenii Kharitonov's Ph.D. dissertation, "Pantomime in Instruction of Film Actors", which he defended in 1972. Kharitonov (1941–1981) is now known as a poet, playwright, and prose writer, and as the founder of contemporary Russian gay literature. We discuss the meanings of his dissertation in some different contexts: Soviet studies of theater pantomime from the 1960s–1980s, represented by monographs and textbooks by Alexander Rumnev, Elena Markova and Ilya Rutberg; as well as Kharitonov's own works. Unlike most authors of Soviet studies of pantomime, Kharitonov implemented the structural-semiotic method in his work. However, his consideration of pantomime as a representation of "natural", "non-restricted" human movements covertly contradicts the culture-centrism common to the Soviet structuralists of the 1960s. We show that Kharitonov's theory of pantomime and his prose and poetry were united by the author's interest in the "non-normativity" of human gestures, behavior and consciousness. Apparently, Kharitonov inherited this interest from the well-known dancer and director Alexander Rumnev, one of his mentors. Rumnev was active in the 1920s and 1960s.

Keywords: pantomime, sign, gesture, socialist realism, plastic action, Alexander Rumnev

References

- Ailamaz'ian, A. M. (2009). Novaya kul'tura tantsa 20 veka i problema personal'nosti [New dance culture of the 20th century and the problem of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna"* [Dubna Psychological Journal], 2009(4). Retrieved from <http://psyanima.ru/wp-content/uploads/issues/2009n4a3.pdf>. (In Russian).

- Ailamaz'ian, A. M. (2012). Estetika svobodnogo tantsa [Aesthetics of free dance]. *Voprosy psikhologii* [Problems of Psychology], 2012(1), 43–51. (In Russian).
- Aristotel' (2008). *Poetika. Ritorika* [Aristotle. *Poetics. Rhetoric*]. Transl. from Ancient Greek. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).
- Bulgakova, O. (2005). *Fabrika zhestov* [Factory of gestures]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Fuko, M. (2005). *Nenormal'nye: Kurs lektii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Transl. by A. V. Shestakov from Foucault, M. (1999). *Les anormaux: Cours au Collège de France (1974–1975)*. Paris: Gallimard]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Gasparov, M. L., Polivanov, K. M. (2005). “Bliznets v tuchakh” Borisa Pasternaka: opyt kommentarii [Boris Pasternak's “Twin in the Clouds”: An attempt at a commentary]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russian).
- Kharitonov, E. V. (1972). *Pantomima v obuchenii kinoaktera* [Pantomime in the instruction of film actors]. PhD dissertation (VGIK). Moscow. (In Russian)
- Kharitonov, E. (1993). *Slezy na tsvetakh* [Tears on flowers]: In 2 books. Moscow: Zhurnal “Glagol”. (In Russian).
- Kharitonov, E. (2005). *Pod domashnim arestom: Sbranie proizvedenii* [Under house arrest: Collected works]. Moscow: Glagol. (In Russian).
- Khili, D. (2008). *Gomoseksual'noe vlechenie v revoliutsionnoi Rossii: Regulirovanie seksual'nogo-gendernogo dissidentstva* [Transl. by T. Iu. Logacheva, V. I. Novikov, from Healey, D. (2001). *Homosexual desire in revolutionary Russia: The regulation of sexual and gender dissent*. Univ. of Chicago Press]. L. V. Bessmertnykh (Ed.). Moscow: Lodomir. (In Russian).
- Kayiatos, A. (2012). Silent plasticity: Reenchanted Soviet stagnation. *Women's Studies Quarterly*, 40(3–4), 105–125.
- Kon, I. S. (2010). *Klubnichka na bereze: seksual'naiia kul'tura v Rossii* [Strawberries on a birch: Sexual culture in Russia]. 3rd ed. Moscow: Vremia. (In Russian).
- de Man, P. (1999). *Allegorii chtenia: Figuralnii iazyk Russo, Nitsshe, Ril'ke i Prusta* [Transl. by S. Nikitin from de Man, P. (1979). *Allegories of reading: Figural language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust*. New Haven: Yale Univ. Press]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Markova, E. (1985). *Sovremennaiia zarubezhnaia pantomima* [Modern foreign pantomime]. Moscow: Isskustvo. (In Russian).
- Moss, M. (1996). Tekhniki tela [Transl. by A. Gofman from: Mauss, M. (1936). Les techniques du corps. *Journal de Psychologie*, 32(3–4)]. In M. Moss. *Obshchestvo. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii* [Society. Exchange. Personality: Works on social anthropology], 242–263. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Raku, M. (2016). Sotsial'noe konstruirovanie “sovetskogo muzykovedeniia”: rozhdenie metoda [The social construction of ‘Soviet musicology’: Birth of a method]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], no. 137, 39–57.
- Rogov, K. (2005). Ekzistentsial'nyi geroi i “nevozmozhnoe slovo” Evgeniia Kharitonova [The existential hero and the “impossible word” of Evgenii Kharitonov]. In E. Kharitonov. *Pod domashnim arestom: Sbranie proizvedenii* [Under house arrest: Collected works], 5–18. Moscow: Glagol. (In Russian).
- Roldugina, I. (2016) “Pochemu my takie liudi?”: Rannesovetskie gomoseksualy ot pervogo litsa: novye istochniki po istorii gomoseksual'nykh identichnosti v Rossii [“Why are we such people?”: Early Soviet homosexuals speaking in the first person: New sources on the history of homosexual identities in Russia]. *Ab Imperio*, 2016(2), 183–216. (In Russian).
- Rumnev, A. (1966). *Pantomima i ee vozmozhnosti* [Pantomime and its potential]. Moscow: Znanie. (In Russian).

Rutberg, I. G. (1981). *Pantomima. Dvizhenie i obraz* [Pantomime: Motion and image]. Moscow: Sovetskaia Rossiia. (In Russian).

Slavskii, R. E. (1962). *Isskustvo pantomimy* [Art of pantomime]. Moscow: Iskusstvo, 1962. (In Russian).

Sirotkina, I. (2012). *Svobodnoe dvizhenie i plasticheskii tanets v Rossii* [Unrestricted motion and free dance in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

LARIONOV, D. V. (2017). UNREAD PANTOMIME: EVGENII KHARITONOV'S DISSERTATION IN THE CONTEXT OF HIS ARTISTIC CREATIVITY AND SOVIET THEORIES OF DANCE. *SHAGI / STEPS*, 3(1), 185–198

ВЫШЛИ НОВЫЕ КНИГИ

Избранные разделы психологии научения: Коллективная монография / Отв. ред. В. Ф. Спиридонов. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 336 с.
ISBN 978-5-7749-1200-1

Монография включает ряд обзорных статей, посвященных феноменам, трудностям и психологическим механизмам процесса научения. Публикуемые работы объединены интересом к закономерностям научения, т. е. к изменению человеческого поведения под влиянием приобретаемого опыта. Издание может быть использовано в качестве учебного пособия для учебных курсов, преподаваемых на психологических факультетах университетов: «Общая психология», «Психологический практикум», «Экспериментальная психология», «Психология познания», «Психология развития», «Введение в профессию», и спецкурсов как теоретической, так и прикладной направленности.

Для студентов, аспирантов, научных работников и всех интересующихся проблемами когнитивной психологии научения, а также специалистов в прикладных областях, которые сталкиваются с проявлениями человеческого фактора.

Осмысление природы в японской культуре: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Мещеряков. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 272 с.
ISBN 978-5-7749-1199-8

Осмысление среды обитания в историческом ракурсе является важнейшей характеристикой той или иной культуры. Авторы настоящего сборника анализируют различные аспекты осмысления природы в Японии. Анализу подвергаются религиозная мысль, поэзия, моделирование природы в садовом искусстве, кино, динамика восприятия природной семантики, отношение к лесу в современной Японии и России.

Для всех, кто интересуется культурой Японии.

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

2017, 3 (1)

Основан в мае 2015 г.
Established in May, 2015

Научный редактор

М. В. Ахметова

Редактор английского текста

Х. Баран

Корректурa

Е. П. Шумилова

Верстка, дизайн

В. Ф. Лурье

Academic Editor

M. V. Akhmetova

English Language Editor

H. Baran

Copy Editor

E. P. Shumilova

Layout Editor, Designer

V. F. Lurie

ISSN 2412-9410

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: Russia, 119606, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, corpus 9

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

The journal is published by The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать 19.04.2017

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

© Авторы

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors